

ИВАН ЕГОРОВ

Константа
ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Тольятти
Литературное агентство Вячеслава Смирнова
2014

ББК 84(2Рос - 4Сам - 2Тол) 6 - 4
Е55

ЕГОРОВ, И.

Е55

Константа относительности: повести и рассказы /
Иван Егоров. –
Т.: Литературное агентство В. Смирнова, 2014. – 272 с.
ISBN 978-5-98147-041-7

Книга издана при поддержке
Министерства культуры РФ и Союза российских писателей

ISBN 978-5-98147-041-7

© И. Егоров, 2014
© М. Шляпина, 2014
© Литературное агентство
В. Смирнова, 2014

ЭТАП

Трое в теплой кухне пили вино. Паша, Юра, Андрей.

— Надо что-то делать, ребята.

Паша и Андрей подняли брови.

— Ну, нельзя так дальше жить. Нельзя. Я лично не могу. Все.

Брови опустились. Глаза в сторону. Еще по глотку вина.

— Ну, чего вы молчите. Скажите хоть что-нибудь.

— Что у тебя опять случилось?

— Опять?.. Это не опять. Это постоянно. Это всегда. Две недели назад на общем собрании курса голосовали за исключение Сашки Гаева из комсомола. Ни за что. Просто так. Но почти единогласно. Только Решетников воздержался, а я со всеми «за» был. А что оставалось. Вчера Гаева уже посадили. А сегодня голосовали за исключение Решетникова, чтоб не повадно было врагов народа поддерживать. Через две недели и его посадят. И опять я «за» голосовал.

— Правильно делал.

— Правильно, правильно... Хренабельно! И что теперь — так всю жизнь? А нам только по двадцать. Этак мы загнемся — жить-то еще сколько.

— Ты уже, Юра, загнулся, — Андрей долил в стакан вина. — И это радует.

— Кого радует? Меня — нет.

— Меня радует.

— С чего это вдруг?

— Ну, ты же не сможешь так жить дальше?

— Не смогу, Андрей.

— И что будешь делать?

— Не знаю. Вот, у вас спрашиваю.

— Значит, поможешь мне.

— Так ты все-таки что-то придумал?

— Вынуждают.

— Кто?

— Дед Пихто... Ситуация вынуждает. Ты не в курсе разве, что Ягоде кислород перекрыли.

— Ну и...

— Сейчас весь аппарат НКВД обновят. И ярославский тоже. И вообще, всю власть в области. И те, кого сменят, не на пенсию пойдут вовсе. И поинтересуются у них там, где они окажутся, почему во всей стране неурожай, да недород, да все заводы в ущерб себе работают, а у вас, мол, в Ярославле уже не один год как сад цветущий. Да и в личном плане все обогатились, куда лучше других областей. И не просто так интересоваться будут, а с пристрастием. Иголочки под ногти загонят. По зубкам постучат. Много еще чего придумать можно. А кого-то и бить не надо будет, и просить даже. Они сами про меня расскажут — по доброте душевной или из-за внезапно проснувшейся высокой идейной сознательности. Так что и мне что-то делать надо. С опережением, разумеется.

— Может, за границу? Сам уйдешь и нас с Пашкой вытащишь.

— Слишком просто, Юра. Неинтересно. Не для того бог наградил меня таким даром, чтобы я убежал от опасностей. Я сам опасность страшная. Пусть от меня убегают. А потом вот сам же ты говоришь, что нам всем по двадцать только. Это ж сколько еще в жизни натворить можно, а ты уже за границу намылился — на печке буржуйской задницу греть. Не-а. Не пойдет.

— По-моему, Андрюха, что-то уж больно серьезное ты задумал. Мне даже нравится начинать.

— Угу. Серьезней некуда. Ты, Юр, скажи — ты до скольких лет пожить собираешься?

— Ну-у, если ты со своим талантом что-нибудь интересное в жизни мне предложишь, то до восьмидесяти пяти — не меньше.

— Ага. Значит, шестьдесят пять в запасе у тебя еще есть.

— Логично.

— Значит, лет пятнадцать на мою великую идею убухать сможешь?

— Смотря что предложишь.

— Не пожалеешь.

— Тогда смогу.

— Но только придется еще долго голосовать «за». Для конспирации.

— Когда знаешь ради чего — это уже совсем другое дело.

Паша отставил пустой стакан в сторону.

— Подождите, ребята. А вы меня что — в расчет брать не собираетесь?

— Паша? А ты как здесь оказался? — удивился Андрей.

— Да. Ты когда пришел? — улыбнулся Юра.

— Ребята, кончайте умничать. По башке надаю обоим.

Все трое рассмеялись.

— Нет, Паш. О тебе я тоже не забыл. Вот ты, как раз, за границу и поедешь. От жизни этой хорошей.

— А почему не я?

— Потому что сейчас вы захотите тянуть жребий, и Паша вытянет за границу.

— А мы все равно проверим.

— Валяйте.

Юра всунул в кулак две спички.

— Короткая — за граница.

Паша долго раздумывал и, наконец, вытянул короткую. Оба повернулись к Андрею.

— Ты когда-нибудь ошибаешься?

— Не-а.

— Ладно. А теперь серьезно. Все решает жребий или так действительно надо?

— Черт его знает. Просто здесь вдвоем можно будет справиться. Зачем же третьему столько мучиться? Ну, наконец, и там кое-что из работы найдется. А жребий честный. Я его не подтасовывал. Всего лишь результат предвидел. Хотите — можете поменяться.

— Понятно. А что делать-то будем?

— Протрезвеете — расскажу.

— Мама, значит, у нас с Мишуткой теперь не будет папы?

— Глухая ты еще, Машенька. Конечно, будет.

— Я не хочу другого папу. Я хочу нашего.

— Другого папы быть не может. Папа один — на всю жизнь. А твой папа особенно. Просто теперь он не будет жить с нами. Но он будет приходить к нам в гости.

— И будет с нами играть?

— Обязательно.

— А почему он не может остаться? Разве он нас больше не любит?

— Любит, дочка. Конечно, любит. Но сейчас ему надо пожить одному. Потом ты поймешь, почему.

— Значит, он потом к нам вернется?

— Может быть.

— Вернется, вернется. Я знаю. Потому, что я очень-очень его люблю. И Мишутка тоже любит. И ты. И мы все вместе будем его ждать. Правда, мама?

— Правда. Правда, дочка.

— Товарищ Афанасьев! Сергей Яковлевич!

— Извините, мне кажется, я вас не знаю.

— Это же прекрасно! Новое знакомство — это всегда так интригующе. Да куда же вы так бежите? За вами, право, не угнаться.

— Я не собираюсь с вами знакомиться. Идите, товарищ, своей дорогой.

— Вы знаете — парадокс, прям, какой-то — мне как раз нужно с вами в одну сторону... Да. А хотите, я вас застрелю?! Прямо сейчас, например. Смотрите, какой у меня красивый «Вальтер». А как стреляет, как стреляет! Загляденье. Вам непременно понравится.

— Что? Застрелите меня прямо в центре Парижа? У всех на глазах?

— Застрелю. Если будете настаивать.

— Что вы хотите?

— Ну, во-первых, чтобы вы пошли помедленнее. Да. Вот так, например. Во-вторых, может, мы зайдем, ну, хотя бы в то кафе? Я угощаю.

— Вы меня вербуете?

— Да что вы, Сергей Яковлевич. Зачем кому-то тратить деньги на второго секретаря посольства, если и сам посол, и его советник уже завербованы всеми странами сразу. Разве вы можете разболтать секретов больше, чем они?

— Не могу.

— Ну, вот видите.

— Позвольте заметить, что за мной, вероятно, следят.

— Ну, что вы, Сергей Яковлевич. Все Цицероном каким-то себя мните. Я же уже сказал — кому вы нужны. ГБ ваше сраное следит за вами два раза в месяц. Для профилактики. И для галочки. Сегодня их нет, не беспокойтесь. Прошу вас. Заходите.

Двое вошли в кафе и сели за столик.

— Я буду краток. Вот фотография. Узнаете кого-нибудь?

— Да. Это я позавчера в кафе на набережной.

— А что за тип с вами за столиком?

— Не знаю. Не было свободных столиков — он сел за мой.

— А почему вы друг на друга так внимательно смотрите?

— Это случайность. Мы сидим друг против друга, и волей-неволей, когда голова не смотрит в тарелку, то обращена к тому, кто напротив.

— А что за бумаги у вас на столе?

— Не знаю. Это его.

- Как у вас все просто, Сергей Яковлевич, получается. Вы и гэбистам все так же объяснять будете?
- Что объяснять? Что из-за тесноты пришлось поужинать с кем-то за одним столиком?
- Ну, для вас это, может, и кто-то, а для ГБ — это первый и лучший вербовщик английской разведки. Господин Джордаун, если быть точнее.
- Я с ним не разговаривал даже.
- Да успокойтесь вы, пожалуйста. Не дрожите. Конечно, не разговаривали. Мы это знаем. Беда вот только в том, что ГБ этого не знает. Не знает, что вы не разговаривали.
- Я... я...
- Помолчите пока. У вас, надо сказать, сейчас не очень хорошо получается говорить. Так что лучше послушайте. К вашему безмерному счастью ГБ не знает и того, что вы с господином Джордауном за этим столиком сидели. Нету у них этой фотографии. Понимаете? Нету. Успокоились?
- Д-да.
- Рано.
- По-почему?
- Потому, что со временем она может у них оказаться.
- Не надо.
- Вы так думаете? А я вот еще не определился: надо — не надо.
- Что вы хотите?
- Я слышал, вы скоро отправляетесь в Союз.
- Да.
- И кроме дел служебных как будто бы собираетесь провести там и отпуск.
- Да.
- А еще, говорят, вы неплохой охотник.
- Ну-у...
- Не скромничайте, не скромничайте. В общем так, Сергей Яковлевич. Мне кажется, вы уж слишком давно не навещали своих стареньких родителей. А они по вам скучают. Нельзя же так. Так что уж свой отпуск проведите, пожалуйста, не в Москве, как вам того хочется, а в Иркутске, с родителями. Заодно и поохотитесь. Вопросы есть?
- Нет... Хотя есть.
- Ну.
- А вдруг вы из ГБ? Может быть, вы таким образом хотите проверить мою неподкупность и преданность своей партии, народу и

товарищу Сталину лично. И если я соглашусь выполнять ваши условия, вы меня как предателя и упечете.

— А кого вы предаете, товарищ Афанасьев? Башкой-то своей подумайте. Вы едете охотиться на медведей. Даже если я из ГБ, то на мои условия согласиться не предосудительно. А вот если не согласитесь, то фото вы видели.

— Вы дадите мне время подумать?

— Нет. Отвечайте сейчас же.

— Хорошо... Я согласен.

— Ну что ж. Тогда всего хорошего. Приятно было познакомиться. Вы, пожалуй, идите. А я еще тут посижу немного.

— До свидания.

Афанасьев вышел. Мужчина, сидевший за дальним столиком, встал и подошел к обладателю красивого «Вальтера». Он оказался человеком с фотографии, минуту назад лежавшей на столе.

— Все в порядке, Рамирос, — с довольной улыбкой сообщил по-испански хозяин «Вальтера». — Иначе и быть не могло. Зря мы так пеклись обо всех запасных вариантах. Зря я переживал, что твоя мексиканская физиономия не похожа на английскую. Товарищ Сталин настолько запугал свой народ, что если бы мы посадили с этим секретарем за один столик папу римского в полном папском облачении, а потом сказали бы, что это был парагвайский шпион, то он со страху все равно поверил бы. Надо отдать товарищу Сталину должное — мозгов у него больше чем хватает. Лихо он их всех держит. Умен, сволочь. Может, мы, Рамирос, передумаем его убивать?

— Вам виднее, хозяин.

— Хм... Тебе все равно. Хорошая позиция. Легкая. Ты там не жил в этом страхе. Иногда почему-то, Рамирос, даже не смотря на все способности и возможности Андрея, мне кажется, что мы с этим извергом не справимся.

— Синьор Андрей справится со всем.

— Что ж... Будем надеяться.

— Здравствуйте, Сергей Яковлевич.

— Здравствуйте.

— Я коллега того товарища, по чьей просьбе вы здесь оказались.

— Не совсем вас понимаю.

— Бросьте, Сергей Яковлевич. Понимаете. Просто страхуетесь — вдруг я не тот, вдруг из ГБ и на удачу хочу вот так нагло

выяснить: с чего это вдруг такая неожиданно проснувшаяся любовь к родителям и иркутским медведям. Но я тот. И про фотографию знаю.

— С этого и надо было начинать.

— Я лучше знаю, с чего мне начинать. Я вас проверял — достаточно ли вы осторожны. Потому что, чтобы уцелеть, вы теперь должны быть очень осторожны.

— Чтобы уцелеть?

— Да... Вы же не думали, что нам нужна была всего лишь ваша поездка в Иркутск.

— Ну-у...

— Не думали. Правильно. Есть и еще что-то, что нам от вас нужно.

— Значит, все же вербуете?

— Отнюдь. Давайте не будем бродить вокруг да около. В течение вашего отпуска вы должны жениться. Красивая женщина тридцати с небольшим лет. Живет здесь, в Иркутске. Двое детей. И ее, и детей вы увезете с собой в Европу.

— Но, извините, это, прям, самоуправство какое-то. Вы за меня решаете всю мою дальнейшую жизнь.

— Всю дальнейшую жизнь, говорите, — незнакомец усмехнулся. — Сколько пафоса. Смешно даже. Советские люди уже давно так не говорят. Потому что вся дальнейшая жизнь уж больно часто кончается у них через пару месяцев лесоповала или рудника какого-нибудь. А вас за работу на английскую разведку так сразу к стенке приставят. Что-то хотите возразить еще?

— Хочу, но не буду. Все равно бесполезно.

— Правильное умозаключение. Вот ее фотография. Посмотрите и запомните, чтобы не шарахаться от нее, когда она к вам подойдет. Зовут Анастасией Игоревной. Будете делать все, как она скажет. Со стороны, сами понимаете, все должно выглядеть естественно: случайное знакомство, любовь, цветы и все прочее. Не забывайте, в какой стране вы сейчас находитесь. Стукачи кругом. И платные, и бескорыстные. Кто-то заподозрит неладное — и вас сгноят даже без того снимка в парижском кафе. Все.

Афанасьев посмотрел на фотографию, улыбнулся:

— Красивая.

Улыбнулся и незнакомец:

— А вы что, надеетесь, что будете с ней спать?

Улыбка слетела с лица Афанасьева.

— А как же... это...

— Это?.. Ну, я, конечно, не могу отвечать за нее с полной

уверенностью, но мне кажется, она станет для вас идеальной женой и не будет допытываться, почему вы поздно приходите с работы или не приходите вовсе. Что-то еще?

— Нет.

— До свидания.

— До свидания.

— Да, последнее. Она вам это сама скажет, но я еще на всякий случай подтвержу, чтобы сомнений не возникало: тронете детей хоть пальцем — она вас убьет. Предыдущего мужа она за это и убила.

— Папа, мы все уезжаем с дядей Сережей.

Девочка плакала.

— Я знаю Машенька. Так надо.

— А как же ты?

— Ты умеешь хранить тайны?

— Умею.

— И никому-никому не расскажешь?

— Никому.

— Даже маме.

— Даже маме.

— Хорошо, дочка. Слушай. Я обязательно к вам вернусь. Обязательно. Мы прогоним дядю Сережу и будем жить все вместе, как раньше: ты, я, мама и Мишутка.

Девочка вытерла слезы и посмотрела отцу в глаза:

— Обещаешь?

— Обещаю... Но только никому ни слова.

— Никому, папа. А скоро ты к нам вернешься?

— Вернусь, Машенька. Может не очень скоро, но обязательно вернусь. Верь мне, дочка. И жди.

— Ну что, Юр. Тылы чисты, руки развязаны. Пора начинать, наверное.

— Тебе, Андрей, виднее.

— Это точно. Поэтому я и говорю — пора начинать.

— Проходите, товарищ подполковник. Садитесь.

Человек в форме капитана МГБ сел в указанное кресло. Тридцать пять лет. Брюнет. Лицо мраморной статуи. Не белое — нет. Неподвижное, непробиваемое, мертвое.

Хозяин кабинета — толстячок в штатском — непроизвольно поежился:

— Не хотел бы я быть у вас в подчинении.

Тишина. Никакой реакции на лице брютета. Даже глаза не дернулись — неотрывно смотрят прямо на собеседника.

— В вашем деле написано, что отвечаете на все вопросы не задумываясь, и не задумываясь молчите, если отвечать не надо.

Опять тишина.

— Почему так?

— Я очень умен.

Ответ моментальный, одними губами. Лицо и взгляд по-прежнему неподвижны.

Толстяк хитро улыбнулся:

— Я тоже не дурак, но почему-то обо мне так не пишут.

— Значит, я умнее.

— Правда?! Тогда почему вы занимаете более низкое положение в нашей структуре?

— Я моложе. Со временем все изменится.

— То есть вы обгоните меня на служебной лестнице?

— Нет. Вы с нее уже сойдете. На пенсию, например. А я поднимусь на ваше место. Или выше.

— Хорошо. Тогда такой вопрос, Николай Николаевич, — толстяк на мгновение стрельнул взглядом на левый погон брютета с четырьмя капитанскими звездочками. — Почему вы не удивились, когда я назвал вас подполковником.

— Я ничему не удивляюсь.

— Почему тогда никак не отреагировали, не поправили меня?

— Потому, что вы не ошиблись.

— То есть вы уже подполковник?

— По вашей легенде — да.

— Объясните.

— Вы хотите поручить мне какое-то ответственное задание, вероятно с выездом в регионы, для облегчения выполнения которого мне желательно выглядеть посolidнее, то есть подполковником. По факту же я пока остаюсь капитаном.

— Вы видите меня первый раз в жизни, ничего подобного раньше не выполняли и, тем не менее, угадали все точка в точку, даже про выезд в регионы. Как?

— Я очень умен.

— Все равно, чтобы до этого додуматься, нужно какое-то время.

— Мне оказалось не нужно.

— Вы себя, случаем, не считаете умнее товарища Сталина.

— Нет. Таких людей не бывает.

— Хорошо, — толстяк откинулся на спинку кресла. — Вы меня устраиваете.

Очень мягко, не раздражая, зазвонил один из четырех телефонов на столе. Излишне суетливо толстяк схватил трубку и плотно прижал ее к уху.

— Меня тоже, — услышал он, после чего на том конце провода начались короткие гудки.

— Не раньше, чем во вторник, — деловито ответил хозяин кабинета этим гудкам, сделал серьезное лицо и положил трубку.

Капитан-подполковник продолжал сидеть, как сидел, не сводя глаз с собеседника. Последний же раскрыл лежащую перед ним папку, взял верхний листок и протянул через стол.

— Прочитайте. Распишитесь.

Не наклоняя головы, брюнет опустил глаза на бумагу, прочел, расписался предложенной ручкой, протянул листок через стол, после чего принял прежнее положение.

— У вас нет вопросов?

— Нет.

— Это расписка о неразглашении.

Тишина.

— Вы предупреждены о последствиях.

Все та же тишина. Никакой реакции.

— Ну что ж, — лицо толстяка приняло озабоченное выражение. — Теперь приступим к самому заданию. Вот это, — он взял из папки другой листок и положил перед собеседником, — было найдено вчера утром в портфеле, лежащем посреди дороги, по которой ехал товарищ Сталин.

Опять отреагировали только глаза брюнета, равнодушно начав бегать по лежащей на столе бумажке. Крупно, ровно, печатными буквами, каждый штрих по линейке:

«Однажды, когда ты будешь спать, я прикоснусь к твоему плечу и скажу: “Я пришел”. И ты умрешь. Может, это будет завтра, а может, через пять лет. Так что приятных тебе кошмаров».

Сразу с последней строчки, не останавливаясь, взгляд на несколько секунд перенесся на большое зеркало, висевшее чуть сбоку за спиной толстяка.

— Поездка была запланирована?

— Нет.

— Кто знал маршрут и за какое время до выезда?

— И маршрут, и конечный пункт поездки знал только один человек — водитель машины охраны, ехавшей первой. Он получил

указания от товарища Сталина лично. Прямо перед выездом.

— Сел в машину и поехал?

— Да. Сразу же. Контакт с кем-либо исключен. Замечу также, что этот маршрут был выбран впервые.

Глаза стрельнули в лежавший на столе листок:

— Бумага и карандаш московского производства. Портфель тоже.

— Да. Откуда вы знаете?

— Он тоже умен. Все купил здесь, чтобы не понять, откуда он на самом деле.

— Справитесь?

— Найти и обезвредить?

— Нет. Только найти и доложить мне.

Выстрел глазами в зеркало.

— Справлюсь.

— Ваши полномочия можете считать неограниченными. Можете запрашивать себе любых свидетелей, любых специалистов, любую информацию — все, что хотите.

Толстяк нажал кнопку на столе. В дверях появился охранник.

— Идите. Вас проводят до ваших новых апартаментов и введут во все тонкости вашего нового положения.

Уходя, брюнет опять задержал взгляд на зеркале. Лишь только дверь захлопнулась, зазвонил тот же телефон. Все так же суетливо человек в штатском схватил трубку.

— А он действительно очень умен, товарищ Лунин. И главное — очень быстро умен. Это хорошо, что вы его нашли, но плохо, что так долго не замечали раньше.

Снова короткие гудки.

— Товарищ подполковник, ваш заместитель по оргвопросам майор Синицын.

Капитан Головкин вошел в свой новый кабинет. Снял старый китель, отдал стоящему рядом навьютку майору, надел новый с подполковничьими погонами, висевший на спинке одного из стульев. Обернулся к своему новому заместителю.

— Позвоните в архив. Пусть делают, что хотят, но чтобы через два часа, к моему приезду, было сложено на одном столе все, что у них есть обо всех предсказателях, ясновидящих, гипнолизерах и тому подобных тварях за последние восемьдесят лет. И не только у нас, но и по всему миру.

Поздно вечером, вернувшись из архива, Головки сразу же вызвал к себе Сеницына, сел за свой рабочий стол в большое мягкое кресло, открыл портфель.

— Запоминайте.

В руки Сеницына переключившись из портфеля первая папка с фотокопиями документов.

— По этому: найти, где бы они ни были, всех живых участников и свидетелей расстрела, допросить, — Головки сделал паузу и после нее особо подчеркнул интонацией следующее слово, — хорошо допросить каждого на предмет достоверности смерти.

Еще две папки оказались в руках майора.

— По этим: найти, где сидят. Если расстреляны или сами загнулись, то все так же, как по первому. Если живы — не беспокоить, но сразу доложить мне.

Следующие три папки перешли от Головки Сеницыну.

— По этим: связаться с местными органами и узнать — на месте ли, чем занимаются, не ездили сами или их знакомые недавно в Москву. Вопросы есть?

— Никак нет, товарищ подполковник.

Из портфеля вылетела на стол последняя папка.

— Этот самый сложный. И, скорее всего, это тот, кто нам нужен. Тут информация о нем от двадцать шестого и тридцать седьмого годов. Найти всех живых, от кого она предоставлена, и доставить ко мне незамедлительно. Действуйте.

— Есть.

Та-та та-та... Та-та та-та...

«Как тоскливо стучат колеса. Может кому-то кажется, что этот поезд несется с большой скоростью. Нет. Он ползет. Пусть даже и с большой скоростью, но не несется, а еле ползет, как ползет моя жизнь.

Далеко еще до Иркутска, далеко и до восьмидесяти пяти. Скоро все это кончится. Скоро что-то начнется. Как я устал этого ждать. Устал. Мне хуже, чем кому-либо другому, потому что я могу обо всем этом думать. Об этом страхе, что живет в каждом, кто еще не свихнулся, об этой боли. О несправедливости. О трусости, низости, подлости. О незащитности... И о бессилии. О полном бессилии. О полнейшем.

Я могу об этом думать — думать о том, как мне плохо — потому что у меня есть, чем от этого спастись. Потому что я знаю,

что рано или поздно я все это взорву. Сам. К чертям собачьим. И живу только этим знанием. Жду. А другим нечего ждать, нечем взрывать, поэтому и думать о том, о чем думаю я, они не могут. А если могут, то один только раз. И пуля в висок.

Нельзя делать одновременно три вещи: жить, думать и не взрывать самому. Что-то одно надо вычеркивать. Кто-то перестает жить, кто-то — обо всем этом думать. А мне досталось перестать не взрывать все это. Но вот думать больно. И ждать больно. Поэтому и ползет так медленно поезд».

Та-та та-та... Та-та та-та...

— Проходите, товарищ подполковник. Садитесь.

Тот же кабинет генерала Лунина, то же зеркало на стене. Да и сам Лунин тот же.

— Я нашел его.

— Вы абсолютно в этом уверены?

— На девяносто девять и девять десятых процента.

— Значит, небольшое сомнение все-таки есть?

— Нет.

— Где же десятая доля процента?

— У меня привычка оставлять ее себе.

— Быстро работаете, Николай Николаевич.

Верный другой своей привычке, Головко отреагировал на последнюю реплику обычным для него молчанием. Снова зазвонил все тот же телефон. Так же суетливо, как и в первую встречу, Лунин схватил трубку и плотно прижал ее к уху.

— Через десять минут оба будьте в кабинете триста восемнадцать, — услышал он.

На этот раз генерал не стал ломать комедию перед подполковником, разговаривая с короткими гудками. Он просто повесил трубку. Молча.

— Вы встречались когда-нибудь с товарищем Сталиным?

— Нет.

— Пойдемте.

— Автор записки — некто Никитин Андрей Николаевич, приблизительно семнадцатого года рождения, без образования. В прошлом московский детдомовец. Первые сведения у нас о нем от 1926 года. За два года до этого он был забран из детдома и усыновлен частным московским предпринимателем Огурцовым. Сразу после

усыновления Никитина Огурцов неимоверно разбогател. Столь внушительный коммерческий взлет мелкого торговца привлек внимание органов, но Огурцов не отличался болтливостью, и только лишь в двадцать шестом, после хорошего с нашей стороны нажима, удалось выжать из него, что причина такого сказочного процветания — усыновленный девятилетний мальчик. Со слов Огурцова, Никитин имел поразительную способность предсказывать, какие товары в ближайшем будущем поднимутся в цене, а какие, наоборот, упадут, и предсказывать не просто абстрактно, а конкретный день изменения цены и, с точностью до копейки, среднюю новую цену. Сказать откровенно — никто Огурцову не поверил, но на всякий случай решили на мальчика посмотреть. Не удалось. Мальчик как в воду канул, и вскоре этот случай забылся. А в тридцать седьмом году Никитин снова нашелся. Точнее нашелся не сам, а информация о нем. После разоблачения наркома внутренних дел Ягоды новым наркомом Ежовым была проведена тотальная чистка всего руководящего аппарата НКВД, в том числе и в Ярославской области. Уже за несколько лет до этого от наших статистиков стали поступать настораживающие сообщения, что слишком уж все гладко получается у Ярославских колхозников и промышленников. У всех остальных в стране — много хуже. Почему-то значения сразу этому не придали. Видимо, решили, что должно же у кого-то быть лучше всех. Но при обысках на квартирах у арестованной в тридцать седьмом ярославской элиты нашлось что-то уж слишком много ценностей. Разумеется, заинтересовались, откуда. И все как один поведали о молодом двадцатилетнем человеке, Никитине Андрее Николаевиче, который уже несколько лет советовал колхозникам в какие сроки что сажать и убирать, а промышленникам — какие заказы выполнять в первую очередь, а какие не выполнять вовсе. И еще много что советовал. И не только в карман государству. Взамен же требовал немного: чтобы делились слегка доходами и чтобы не докладывали о нем в центральные инстанции. Да о последнем и просить было не надо — кому охота лишать себя такой золотой жилы. Да, была у него еще одна прихоть — любил чувствовать себя вне закона. Говорил всегда что угодно и кому угодно. Больше всего любил вслух о нашем государственном строе порассуждать. Со своей независимой точки зрения. Бояться ему было нечего — все доносы на него читали его же люди. Двести сорок три доноса, как потом оказалось. Четырех самых злостных доносчиков вогнал в могилу с инфарктами и инсультами. Слишком уж они близко к сердцу принимали, когда после всех их письменных стараний он доставал их своими наглыми речами снова и снова, и смеял-

ся им в лицо. Как вы, наверное, уже догадываетесь, когда ежовцы пришли его брать, он снова как в воду канул. С тех пор во всесоюзном розыске, но вот уже больше пятнадцати лет безрезультатно. Никаких сведений о нем ни изнутри страны, ни из-за рубежа. Но я его нашел.

Головко налил себе в стакан воды из графина и, не торопясь, выпил. Сталин и Лунин выжидающе молчали.

— Сейчас он живет в Иркутске. Работает заместителем директора по экономическим вопросам на станкостроительном заводе. Как раз соответственно своему профилю. Фамилия, имя и отчество у него, разумеется, другие. Гладышев Юрий Михайлович. Брать его можно хоть сегодня, но с учетом предыдущего опыта и всего того, что я о нем рассказал, я не думаю, что это будет очень легко.

В наступившей тишине вождь народов, попыхивая трубкой, ходил вдоль окна от стены к стене и переваривал услышанное.

— Ну что ж, — наконец сказал он. — Если все на самом деле так, как вы сказали, то нам предстоит большая работа. Но прежде чем приступить к ней, я задам вам три вопроса. Первый: откуда такая уверенность, что мне угрожает именно этот Никитин, а не кто-либо другой. Второй: как вы так легко его нашли, да еще под другой фамилией, да еще не выезжая из Москвы. Третий: как записка попала в Москву, если этот Никитин тире Гладышев сейчас, по вашим словам, в Иркутске.

Ответ последовал незамедлительно, как будто бы Головко только этих вопросов и ждал.

— То, что угрожает вам именно Никитин, я определил по двум причинам. Первая: автор записки явно обладает способностью предугадывать события. В тот день вы ехали на машине по ранее не используемому маршруту, решение о поездке приняли спонтанно и прямо перед выездом, никому, кроме водителя первой машины, маршрут не сообщили, а он не имел возможности кому-то еще о нем поведать. Тем не менее, портфель с запиской оказался у вас на пути и был оставлен, видимо, непосредственно перед вашим проездом, иначе бы его успел прибрать к рукам кто-нибудь из проходящих мимо малосознательных прохожих. То есть автор знал точное время и точное место. Я проработал в архиве всю имеющуюся там информацию о ясновидящих. Надо сказать, что таковой там оказалось предостаточно, но подлинно интересной — немного. Меня насторожили только семь человек, причем Никитин больше всего. Но остальных шестерых я тоже проработал. Кто-то из них уже ушел из жизни, в чем теперь у меня есть явная уверенность, кто-то оказался больше похож на шарлатана, чем на автора такого серьезного послания. Но

даже этих шарлатанов я не сбросил бы со счетов, если бы не вторая причина, по которой я решил — и теперь уже окончательно — что это Никитин. Эта вторая причина нашлась в процессе поиска самого Никитина, поэтому сначала я попробую объяснить, как я вычислил, что теперь он в Иркутске. Разрешите закурить, товарищ Сталин.

— Курите, товарищ Головкин. Разговор долгий. Выпить, кстати, не желаете?

— Семьдесят грамм коньяку не отказался бы.

Сталин перевел взгляд на Лунина. В руках того непонятно откуда появилась бутылка, разумеется, с коньяком и уже открытая. Головкин взял ее из рук генерала и налил себе сам, в тот стакан, из которого до этого пил воду. Отпив две трети от налитого и закурив, он продолжил.

— Поставьте себя на место Никитина в тридцать седьмом году. Что ему теперь делать в Советском Союзе? Он засвечен, во всесоюзном розыске. Не надо даже обладать даром предвидения, чтобы понять, что второго такого княжества, как Ярославское, он себе не построи́т. Стоит ему где-то проявить свой дар в больших масштабах, и его вычислят, под какой бы фамилией он не маскировался. Да и органы с тридцать седьмого стали пуганные — частенько самообновлялись — так что никто не стал бы уже вступать с ним в сделку из-за денег, больше беспокоясь не о своем благосостоянии, а о целостности своей шкуры. А жить тихо и скромно, как все, он не хочет. Не может уже. Ему размах давай. Королевский. Выход первый: самому устроиться в органы и снова властвовать. Не демонстрируя открыто своего дара. Выход второй: уйти за кордон. С его предчувствием он легко может определить, где и когда переходить границу, чтобы все прошло гладко. А за кордоном он опять король: доносов там не пишут, а насчет личного благоустройства — ему хватит доллара, чтобы утром зайти в казино, а вечером выйти из него миллионером. Тем не менее, Никитин вряд ли бы выбрал первый вариант, поскольку ненавидел органы и их работу, и не выбрал второй, потому что тогда нам пришлось бы пытаться объяснить необъяснимое, а именно: зачем человеку, прокатавшемуся как сыр в масле пятнадцать лет в заграничном комфорте, возвращаться в давно забытую им страну и грозить ее вождю. Зачем? За деньги? Нет. Он их сам может делать без счета. Выручать попавших в беду друзей? Нет. Это можно сделать и не угрожая вам. Да и друзья за это время все уже позабылись бы. Личная нетерпимость к вам? Тоже нет, потому что тогда бы он не ждал так долго. Больше, можно сказать, ничего существенного не остается. Значит, все это время он жил в СССР. Зачем? Почему он ушел за кордон? Почему смирился

с серой жизнью и остался здесь? Ответ первый — женщина. Ответ второй — остался, чтобы убить вас. Не просто убить, а еще попытаться подержать перед смертью в беспокойстве. Почему же тогда так долго не начинал? Потому что руки связаны были. Кем? Опять же женщиной. И, скорее всего, не только женщиной, но и детьми, поскольку женщину можно провести через границу, а вот если она еще с малыми детьми, то это сложнее. И пока любимая женщина с детьми в руках советской власти, начинать ему что-либо нельзя. Поэтому и ждал так долго. Но все же начал. Значит, женщина с детьми ушла за кордон. Как? А может все-таки официально? Как официально? Подобру-поздорову никого не выпустят. Турпоездки только для семей высшей государственной элиты. А если заграникомандировка, то детей тогда с собой не возьмешь. А вот если выдать свою жену замуж за сотрудника нашего посольства в какой-нибудь капстране? И чтоб детей усыновил. А почему бы нет?! Я навел справки и понял, что угадал: второй секретарь нашего посольства во Франции проводил в том году отпуск в СССР, ездил в Иркутск, якобы к родителям, и там женился на гражданке Гладышевой Анастасии Игоревне, матери двоих детей. И ее и детей он совсем недавно увез во Францию. А всего за полгода до этого гражданка Гладышева развелась со своим мужем Гладышевым Юрием Михайловичем, заместителем директора иркутского станкостроительного завода. И самое-то интересное то, что и Гладышев и Гладышева в тридцать седьмом жили в Ярославле, там же, где Никитин. Интересное такое совпадение. По всей видимости, это были друг и девушка Никитина. В тридцать седьмом он исчез, год прошатался на нелегальном положении, может, и за границей, а в тридцать восьмом его девушка фиктивно вышла замуж за его друга, друг окончил институт и с молодой женой поехал работать в Иркутск. Только приехал туда уже не друг, а сам Никитин под фамилией друга.

— А куда делся настоящий Гладышев?

— Думаю, сейчас он во Франции — забирает свою псевдожену и детей у нашего дипломата, чтобы спрятать их всех куда подальше. А может и в Союзе, даже в Иркутске. Тоже под чужой фамилией. Ведь Никитин наверняка провел год за границей и мог там и документов поддельных наделать и человека нанять, чтобы жену с детьми у дипломата забрал.

Головка допил остаток коньяка в стакане.

— А что касается вашего третьего вопроса, так я навел справки. В день получения вами записки Никитин, то есть теперь Гладышев, находился в Москве в служебной командировке. В тот же день и уехал обратно в Иркутск. По-моему, слишком много совпадений,

чтобы все было не так, как я думаю.

Сталин стоял, отвернувшись к окну, и курил. Наконец, он повернулся к собеседникам.

— Считайте, что вы уже полковник, товарищ Головки. Брат Никитина поедете лично. Выберите себе команду сами. И в Иркутске можете привлечь в помощь кого угодно. Туда будет сообщено, что полномочия ваши неограниченны. Вопросы есть?

— Никак нет.

— Да, вот еще. Как вы думаете, — Сталин слегка поморщился, как будто бы не хотел говорить дальнейшего, — у него может быть предвидение окончательного успеха его затей? Не какого-то ее этапа, а окончательного результата.

— Возможно, товарищ Сталин. Но ведь он может и ошибаться. А потом, мы ведь не знаем достоверно, в чем его затея заключается. Может, в записке он врет, и настоящая цель вовсе не убить вас, а только напугать.

— Хорошо. А теперь, если честно — вы надеетесь все-таки взять его или нет?

— Я его возьму, товарищ Сталин. Но, думаю, не так быстро, как хотелось бы.

— Есть предложение, товарищи офицеры: сегодня ночью берем главврача областной больницы. Со всей семьей.

— Чем этот тебе не угодил?

— К нему лично претензий нет, но у него дочка восемнадцати лет, стерва такая, студентка сраная. Самая красивая баба в институте. Я к ней почти неделю по-хорошему подходил — морду воротит, даже говорить со мной не хочет. Королева прям — что ты. Цветы ей подарил — она мне их в лицо, сука, бросила. Корчит из себя черт знает что. Сегодня утром подошел практично. Разъяснил ей, кто хозяин в городе, сказал: не дашься — всю семью посадим. На этом все обламывались, а она даже не испугалась, гнида. Хмыкнула, отвернулась и пошла. Папа главврач — думает, ей все дозволено. Поехали, а?

— Только арестовывать?

— Ну почему же. И арестуем, конечно, ну и, соответственно, там ее все того... Вчетвером. А родители пусть посмотрят.

— На квартире?

— А что? Скажи, никогда так не делал.

— Интересное предложение. Мне нравится.

— Мне всегда такие нравились.

- Да и мне тоже.
- А что за статью лепить будем?
- Найдем. Вон, две недели назад в этой больнице наш майор Шатко умер. Менингит на охоте подхватил. Напишем, что отравлен по указанию главврача. Заодно потом еще кого-нибудь из врачей упрячем — а то больно много о себе думать начали.
- А жене с дочкой?
- Тоже что-нибудь приляпаем. Первый раз что ли.
- Значит, говоришь, красивая.
- Еще какая.
- Ну что ж. Придется звонить жене, объяснять, что надо остаться на работе.

Плохо спится теперь товарищу Сталину. До утра не спится вовсе, а утром, наконец, глаза слипаются. Но не облегчение приносит ему этот утренний сон. Нет. И не сон это вовсе, а мучительный кошмар. И всегда один и тот же. Снится ему, что спит он, и что трогает его кто-то за плечо. А потом слышит он два только слова: я пришел — и ужас сковывает его тело. Не может он пошевелить ни рукой, ни ногой. Даже глаза открыть не может. Или не хочет. Нет, все-таки не может. И не хочет тоже. И стоит над ним кто-то, и смеется. Страшно смеется. Не громко, не гулко, не зловеще, но нагло. Безбоязненно. Никто так никогда не мог при нем смеяться. А этот смеется. Поэтому и страшен этот смех. И самому ему, Сталину, страшно.

А потом железные руки ложатся ему на шею и начинают душиить. Сильнее. Сильнее. Медленно, но неотвратимо. И никуда от них не деться. А этот проклятый смех все громче и громче. И вот уже в самое ухо ему смеется его душитель. «Я пришел», — шепчет он сквозь смех. И душиит. Душит так, что глаза начинают вылезать из орбит. Распирает их изнутри, и веки сами собой от давления этого раскрываются. Вот тогда он только просыпается и понимает, что все это всего лишь сон.

Плохо спится теперь товарищу Сталину. Нерадостные вести приходят к нему от полковника Головки.

Что-то необычное было в выражении лиц гэбистов, встречавших московского полковника и его людей на военном аэродроме города Иркутска. Головки не стал ходить вокруг да около, сразу задал вопрос в лоб.

— Что у вас случилось?

— В каком смысле?

— В прямом. У офицеров МГБ не должно быть таких лиц.

— У нас, товарищ полковник, этой ночью ЧП произошло. Да что я говорю — ЧП, — лицо офицера передернулось жуткой гримасой. — Это не ЧП, это такое, что и словами назвать нельзя. Четверо наших сотрудников поехали брать одну гниду ученую — главврачом называется. Водителя у подъезда в машине оставили. Минут через двадцать, не торопясь, выходит из подъезда какой-то тип, подходит к водителю, подает ему небольшой бумажный кулек через окошко и говорит, что это важные вещественные доказательства и что товарищ следователь велел их передать, пусть, мол, лежат в машине. Сказал и ушел в темноту. А водитель посидел чуть-чуть и решил аккуратно в кулек заглянуть интереса ради. Нагляделся... До сих пор блюет. Там четыре члена половых лежали, следователей наших, тех, что вот только в подъезд...

— А записку в квартире оставил? — перебил Головко.

Иркутский гэбист вздрогнул от удивления.

— А... а, — начал выдавливать он из себя.

— А откуда я это знаю, вы хотели меня спросить.

Офицер изобразил что-то отдаленно похожее на кивок головы.

— Я все знаю. Меня поэтому сюда и прислали. Так где была записка?

— В доме... у врача... Там еще кроме нее конверт запечатанный был.

— Мне?

— Да.

— Давайте.

— В управлении.

— Идиоты... Поехали.

Уже сидя в автомобиле, направляющемся к областному управлению ГБ, полковник Головко продолжил:

— Надеюсь, он оставил хозяев тех членов в живых?

— Да.

— Красиво пишет. Как король. Зашел с пистолетом, когда они главврачову дочку рассматривали, обезоружил, заставил друг друга связать, сам связал последнего, рты заткнул, чтоб не орали, а потом всех прооперировал. Так?

— Так точно, — иркутский гэбист уже перестал удивляться прозорливости Головко. — А вы что — его знаете?

— Холодно у вас тут.

— В каком смысле?

— В прямом. Мозги у всех вас перемерзли. Раз он конверт мне оставил, как же мне его не знать. Ох и трудно мне с вами будет, — подвел черту Головка и больше до конца пути не проронил не слова.

На этот раз маскироваться уже не было смысла, поэтому и почерк был обычный — не печатный.

«Ваш беспредел кончился. Теперь настал мой. С этого дня каждый из вас под моим контролем и отвечать будете за все незамедлительно».

Это местным. В конверте же было другое, не менее наглое послание, только, как оказалось, не для молодого полковника, а для самого Сталина.

«Одного тебя мне уже мало. Хочу, чтоб и подонкам твоим досталось. Город за городом — каждый раз ближе и ближе к Москве, пока не настанет твоя очередь».

Головка протянул обе записки и конверт своему помощнику Синицыну, прилетевшему вместе с ним.

— Подшить в дело. Копии секретным порядком передать Лунину. И через час чтобы здесь были начальники городских и областных управлений госбезопасности и внутренних дел и начальник военного гарнизона — каждый с двумя своими заместителями. Охрану здания на этот период утроить. Выполняйте.

Ровно через час все нужные люди вошли в кабинет и расселись за столом.

— Я надеюсь, все осведомлены о предоставленных мне полномочиях, — начал Головка, пугая всех собравшихся мертвой неподвижностью своего лица и глаз.

Дождавшись, когда все пять начальников утвердительно кивнули в ответ, он, игнорируя реакции замов, продолжил:

— Хорошо. Тогда я сразу объявлю, что буду требовать неукоснительного выполнения моих приказов и полного мне подчинения, не смотря на то, что я не самый старший здесь по званию. Только так мы можем справиться со стоящей перед нами задачей. Задача же наша на первый взгляд простая: взять живым или мертвым всего лишь одного человека, находящегося в нашем городе и к тому же вовсе не собирающегося пока что из этого города убежать. Однако в процессе вы поймете, что взять его будет ох как непросто, именно поэтому это дело и поручили мне. Человек этот Гладышев Юрий Михайлович, заместитель директора станкостроительного завода. Почему так много шума вокруг такой, казалось бы, простой

задачи. Объясняю. Гладышев не только нахальным образом попраляет все нормы социалистической законности, но ему еще хватает наглости пытаться установить законность свою и открыто об этом заявлять. Он не только хочет разрушить советскую власть в нашем городе — он хочет установить власть свою, единоличную. И может быть не только в Иркутске. И самое главное то, что у него все-таки есть некоторые основания рассчитывать на успех своего дела — слишком уж он силен. Силен не физически, и даже не умственно. Он силен своим даром. В народе это называют ясновидением. Я буду называть вещи более конкретно. Просто Гладышев обладает способностью предвидеть или предчувствовать события на некоторое время вперед и действует сообразно своему предвидению. Но есть у него и слабое место: слишком он сердоболен. Вот и дочку главврача пожалел, как вы уже знаете. На эту его слабость мы и будем его ловить. Советую не забывать, что он тоже ловить нас собирается. Поэтому вы, товарищ генерал, — Головко повернул голову к начальнику гарнизона, — обеспечьте одну роту для постоянной усиленной охраны этого здания, одну роту раздробите для личной охраны всех здесь присутствующих и членов ваших семей, ну и для начала пару батальонов для силовой поддержки нашей милиции и госбезопасности. Вооружите их соответственно стоящей перед нами задаче.

Головко повернулся к начальнику городской милиции.

— Вы, товарищ полковник, отошлите сейчас же две группы: первую — на квартиру Гладышева, вторую — на завод. Ознакомьте всех с внешностью разыскиваемого. В случае успеха поиска — сразу огонь на поражение. В общем-то, на столь легкое и быстрое завершение операции рассчитывать не приходится, так что, если никого там не будет, узнать у соседей и сослуживцев всех абсолютно его знакомых и по картотеке найти их адреса. В квартире Гладышева оставить круглосуточный пост, за квартирами знакомых установить постоянное наблюдение. Выполняйте.

— Есть.

— Да, и учтите, что о его ясновидении ни одна живая душа, кроме здесь сидящих, знать не должна.

Когда полковник МВД вышел, Головко закончил с тем же неподвижным выражением лица:

— Ну а мы сейчас начнем давить на его сердобольность.

Трое на лестничной площадке сверху, трое снизу, трое у подъезда, трое с дугой стороны дома под окнами, трое ломятся в дверь квартиры номер восемь. Все вооружены.

Некуда деться от них Зине Вешниной. И одной некуда деться. А с двухнедельным сыном, спящим в кроватке, и подавно. Даже если бы муж ее был дома, а не сидел в иркутском следственном изоляторе, то и он бы помочь не смог. Открывает она сотрясающуюся от ударов сапогами дверь. Некуда деться.

— Собирайся, сука, ты арестована.

— А... а как же ребенок?

— А нам какая разница. Собирайся.

— Я предупрежу соседей. Пусть отдадут в детдом.

— Не положено.

— Он же умрет здесь один.

— Конечно, умрет. Муж твой враг народа, сама ты такая же — нечего ваше потомство плодить.

Умерла бы другая мать на месте. И Зина бы умерла, случись все это на два часа раньше. Но сейчас она только плачет и уходит покорно с палачами. А могла бы и не плакать вовсе, но насторожились бы палачи, заподозрили бы неладное. Вот и давит она из себя слезу.

Шестеро из подъезда остались в квартире. Остальные девять сели в автобус, повезли Зину туда, куда месяц назад отвезли ее мужа.

Прав был полковник Головкин: холодно зимой в Иркутске. Даже в автобусе холодно. Но у сержанта Азеева всегда с собой большой термос с горячим чаем. Выпили все, согрелись. Зине, разумеется, не дали. Самим мало. Да и если б много было, все равно не дали бы.

Ну, а шестерым в квартире тоже просто так сидеть скучно. Также чай попить решили. Воды вскипятили, заварка на столе в заварочном чайнике. Сахар тут же. Хлеб. Все на халяву. Красота. Плохо вот только, что ребенок плачет — есть хочет. Но нельзя его кормить. Нельзя.

— Товарищ полковник, разрешите доложить.

— Докладывайте.

— Ребенок Вешниной умер.

— Не может быть. Слишком рано.

— Доктор констатировал смерть.

— И что? Никого не было? Никто не пытался проникнуть в квартиру?

— Никак нет.

— Так, — Головкин задумался всего на полсекунды. — Ребенка на вскрытие нашему патологоанатому. Установить точную причину

смерти. Охрану с квартиры Вешниной снять. Сразу после установления причины смерти патологоанатома ко мне на доклад.

— Разрешите, товарищ полковник.

— Проходите. Садитесь.

Человек в форме капитана МГБ с медицинскими эмблемами на воротях кителя вошел и сел напротив Головки.

— Докладывайте.

— У ребенка был врожденный порок сердца. По этой причине он и умер. Спасти его не могло ничто. Даже если бы он получал все необходимые лекарства и кислород, смерть можно было бы отсрочить максимум на сутки.

— Каков, по-вашему, возраст ребенка?

— Он родился два-три дня назад.

— Хорошо подумайте, не мог ли он родиться две недели назад?

— Нет, не мог. Ему не больше трех дней.

— Спасибо. Вы свободны.

Через десять секунд после того, как за вышедшим патологоанатомом закрылась дверь кабинета, Головка уже говорил по телефону с оперативным дежурным по городу.

— Было ли что из роддома?

— Да. Сегодня утром там пропал новорожденный.

Головка повесил трубку. Ничего не изменилось на его лице. Оно всегда оставалось каменным.

Спать не хотелось, хотя и была полночь. Полковник успел выспаться днем, пока нечего было делать, кроме как ждать ответных действий со стороны Никитина — Гладышева. Но действия эти оказались не ответными, а предупредительными.

Головки вызвал Сеницына.

— Сколько человек брали Вешнину?

— Непосредственно трое и двенадцать осуществляли прикрытие.

— Где они сейчас.

— Все отпущены по домам.

— Немедленно приставить к каждому по пять человек охраны из присланных военных батальонов.

— Есть.

Сеницын вышел из кабинета, строго взглянул на двух стоявших охранников, отчего они сразу вытянулись в струнку, и пошел по коридору выполнять приказание. Пройдя шагов пятнадцать, он усмехнулся и процитировал сам себе последнюю часть записки:

— И отвечать будет за все незамедлительно. Хм... А шеф силен. Даже стучать Лунину на него приятно: только хорошее. Интересно — кто и кому стучит на меня.

Плохо спится товарищу Сталину. Страшные вести идут от полковника Головки.

Головка опять опоздал, и в четыре утра сидел уже в его кабинете армейский майор и сумбурно докладывал:

— Все пятнадцать человек отравлены неопределенным пока что радиоактивным изотопом. Попозже мы сможем сказать точно, что это за изотоп. Хотя ситуации это изменить никак уже не сможет. Они все обречены — слишком большие показания радиоактивности в рвотных массах и испражнениях. Попросту говоря — у них скоро сгорят все внутренности.

— Вы установили источник отравления?

— Да. Их два: чай из термоса сержанта Азеева и заварка из заварочного чайника в квартире Вешниной.

— Как радиоизотоп мог попасть в термос Азеева?

— Водитель автобуса входил в состав одной из троек при аресте Вешниной. То есть, пока ее брали, автобус оставался без присмотра и термос в нем соответственно.

— Хорошо. Теперь поторопитесь идентифицировать эту отраву, а когда это сделаете, подумайте, где, когда и у кого она могла быть приобретена. Закончите — доложите. И смотрите, чтоб ни один из них не смог выбраться за пределы изолятора.

— Они все привязаны к кроватям, товарищ полковник. Каждый в своей палате. Да и сил у них уже мало осталось.

— Хорошо. Идите.

Через минуту после того, как вышел майор, в кабинет влетел Синицын.

— Товарищ полковник! Старший охраны больничного корпуса, где изолированы отравленные, докладывает, что все они начали сходиться с ума. С его слов у них одна и та же галлюцинация: к каждому в палату заходит человек с новорожденным ребенком на руках, наклоняет ребенка над кроватью и заставляет смотреть ему в глаза. Молча. Я знаю — даже у двух человек не может быть одинаковых галлюцинаций, тем более у пятнадцати. В общем, я сразу дал команду перекрыть все выходы из корпуса.

— Сколько там охраны?

— Немного. Только чтоб отравленные не разбежались. Кто ж знал, что ему покажется мало, и он еще раз к ним сунется.

— Немедленно туда армейский батальон. Один взвод из него в наружное оцепление, остальные пусть перевернут внутри все вверх дном... Если успеют, конечно.

В эту ночь Головко суждено было только опаздывать. Через полчаса в его кабинете сидел плачущий милиционер и выдавливал из себя отдельные, местами не очень связанные фразы.

— Я... я... я один остался. У запасного выхода... А тут... тут он... С ребенком... Я думал... думал, справлюсь. А он, вот, появился... Он долго шел. Издалека... Я его издалека увидел... А он... он не торопился... Он шел и... улыбался. А у меня пистолет... А он все равно... все равно шел... И улыбался. И так смотрел на меня... так смотрел, что я понял — я не справлюсь... И мне страшно стало. Я... я выстрелил в него, а... а пистолет... осечку дал... А он дальше идет... И ребенок с ним... на руках... Я испугался и...

— И убежал.

— Так точно.

— И пистолет бросил.

— Не помню.

Головко выложил фотографию Гладышева, позаимствованную с заводской доски почета.

— Он?

От одного вида изображенного на фотографии человека лицо милиционера перекошилось в гримасе ужаса.

— Он.

— Уведите, — кратко отрезал Головко вошедшему на вызов кнопкой охраннику.

Дверь не успела закрыться — вошел Сеницын.

— Товарищ полковник, собаки не смогли взять след.

— Еще бы.

— Какие будут указания.

— Через час всех начальников с замами ко мне в кабинет. Не хрен им дрыхнуть — работать надо.

— Значит так, товарищи военачальники. Я вас собрал, чтобы коллективно проверить одно мое нерадостное предположение. Это раз. Ну а во-вторых, я хотел бы послушать, может, после событий сегодняшней ночи что-то кому-то из вас умное в голову пришло. Высказывайтесь.

Полковник откинулся на спинку кресла. Высказываться никто не спешил. Головки не спешил тоже: открыл стол, достал коньяк, налил полстакана и, не торопясь, начал пить.

— Разрешите, — подался вперед начальник городской госбезопасности.

— Попробуйте.

— Всем помочь он не сможет — если нам серьезно подойти к этому вопросу. Берем армейский батальон, оцепляем в три ряда любой дом в городе, выводим всех жильцов по очереди и прям тут же расстреливаем. Посмотрим, как он им сможет помочь.

Головки наградил подателя идеи долгим, ничего не выражающим взглядом.

— А танки?

— Какие танки?

— Вы забыли про танки в оцеплении. И поддержку авиацией с воздуха. Мы, товарищ полковник, не собираемся смотреть, как он не сможет им помочь — мы его поймать собираемся. А если он не будет в состоянии помочь, то и соваться ему незачем. Еще мнения будут?

— Обыскать весь город, — предложил начальник гарнизона, — вначале оцепить. Не так, как сейчас — вокзал и дороги, а все, тотально. Чтобы мышь не проскользнула. А потом дом за домом — все квартиры. Все жилые и нежилые здания: заводы, магазины, школы, детсады — все. Двигаться по длиннику города с одного конца на другой. То, что обыскано, отсекать оцеплением, чтобы не смог перебежать. Деться ему будет некуда.

— Сомневаюсь насчет последнего утверждения. Скажите, товарищ генерал, сколько человек вы собираетесь в этом задействовать?

— Не готов пока ответить точно.

— Но, во всяком случае, не мало?

— Да, конечно.

— А теперь подумайте, что это будут всего лишь солдаты, обычные люди, без высокой, как у нас с вами, идейности. Без всякой сознательности. И какова вероятность, что не найдется хотя бы одного солдата из огромного их задействованного количества, который поленится хоть раз заглянуть в какой-нибудь труднодоступный закуток, разобрать мануфактурную кучу на складе, хорошо протыкать вилами сено на окраинах города и тому подобное.

— Ну, может кто-то где-то и поленится разок-другой, но ведь это же исключение.

— Вы забыли, с кем имеее дело. Он знает все наперед, и если мы перевернем вверх дном весь абсолютно город, но забудем прове-

рить всего один мешок с картошкой на овощехранилище, то именно в этом мешке он сидеть и будет. Есть еще предложения?

Больше желающих не нашлось.

— Что ж. Тогда приступим ко второй части. Я хочу оценить силу его таланта, чтобы полностью отдавать себе отчет, с кем мы имеем дело. Разобьем возможности ясновидящих на три категории. Первая — предвидеть сцены из будущего только со своим участием. Вторая — предвидеть, как все будет складываться не только у себя, но и у других людей, людей тех, которых знаешь, то есть хотя бы раз в жизни видел. Третья — предвидеть любые события с любыми незнакомыми людьми. В любом месте. Интересующие, разумеется, события, потому что за всеми разом не уследить. Исходя из результатов проведенного эксперимента будем действовать так или иначе. В общем, мне нужен человек, которого со стопроцентной гарантией Гладышев никогда раньше в жизни видеть не мог. Кто что может предложить?

— Недалеко от города идут полевые учения, — сразу почти отозвался начальник гарнизона. — Там задействована рота десантников из Красноярского края. В Иркутске они никогда не были, даже не проезжали. Два дня назад выбросились, согласно плану учений, с парашютами.

— На автомобиле туда сейчас добраться можно?

— Да. Дорога расчищена.

— Сколько времени займет доехать туда и обратно?

— Часа два, не больше.

— Хорошо, товарищ генерал. Выберите одного из двух сидящих здесь ваших заместителей, чтобы он отдал приказание лично. По телефону там могут не понять.

— Полковник Щербаков.

Головки перевел взгляд на вставшего заместителя.

— Запоминайте, товарищ полковник. Сейчас вы, разумеется, со своей личной охраной отправитесь в район учений и найдете эту десантную роту. В роте выберете любого бойца, который умеет водить автомобиль и никогда не был в Иркутске, Ярославле и Москве. Лично, без свидетелей, поставите ему задачу сесть за руль и одному поехать в город. Не забудьте объяснить дорогу. В городе пусть остановится у любого дома и зайдет в любую квартиру, какую сам выберет, попросит хозяев открыть почтовый ящик и заберет оттуда любое послание, адресованное не хозяевам. Или не заберет, если такового там не окажется. Если никто не будет открывать, пусть стучится в любые двери, пока кто-нибудь не откроет. Чтобы там не получилось — в любом случае потом пусть едет на вокзал,

туда ему каждый встречный сможет дорогу показать. Вы выедете на десять минут раньше и будете ждать его у военного коменданта вокзала. Оттуда доставите его к нам. Вопросы есть.

— Нет.

— Выполняйте. Остальные свободны тоже. Через два часа, в восемь тридцать, снова все здесь.

Конверт лежал на столе. На нем одно только слово: «Солдату». Это чтобы не перепутал и взял его. А вообще, послание было не ему, а тем, кто собрался в восемь тридцать и сейчас его читал. Лаконичное до ужаса. И до ужаса издевательское.

«Ничего нового сказать мне вам нечего».

И все.

— Категория номер три, — подытожил Головко. — Так что вам до него не добраться.

Покоробило всех собравшихся. От страха, от злости. От бессилия. Дрожь пробрала.

— А вам?

— А я доберусь. Теперь точно доберусь. Вот только, наверное, уже не в вашем городе. Я, если честно, и не надеялся его здесь взять. Прилетел просто поближе познакомиться. Так что пока придется смириться с тем, что он здесь хозяин. Никаких арестов кроме уголовных. Никаких издевательств в отношении уже арестованных. Посмотрим, что он будет делать, когда делать будет нечего. Все свободны, кроме Синицына.

Оставшись наедине со своим помощником, Головко опять залез в стол, не торопясь налил полстакана коньяку, выпил залпом, налил еще полстакана, отпил маленький глоток и только потом отдал распоряжение:

— Свяжитесь с Луниным. Попросите его повнимательнее следить за донесениями от наших красноярских коллег, и если там случится нечто подобное здешнему, пусть сразу известит нас. А мы на этот раз не подкачаем. Можете это ему тоже передать.

Плохо спится не только товарищу Сталину. И в Иркутске спится теперь не всем спокойно. Кому-то от злобы — это высшему эшелону. Не все им теперь дозволено. Не любого мужчину могут они теперь раздавить, не любой женщиной овладеть, не всякую вещь себе присвоить. Как тут спать теперь спокойно. Да и жить теперь как. Не та это уже жизнь.

А кому-то от страха плохо спится. Это тем, что помладше в звании. Вот пошлют их завтра кого-то брать или кого-то расстреливать, и придется идти — а куда деваться. А потом только ходи, дрожи и оглядывайся — откуда эта сволочь тебя достанет. Ведь не только чайком он может угостить, но и кирпичом с крыши, и пером в бок в темном подъезде. Ему видней — он ясновидящий. А то, что ясновидящий, так это все уже знают. И охранник тот в больнице знал, иначе бы не испугался и выстрелил второй раз. Не удержать это в секрете, когда такие дела в городе творятся. Вот и не спится многим в Иркутске.

И хорошо, что не спится.

Лунин не заставил себя долго ждать. Через пять дней пришла от него весточка. Красноярск. Как и следовало ожидать. «Город за городом — каждый раз ближе и ближе к Москве». В Иркутске же все эти пять дней прошли спокойно.

Головко быстро собрал всех тех же. Сообщил о Красноярске. Можно сказать, порадовал.

— Так что дышите теперь спокойно. Вешнину и главврача со всей семейкой можете теперь и расстрелять. Чтоб не повадно было. Пар заодно спустите. И позаботьтесь о подготовке моего самолета к вылету. Как будет готов, сообщите. Я здесь больше не задержусь. Вопросы будут?

— Товарищ полковник, а может их того... не расстреливать. Кто его знает, Гладышев ли там в Красноярске или не он. Может все еще здесь он. А там сообщник его. А потом — он же ясновидящий. Если мы их сейчас расстреляем, он бы об этом загодя знал и тут бы остался. Так что может лучше не надо.

Головко долго смотрел на начальника управления госбезопасности Иркутска, еще недавно предлагавшего расстреливать местных жителей домами.

— Ну, тогда не расстреливайте, — наконец сказал он и снова демонстративно полез за коньяком. — Если вопросов больше нет, все свободны.

Через пять часов Головко все с тем же коньяком уже летел в самолете. Но не в Красноярск. В Москву.

— Все не так безнадежно, товарищ Сталин.

Головко беседовал с вождем народов наедине. Лунина, по настоятельной просьбе полковника, в этот раз оставили не у дел.

— Позвольте мне для более полного и точного изложения моих мыслей называть вещи своими именами, хотя, может быть, это будет очень лестно для нашего противника и не очень приятно для вас.

Сталин молча кивнул.

— Дело в том, что возможности Никитина тире Гладышева, как выяснилось в Иркутске, чудовищны, и нам теперь приходится смириться с допущением, что у него всегда все получается, за что бы он ни взялся. Он предвидит не только окончательный успех своих мероприятий, но и правильную тактику поведения на каждой ступени продвижения к этому успеху. Если же что-то все-таки абсолютно невыполнимо, то он это тоже предвидит и просто не берется за такое дело. То есть в случае с вами, раз он взялся, он добьется успеха. Он его предвидит. Значит, так оно и будет, потому что он не ошибается. Вопрос только в том, что он подразумевает для себя под успехом. Может быть, вовсе не вашу смерть от его рук. Ведь это для него не главное. Согласитесь, что с его возможностями он давно бы мог вас убить исподтишка, без всей этой шумихи. А убить так, как он пишет в записке — практически невозможно, а после того, как он вас предупредил — абсолютно невозможно. И он это предвидит. Значит, он не ставил и не ставит целью убить, просто врал в записке. Зачем? Чтобы запугать. Вот его главная цель. И не только вас запугать, но и в крупных городах с органами пошалить. Ему просто так хочется самовыразиться. Не для жены, не для друзей, а для себя. Натура такая. Другой, кто попрacticalнее, мог бы с его талантом весь мир завоевать, а он выбрал то, что выбрал. И он своего добился. Все вышло так, как он и предвидел — он вас запугал.

Сталин поморщился, но что делать — правда.

— Я предупреждал, что не все будет приятно, но так надо, чтобы вы поняли дальнейшее. Теперь главное. Цели он своей достиг, шел он к ней много лет и все эти годы во многом себя ограничивал. Значит, это была очень важная для него цель. И значит, что за достижение этой цели, он мог бы еще кое-чем пожертвовать. Он предвидел, конечно, мое вмешательство и мою эту идею тоже. Предвидел, чем он будет жертвовать, оценил соизмеримость жертвы и цели и решил все-таки начать игру. А нам осталось эту жертву от него принять.

— Какую?

— Я думаю, что не жизнь. Жизнь, одну единственную, да еще такую привилегированную как у него, он за то, чтобы запугать вас, не отдал бы. Но вот сколько-то лет из жизни — мог бы. То есть он мог бы на всю эту свою игру пойти, предвидя, что вас запугает, но

просидит за это несколько лет в неволе. Вот теперь нам в неволю и пора его сажать. Используя его сердобольность. И мы его посадим — я знаю. И он знает. Знал, на что шел.

— Давайте поконкретнее, товарищ Головка.

— Слушайте. Конкретнее некуда. Через месяц 8 Марта — Международный женский день. Утренники в детсадах, праздничные собрания в школах. Все дети скученны в одном зале — и в садах, и в школах. И примерно в одно и то же время. Берем, к примеру, десять московских школ и столько же детсадов. Подкладываем под эти залы, где все соберутся на праздник, много-много хотя бы того же тротила. Незаметно. Втыкаем провода. Налаживаем охрану, чтобы у Никитина не было даже шанса помешать взрыву, и ждем. Только учтите — он предвидит все. Поэтому у вас должна быть твердая уверенность, что если он не придет, вы дадите команду взрывать. Со всеми детьми. Тогда он придет, потому как будет предвидеть, что иначе вы всех взорвете. И второе. Самое сложное. Вы должны поклясться самому себе и честно выполнить свою клятву. Поклясться, что когда он придет, чтобы спасти детей, вы не уничтожите его, а просто посадите. Надежно посадите. В самую охраняемую в мире клетку. И прикажите отпустить его оттуда сразу после вашей естественной смерти. Хорошо прикажите — чтобы точно отпустили. Тогда он придет обязательно, и обе стороны останутся довольны. Вы обезопасите себя и накажете его, он же, сделав главное дело своей жизни — запугав вас, еще и спасет детей, и останется не только в живых, но в относительно скором времени и на свободе — вам-то уже за семьдесят, может и не очень много осталось. А он точно знает сколько. Но только не обманывайте себя. Если вы хоть на минуту допустите мысль, что, уже получив его, вы все же нарушите свою клятву и расстреляете — тогда он не придет. Вот это и есть самое сложное — уверить себя в том, что сможете проявить к нему мягкость, когда проявлять ее уже будет не обязательно.

Сталин привык скрывать свои эмоции. Любые. Поэтому он вернулся к окну и стоял, попыхивая трубкой и якобы что-то за окном разглядывая. Наверное, первый раз в жизни он восхищался человеком. Конечно же, нельзя было этому человеку это показывать.

— Скажите, товарищ Головка, а почему, предвидя, что вы подадите эту идею, Никитин не убил вас загодя, лет несколько назад.

— Потому что без этой идеи все могло бы быть для него гораздо хуже. Вы бы могли не догадаться его не расстреливать, он бы под расстрел не пришел, и, возможно, вы бы или ваши люди положили бы кучу постороннего народу, дожидаясь, когда он явится с повинной. Ему потом было бы тяжело жить, сознавая, что он

виноват в их гибели. Тогда бы он вообще все это не начал. Просто бы вас убил. Так что, как видите, я с моей идеей оказался ему нужен.

— Сейчас он все еще в Красноярске?

— Пока да.

— Вы уверены, что с такого расстояния он прочувствует все про взрывы и про детей.

— География для него не имеет значения. Если вы на самом деле сделаете все, как я предлагаю, то он уже давным-давно знает о том, что вы так сделаете. Одного месяца на дорогу до Москвы ему вполне хватит. Слово за вами.

Сталин повернулся и посмотрел внимательно на своего ангела-хранителя.

— Что ж. Щадить, так щадить. Может от живого еще и прок мне какой будет. Так что готовьтесь встречать — я думаю, он именно к вам пойдет сдаваться.

Сделал дело — гуляй смело. Богат наш народ на пословицы, а пословицы богаты неоспоримой мудростью. Не поспоришь с пословицей. В пословицах жизнь многих поколений. Так что не расстраивают товарища Сталина доклады, что полковник Головка на службу не ходит. Нечего ему там теперь делать. Он свою службу уже отслужил — осталось лишь Никитина дожидаться, а ждать его и дома можно. Дом теперь у Головки особый — новая министерская квартира. Там заодно и коньяк пить можно. Заодно и с женщинами общаться. Много женщин в Москве любят Головку. Есть за что любить, вот и любят. Да и он их не сторонится. В общем, все у него нормально. И ко взрывам все готово. Одна неделя осталась.

Осторожный стук в закрытую дверь спальни разбудил Головку моментально. Полковник сразу понял, кто стучит и зачем стучит. Тихо, чтобы не будить спящую рядом девушку, встал, натянул халат и вышел. У дверей стоял один из охранников.

— Он?

— Он.

— В гостиной?

— Так точно.

— Ну что ж, посмотрим, что это за фрукт.

Никитин, он же Гладышев, сидел в гостиной уже в наручниках с руками за спиной и в окружении двух охранников.

- Пришел? — лицо без мимики, как всегда.
- Пришел, — довольное, хитрое лицо с улыбкой победителя.
- Значит, все вышло по-моему.
- И по-моему тоже.

Головко снял телефонную трубку. Был час ночи. Но Сталин ждал этого звонка. В любое время суток. Ждал и в Кремле, ждал и на даче в Кунцево. Везде ждал. Всегда. И вот, наконец, дождался.

- Слушаю вас, товарищ Головко.
- Он пришел, товарищ Сталин.
- Пришел и сдался?
- Да.

— Я хочу его видеть. Немедленно. Берите побольше охраны и везите его сюда. Ко мне зайдете вдвоем — вас пропустят. Позаботьтесь только, чтобы он был достаточно надежно обездвижен. Я жду.

Головко положил трубку и перевел взгляд на Никитина:

- Поедем расплачиваться, умник.

Все с той же улыбкой Никитин равнодушно пожал плечами:

- Поедем.

Большая Москва, не все в ней расположено рядом. А у Головко нет крыльев — он полковник, а не птица. Хотя и птица тоже. Орел. Но не в прямом — в переносном смысле. Так что крыльев у него все-таки нет.

А на машине до Кунцево добраться — время нужно. Ждал его товарищ Сталин в полном одиночестве, ждал, да и уснул. Спать очень хотелось, ведь сколько времени уже выспаться не мог. А тут как гора с плеч свалилась: достал он все же Никитина, одолел. Вот и уснул, наконец, спокойно. Без кошмаров уснул.

А охрана предупреждена — Головко они пропустят. И проверят, на всякий случай, крепко ли связан Никитин. В общем, почему бы и не поспать, если спится.

Только вот что-то неладное случилось вдруг посреди этого сна.

Каждый раз кошмар был одинаков и начинался с того, что трогал его, Сталина, кто-то за плечо. А сейчас кошмара не было. И, вообще, сновидений не было. Никаких. Но за плечо его, все же, кто-то тронул. И было это хуже любого кошмара, потому что было это все наяву.

— Я пришел, — только эти два слова услышал Сталин и ужас сковал его тело.

Даже глаза он открыть не смог. Или не захотел. Нет, все-таки не смог. И не захотел тоже.

И стоял над ним кто-то и смеялся. Страшно смеялся. Искренне, весело, безбоязненно. А потом железные руки легли ему на шею и начали душить. Сильнее. Сильнее. Медленно, но неотвратно. И никуда от них было не деться. И смех этот ужасный все ближе и ближе. В самое ухо уже смеялся его душитель. «Я пришел», — шептал он Сталину сквозь смех эти страшные два слова. И душил. Душил так, что глаза начали вылезать из орбит. Распирало их изнутри, и веки сами собой от давления этого раскрылись.

И увидел он лицо — довольное, гордое, пренебрежительное, а главное живое теперь уже лицо полковника Головки.

— Это я Никитин, — передернувшись от удовольствия, медленно и вятно прошептал он и отпустил железную хватку.

Потемнело в глазах у Сталина, нестерпимая боль, острая, как игла, пронзила голову. Хотел подняться он, хотел закричать, но упала голова обратно в подушку, и только нечленораздельный тихий крик вылетел из гортани. И все.

А Головки, тот, что был всегда Никитиным, распрямылся и повернулся к стоявшему рядом и слегка обалдевшему от всего увиденного Гладышеву, который Никитиным никогда не был.

— Инсульт, Юр. Как я и предсказывал. Так что, думаю, пора нам с тобой в Мексику. Паша нас там давно уж заждался. Да и твои тоже, наверное, соскучились.

Юра как загипнотизированный смотрел в открытые, но уже бездумные глаза парализованного Сталина.

— Значит, ради вот только этого ты просил меня шестнадцать лет голосовать «за» и глушить свою совесть, а Пашу — тосковать одному без нас за границей?

— Да, Юр. Только ради этого.

Юра резко повернул голову к Андрею, одновременно сорвав с себя все оцепенение:

— Правильно просил... Спасибо.

От Москвы на северо-запад, к финской границе, сквозь ночную тьму неслась автомобильная колонна. Несколько машин охраны спереди, несколько сзади, а в центральной машине только два человека: полковник Головки, сам за рулем, и опасный государственный преступник Гладышев. Им хорошо вдвоем, они долго не виделись. А теперь столько много времени, чтобы обо всем поговорить. Под коньяк из горлышка. Под хорошие папиросы. Под пронсящиеся за окном поля, луга и рощи.

— Скажи, Андрей, ты ведь мог это предвидеть — сколько бы он

протянул без нашей помощи? Может, не намного бы больше? Семьдесят три, как-никак.

— Помнится, давным-давно, в Ярославле, ты себе восемьдесят пять пророчил.

— Я и сейчас не отказываюсь.

— Ну а он чем хуже? С его-то хваткой в этой жизни.

— Теперь уже в той.

— Ну, в той. Так что двенадцать лет ему скинуть — уже немало. Да ему одному ладно — мы всей стране двенадцать лет страха сбросили... двенадцать лет боли. Помножь это на миллионы судеб... Кстати, насчет страха. Как тебе — на пистолет не страшно идти было?

— Ты же сказал, что он не выстрелит. Я тебе верю. Так что? Восемьдесят пять прожил бы?

— Не знаю, Юр. Я не заглядывал. Не хотел. Очень скучно все знать наперед. А порой и страшно. Так что я старался знать только необходимое. А доберемся до Мексики — вообще свой талант закопаю.

— Навсегда?

— Навсегда.

— А казино?

— Казино, говоришь... Ну, значит, в казино иногда откапывать буду...

— Он сильно боялся?

— Еще как. Ни одного спокойного дня, тем более ночи, с тех пор как ты подкинул ему портфель с запиской.

— Скажи, а как ты смог вытерпеть столько лет в органах?

— Ради большой цели можно многое вытерпеть.

— Особенно когда знаешь, что все у тебя получится...

Им правда много о чем еще есть поговорить. Они прорвутся через границу. У них впереди теперь новая, долгая и совсем другая жизнь, вернее, новый этап жизни, который только что начался с этой ночной дороги. И до Мексики они доберутся прекрасно. Андрей видит, как надо делать, чтобы все выходило удачно. Ему порой необходимо это видеть. Сейчас необходимо. И он видит... и знает, что все у них получится. Жаль только, что больше никто другой про себя такое знать не может.

Мне двадцать пять и я живу в Мексике, прямо на берегу Тихого океана. Я могу в него плюнуть из окна своей спальни. У меня большая и богатая семья. Братья. Сестры. Я самый старший. Мое-

му отцу пятьдесят. Его зовут Михаил Юрьевич. Как Лермонтова. Тетя Маша, старшая сестра отца, зовет его Мишуткой. Ей пятьдесят семь, но выглядит она на сорок. У нее тоже много детей. И внуков. Хотя и не все они живут с нами, но приезжают часто. Муж у нее тоже, конечно, есть.

У отца еще есть сестра и брат. Младшие. У них тоже все хорошо, и они часто к нам приезжают со своими семьями. Раз в год — это точно.

А деда моего зовут Юрием Михайловичем. Ему восемьдесят три и он давно уже передумал умирать в восемьдесят пять. Сейчас, когда я пишу, он с моим отцом и двумя моими братьями играет в пляжный волейбол. Дед с отцом в паре. Они обычно выигрывают.

У деда есть два друга: Андрей Николаевич и Павел Ерофеевич. Им тоже по восемьдесят три, и у них свои большие семьи. Живут они с нами по соседству и с дедом видятся чуть ли не каждый день. Им всем понравились два моих рассказа, которые я написал в том году. Этим летом они взяли меня и мою бабушку Анастасию Игоревну с собой в Россию. В нашей семье все или русские, или наполовину русские. Я не исключение. Поэтому я был счастлив составить им в этой поездке компанию. Раньше в России я никогда не был. Там они показали мне Москву, Ярославль и Иркутск. Там и рассказали всю эту историю.

Они сказали, что я должен написать об этом. Сказали, что у меня это получится. И еще сказали, что если я с этим справлюсь, то они возьмут меня с собой на рыбалку и охоту на Великие озера. Они там часто бывают. Иногда по неделе, иногда и больше. Я, конечно, не ясновидящий, но тоже не дурак, и догадываюсь, что ездят они не столько на охоту, сколько по бабам.

Правда, это вовсе не значит, что я откажусь с ним поехать.

Сахалин, 21.12.1999

ЛЕГЕНДА О ЗОВЕ

За окном плакал город.

— Что это? — Игорь повел на звук глазами.

Бледный, как смерть, старик, полусидевший в кровати на высоких подушках, ответил не сразу. Запрокинув голову кверху, он думал о чем то своем: об огромном, бесконечном, о чистом, искреннем и неподкупном, о сияющем и манящем, о зовущем вперед и вперед, пока хватает сил. Временами о радостном, временами о грустном. Долго, ох как долго пробивался вопрос Игоря сквозь всю эту толщу.

Наконец старик повернул голову, посмотрел в глаза.

— Я велел сказать, что я умер.

— Вот как... Зачем?

— Хочу быть уверен.

Игорь печально усмехнулся:

— Можешь не сомневаться: тебя не просто любят — тебя боготворят. И не только в Киеве — везде.

Старик прислушался.

— Наверное, да. Но все равно — я должен, обязан был проверить. Иначе...

Он не договорил, что иначе: словами это было не высказать.

Игорь все понял без слов. Тогда, тридцать лет назад, ему было семь лет, но он все помнил. Даже слишком хорошо помнил...

Из носа снова пошла кровь, из ушей тонкими струйками она текла уже давно. Князь Олег — а старика звали именно так — вытер ее чистым полотенцем. Сегодня утром его укусила болотная гадюка. Вечером он должен был умереть.

— Я хочу кое-что тебе рассказать, — Игорь придвинулся поближе. — Я думаю, тебе надо это услышать.

— Говори...

— Сегодня из Царьграда приехал наш посол. Он рассказал мне интересную историю. Один из придворных императора пару лет назад купил себе невольника-араба. Араб как араб, и говорит по-арабски, и внешность такая же. Так вот, два года этот умник тайком учился русскому языку у наших купцов, а когда выучился, пришел к хозяину и сказал, что он русский. Просто с детства жил на чужбине, где и был захвачен в плен с другими арабами, а потом продан в

рабство в Византию. Придворный поинтересовался, почему он тогда два года молчал, на что араб ответил, что просто не знал законов империи.

— И что придворный?

— Отпустил на волю, да еще дал денег, чтоб держал язык за зубами.

— Неужто поверил?

— Нет, не поверил. Но решил не рисковать. Император не церемонится — за рабство русского казнит без разбору. Бойтся не угодить тебе.

— Умный араб. Молодец.

— Он захотел служить русскому князю. Посол его привез.

— Хорошо. Позаботься о нем, когда я умру.

— Сделаю. Но я рассказал историю не за этим.

— Догадываюсь.

— Я хотел сказать спасибо тебе, князь. От себя и от тех людей, кто плачет сейчас за окном. Я знаю, о чем ты думаешь, и не мне судить, прав ты был тогда или нет. Но знай: ты создал великое государство, в нем живет самый счастливый народ. И все же, — Игорь придвинулся еще ближе, — все же... Что он сказал тогда тебе?

Однажды какой-нибудь хороший с виду человек вдруг скажет вам, что Дарвин — это голова, и что, согласно его учению об эволюции, всех, кто жил до изобретения электрического утюга, иначе как неандертальцами называть не следует. На самом деле — хороший человек. Умный. Образованный... Плюньте ему в рожу.

Я расскажу вам историю о широких реках и бушующих морях, о бескрайних равнинах и туманных предгорьях, о томящем зове далеких стран и великих свершений, и о людях, которые этот зов слышали и не хотели мешать себе ему следовать.

Кто-то скажет, что они жили давно. Да. Давно. Кто-то удивится, что уж слишком в моей истории их жизнь похожа на нашу. Да — похожа. Так же любят, дружат, предают, так же думают, так же разговаривают. Да — так же. Потому что ничего не изменилось с тех пор. И если кто-то спросит меня, откуда я это знаю, я найду, что ответить.

Дело в том, что я жил там. Там и тогда. И с теми. С теми, о ком будет моя история. И уж если совсем откровенно, то один из них — это я.

Не старайтесь угадать кто — просто слушайте...

В то серое мокрое утро Рюрику исполнилось пятнадцать.

На каменистом берегу бухты собралась вся деревня, точнее все те, кто остался в ней, когда мужчины ушли в поход. Люди стояли как заколдованные истуканы: молча, не шевелясь, не обращая внимания на моросящий дождь — и смотрели в одну точку — в клубы тумана над морем, откуда вот-вот должны были появиться долгожданные корабли.

Рюрик был младшим сыном конунга — военного вождя викингов. Двое старших его братьев ушли в поход вместе с отцом, поэтому сейчас по родовому старшинству он стоял впереди всех, над самым морем.

Из-за плеча Рюрика вглядывался в даль его двоюродный брат Олег. Ему было десять, но это не мешало ему стоять вторым — он был тоже князь и тоже ждал своего отца.

Полчаса назад сигнальный рог с устья бухты прогудел пять раз, значит, возвращались все пять кораблей. Это была хорошая весть, но те, кто собрались тут, больше ждали не кораблей, а людей, и многие ли из них возвращаются живыми, рог просигналить не мог.

— С днем рождения, брат, — вспомнил Олег.

— Спасибо, — Рюрик улыбнулся. — Мне остался теперь всего лишь год.

— Не всего лишь год, а целый, долгий, мучительный год.

— Ну, если тебе от этого легче, то пусть будет так.

Разговор шел о будущих походах. Мальчишек брали на корабли не раньше, чем им исполнялось шестнадцать. Кого-то и позже. Кого-то совсем не брали — не каждый рожден быть воином. Но Рюрику это не грозило, он был силен и ловок. С раннего детства по несколько часов в день он проводил в занятиях воинскому искусству. Он и два его друга: Аскольд и Дир. Им тоже только исполнилось по пятнадцать, и они оба были тут, но стояли где-то сзади, поскольку были простыми викингами. Четвертым в их компании был Олег. Будучи на пять лет младше, он почему-то не любил своих сверстников, а тянулся к старшим. Конечно, он был слабее, но до слез старался ни в чем не уступать трем своим товарищам.

Из тумана появился первый корабль.

— А я все равно уплыву с ними, — вдруг ни с того ни с сего выпалил Олег.

— Верю, — отозвался Рюрик.

Несколько лет назад в деревне появился своего рода обычай: мужчины не уплывали в поход до тех пор, пока с берега их не провожал Олег. Церемония эта была вынужденная — только так можно

было достоверно убедиться, что мальчишка не на корабле. А он пробирался на один из них каждый раз, и каждый раз отплытие начиналось с тщательного обыска и выпроваживания Олега от греха подальше.

Пять кораблей пристали к берегу, с княжеского первыми спустились Синеус и Трувор — старший и средний братья Рюрика. На их лицах играла улыбка. Все молчали.

— Мы пришли с богатой добычей и почти без потерь. Встречайте, — громко крикнул Синеус, и только тогда толпа разразилась радостными криками.

Мужчины, женщины и дети посыпались навстречу друг другу. Непонятно как — сквозь тучи и дождь заиграло солнце.

Синеус положил руку на плечо Рюрику, Трувор — Олегу.

— Ваши отцы погибли, сражаясь бок о бок. Один был вождь, другой брат вождя — оба всегда впереди. Так и в этом, последнем, бою.

— Хорошая смерть, — вздохнул Олег.

— Дай бог нам так, — добавил Рюрик.

— Дай бог, — согласился Трувор и, взъерошив большой ладонью волосы Олегу на голове, добавил. — Ты теперь, непоседа, под нашей опекой.

Седой старик грел у костра ноги, пил мед и неторопливо рассказывал историю за историей, одну другой интереснее и невероятнее. Но мальчишки верили — верили каждому слову. Они видели глаза старика, страшные шрамы на его лице, слышали скрежет времен в его голосе — чего еще им было надо.

Сегодня вечером старик пришел с севера с Синеусом и Трувором. Его брали лоцманом и проводником на корабль. Видимо, поход предстоял туда, куда давно уже никто не ходил.

— Сколько же тебе лет, дедушка, — спросил Аскольд, когда закончилась очередная история.

— Много.

— Сколько это — много?

— Больше ста, а точно не знаю. Сбился со счета. Я родился так давно, что успел застать в живых старика, который, когда сам был ребенком, видел желтого воина.

— Желтого воина?! Это же древняя легенда.

— Не такая уж древняя, если два долгожителя по очереди дотянули ее до вас. И это не легенда — это быль.

Мальчишки придвинулись совсем близко.

— Расскажи, дедушка.

Старик уселся удобнее.

— В те далекие времена наш род был нищ, гол и всегда обижаем соседями. Пока не пришел он — желтый воин. Откуда он взялся — никто не знал. Сам он говорил, что его страна находится так далеко, что он шел из нее всю жизнь. И действительно, он был уже стар, хотя еще крепок и духом и телом. Он сказал, что долгий путь его кончен, он устал и хочет остаться в наших краях, чтобы жить здесь и умереть. Род принял его.

— Дедушка, а почему его звали желтым? — не вытерпел и влез с вопросом Олег.

Дир незаметно толкнул его локтем в бок, чтобы сидел, молчал и не мешал слушать.

— Говорят, его кожа была желтого цвета.

— Не может быть!

— Почему. Такие люди есть. В Византии торгуют все народы, и наши воины, что бывали там, видели иногда желтых людей. Просто до нас они не доходят. Только этот, двести лет назад, был первым и последним... Так вот — скоро на деревню напали соседи. Как всегда ночью, как всегда неожиданно. Он убил их всех. Почти всех. Несколько человек успели понять, что сражаться с ним бесполезно, и убежали. С тех пор никто и никогда не нападал больше ни на одну деревню нашего рода.

— Как же он так смог?

— Старик рассказывал мне, что сам видел тот бой. Желтый воин сражался необычным мечом. Ему было больше тысячи лет. Длиной и прочностью его меч был такой же как наши, но гораздо уже, тоньше и легче. Желтый воин двигал им так быстро, что отбивал стрелы, летящие в него, и протыкал врагов прежде, чем те успевали замахнуть. С таким мечом он был неуязвим.

— Почему же мы не куем таких мечей?

— Наверное, у нас нет такой стали. А впрочем, я не знаю. Слушайте дальше. Все — и хорошее и плохое — когда-то кончается. Пришло время, и желтый воин почувствовал, что скоро закончится его жизнь. Тогда он позвал всех, кого знал, чтобы проститься. Пришел весь род, все деревни. Желтый воин поблагодарил всех за то, что тепло приняли его. Сказал, что здесь он впервые почувствовал себя дома, что в нашей стране живут славные люди и у них славные обычаи. Сказал, что он был бы тоже не против, как все викинги, умереть в бою, но в стране, откуда он родом, есть другой обычай. Человек перед смертью должен подняться в горы, чтобы уединиться с богом и подытожить все, что прожил. Он выбрал себе скалу Локи, демона огня, самую крутую и самую высокую скалу в

нашем крае. Поклонился всем, повернулся и ушел. Больше его с тех пор никто не видел.

— Здорово, — прошептал Дир.

— Вот это да, — выдохнул Аскольд.

— А куда делся меч? — практично подошел к рассказу Олег.

— Меч? — старик повернул голову к мальчику и улыбнулся. — Меч он унес с собой.

— И что — никто не захотел потом пойти и забрать его?

— Захотел... Но никто не смог больше забраться на скалу Локи.

— С таким мечом я смог бы завоевать весь мир, — заявил Аскольд.

Старик изумленно повел бровью:

— Интересно. Ты что — слышал пророчество?

— Какое пророчество?

— Значит, не слышал. Но угадал. Молодец. В наших краях ходит предание, что тот, кто заберется на скалу Локи, найдет и возьмет себе меч желтого воина — тот завоеует мир.

Аскольд и Дир смотрели на старика большими влюбленными глазами — сказочный, удивительный мир оживал в глубине зрачков. Олег же, напротив, почему-то потерял интерес к рассказу, начал зевать и клевать носом. Наконец потянулся, встал и объявил, что уходит спать.

Друзья его еще какое-то время выпытывали у гостя, где находится скала Локи и как туда лучше добраться. Разгоряченные, с блестящими глазами, они разошлись по домам с твердым намерением с завтрашнего утра начать собираться в дорогу. За мечом.

Ранним утром прискакал Рюрик и свистнул обоих — дома стояли рядом. Конечно, оба спали, но он настоял, и матери поворчали, но разбудили их — князь все-таки.

— Ну и какого... лешего в такую рань, — сказал Аскольд, вовремя вспомнив, что мать его слышит.

— Братья зовут, — Рюрик соскочил с коня. — Прыгайте оба и стрелой туда.

— А ты?

— Меня они уже видели. Я пешочком.

— Тогда все яснее ясного.

— Во-во. Какие тут могут быть вопросы.

— Давайте ежайте, — поторопил Рюрик. — Там вопросы найдутся.

Уже в пути Аскольд обернулся к Диру:

— Ты что-нибудь понял?

— Не-а. Но догадываюсь.

— Знаешь — я тоже.

— Вот хитрый жук — зевал, потягивался.

— Подожди. Вдруг не то.

— Хорошо. Посмотрим.

Оказалось — то. Старшие братья Рюрика ждали их возле ко-нюшни.

— Ну, — неопределенно начал Синеус.

— Что ну? — отозвались мальчишки, соскакивая на землю.

— Отгадайте с трех раз, почему вы здесь.

— Потому что, — не раздумывая, ответил Аскольд, — сегодня ночью пропал Олег, съестные припасы и лошадь.

— Две лошади, — уточнил Трувор. — Две самых быстрых лошади.

— Серьезный подход, — заключил Дир. — Вряд ли мы его догоним.

— Ему десять лет!

— Прошлый раз было девять. И то — еле догнали. Сейчас, я думаю, у нас нет шансов, хотя попробовать все равно надо.

— Ну и куда же он отправился на этот раз?

— Завоевывать мир. Как всегда.

— Действительно. Можно было не спрашивать.

Друзья Олега вкратце рассказали его братьям о скале Локи и мече желтого воина.

— Это два дня конного пути, — прикинул в уме Трувор. — И четверть дороги он уже проскакал.

— Поэтому я и говорю — у нас нет шансов.

— Все равно собирайтесь. Поможете ему спуститься... И захватите побольше веревки.

— Заметь, — усмехнулся Дир, когда братья уехали, — никто не сомневается даже, что он туда залезет.

— Знаешь, — отозвался Аскольд, — я тоже в этом не сомневаюсь.

Два дня скачки на лошадях, день подъема в горы. И вот стоп — уперлись. Дальше отвесная стена — скала Локи. Действительно — не подняться. Никак. Абсолютно никак.

— Как ты туда, чертяра, залез? — наперебой орали снизу Аскольд и Дир.

Олег, казавшийся наверху маленькой точкой, только пожимал плечами.

— А как будешь спускаться?

Ответ тот же.

— Как, как, — пробубнил Дир. — А никак! Он не мог туда забраться — это нам с тобой только кажется. Значит, и спускаться он оттуда не будет. Его там нет. Давай ляжем спать, а утром увидишь: мы проснемся, а он уже тут будет.

— Хорошо бы, если так, но, — Аскольд поднял голову и громко крикнул. — А ты меч нашел?

Олег помогал головой из стороны в сторону.

— А хорошо искал?

Голова закивала.

— Что ж, — Аскольд начал развязывать моток толстой веревки, — на то она и сказка. Чего же было еще ожидать.

— Не ври, — отозвался Дир, привязывая к стреле прочную нить. — Ты верил, что меч там.

— Ну, хорошо — верил. Тем более обидно...

Дир прикинул взглядом высоту и поморщился.

— Высоко забрался, орел. Боюсь, стрела не дотянет.

— Вначале попробуй, потом будем плакать.

Мальчишки отмерили с избытком длину привязанной к стреле нити и аккуратно разложили ее на земле. Дир выстрелил. Потом еще. Потом Аскольд. Снова Дир и снова Аскольд. Олег сидел на краю скалы и смотрел, как раз за разом теряющая скорость стрела ударяется о каменную стену на десять метров ниже его ног.

— Ну что, — убедившись, наконец, в тщетности их занятия, сказал Дир, — поделимся мыслями.

— Давай.

— Внизу большая деревня. Наверняка в ней найдется кто-нибудь повзрослее и сильнее нас. С более тугим луком. Что скажешь?

— Мы поднимались весь день.

— К утру спустимся. Завтра вечером снова будем здесь. С этим чудом, которое наверху, ничего за это время не случится.

— Кто бы сомневался.

— Тогда пошли.

— Постой, — Аскольд внимательно осматривал низ скалы. — Видишь нишу. Не так уж высоко и вроде зазубрины в стене есть. Мне кажется, до нее все же можно добраться. А оттуда стрела долетит.

— Сложно.

— Но можно.

— Мой план надежнее.

— А мой быстрее. И не такой утомительный.

— С каких пор ты стал таким ленивым, — пробурчал себе под нос Дир, начиная собирать дрова для костра.

Аскольд крикнул Олегу, чтобы сидел и ждал, сбросил с себя все лишнее и подошел к скале. Прежде чем начать подъем, он внимательно осмотрел мох на камнях и нашел место, где лез Олег — до ниши нужно было подниматься другой дорогой. Аскольд чему-то хитро улыбнулся, отошел чуть вправо и подпрыгнул, зацепившись за первый уступ. Дир перестал собирать дрова, Олег — болтать ногами. Один снизу, другой сверху — оба безотрывно следили, как их друг шаг за шагом, прыжок за прыжком медленно продвигается к намеченной цели.

Аскольд рассчитал верно: до ниши, хоть и с риском, но добраться было можно, дальше — бесполезно. Да, в общем-то, и незачем. Когда он оказался, наконец, там, Дир пустил ему стрелу с нитью, по которой Аскольд подтянул лук и с его помощью дослал эту же стрелу Олегу. Получилось с первого раза.

Дир не был уверен, что нить сможет выдержать вес толстой веревки, поэтому, как переходное звено, привязал вначале тонкую. Одним словом, Олегу пришлось вытягивать себе нить и две веревки — все в высоту скалы. На это ушло какое-то время, поэтому закреплял он свой конец в глубоких сумерках, а спустился уже и вовсе в кромешной тьме.

По уму, уже давно пора было разжечь огонь, но Дир так переживал, что совершенно забыл об этом. Он встретил Олега внизу на ощупь хорошим подзатыльником, после чего они обнялись и только тогда вспомнили, что их должно быть трое.

— Эй, — крикнул Дир негромко, потому что тишина вокруг стояла мертвая, — Аскольд! Ты все еще там?

— Вроде как.

— Олег спустился, сейчас разожжем огонь и тебя снимем.

— После разжигать будешь. Бери веревку и оттягивай вправо. Я здесь на ощупь перехвачу.

Вскоре все трое уже сидели вокруг потрескивающего костра, ели, грелись и смеялись.

— Как же ты, все-таки, туда забрался? — очередной раз допытывались у Олега друзья.

— Да говорю вам — не знаю, — очередной раз отвечал тот. — На меня как затмение нашло. Лезу, лезу, а в голове никаких мыслей, только одна: меч, меч, меч. Жалко, конечно, что все это оказалось сказкой.

— Жалко, — кивнул Дир.

— Очень жалко, — с непонятной иронией согласился с друзьями Аскольд, вставая и направляясь к скале, к тому месту, где свисала веревка.

В дрожащем отсвете костра он нагнулся и поднял с земли какую-то длинную палку. Легко, как игрушку, донес он ее до друзей. Палка как палка: обычная замшелая деревяшка — но вдруг правая рука Аскольда сделала резкое движение, и с волнующим сердце свистом наружу вылетел необычайно узкий клинок, играющий в свете костра волшебным блеском.

У Дира от удивления открылся рот. Глаза Олега расширились и впились в сверкающую сталь.

— Знаешь, Дир, — любуясь мечом, сказал Аскольд, — желтый воин просто сопляк по сравнению с нашим Олегом. Он бы ни за что не добрался до вершины скалы Локи. А потом, ему это было и не нужно — он же хотел просто уединиться, подумать о прожитой жизни, пообщаться со своим богом... Его устроила ниша.

Аскольд резко вбросил клинок в ножны и повернулся к Олегу:

— Держи. Тебе он нужнее.

Дрожащие детские руки медленно потянулись вперед, бережно взяли меч и прижали к груди.

— Спасибо, Аскольд. Только...

— Что только?

— Только кто теперь из нас покорит мир?

Аскольд положил руку на плечо друга и улыбнулся.

— Конечно, ты, Олег. В этом давно уже никто не сомневается.

Наконец закончился тот самый долгий последний год — друзьям исполнилось по шестнадцать. Они радовались, Олег злился. Единственное, что отвлекало его от завистливых мыслей — это меч желтого воина, с которым он стал неразлучен. Меч на самом деле был очень легок — как раз по одиннадцатилетнему мальчишке. За год Олег научился фехтовать им так, что не любой взрослый воин отважился бы вступить с ним в единоборство.

В этот раз расчетливый Синеус, чтобы избежать обыска, решил приставить к Олегу наблюдателя за два дня до отплытия. Не менее расчетливый Олег исчез из виду за два с половиной. Беспokoиться не стали — не в первый раз.

В назначенный день как всегда погрузились на корабли и начали обыск — никого. Проверили еще раз — снова никого. Синеус и Трувор сами облазили все лично — результат тот же.

- Может, ускакал куда-нибудь, — предположил один.
- Или залез на какую-то гору, — добавил другой.
- Ты уверен, что на кораблях его нет?
- Я уверен, что обыскал все, но ручаться, что его здесь нет, не могу.

— Корабли не очень-то и большие. Если мы обыскали все, то его здесь нет. Постараемся, по крайней мере, в это поверить... Надо плыть.

Синеус подал сигнал, воины налегли на весла. Первый раз ушли в поход Рюрик, Аскольд и Дир. Первый раз среди провожающих не было Олега.

Это было обычное торговое судно франков. Всего одно. Никакого размаха для доблести, никакой радости для мужчин, ждущих настоящего боя... Но не отпускать же его с товаром.

Синеус дал знак начать преследование — корабли сменили курс. Погоня длилась недолго — княжеский корабль первый настиг невезучих торговцев и сцепился с ними абордажными крючьями. Боя не было — вся команда торгового судна стояла на коленях, опустив головы, и ждала милости победителей. Викинги согнали всех на корму и принялись перегружать на свой корабль все, что считали ценным.

Вообще, в порядке вещей было принято брать пленников и привозить их домой рабами, но делалось это, как правило, в конце похода, на обратном пути. Сейчас же предстояло совершить еще несколько набегов на прибрежные поселения, так что пленники были бы лишней обузой. Синеус решил отпустить их вместе с судном, которое викингам тоже не было нужно из-за его неуклюжести.

Как только работа была закончена, устроили перекличку. Недосчитались Аскольда. Синеус моргнул одним глазом, и самый горластый воин заглушил шум моря раскатистым ревом.

— А-а-аско-о-ольд!

— Иду-у! — раздалось изнутри ограбленного корабля не так громко, но тоже достойно.

Через минуту кормовой люк из трюма откинулся и из него вылез смеющийся Аскольд и выволок за руку испуганную девушку. По ряду викингов, стоявших вдоль борта своего корабля, пронесся гул одобрения.

— Моя! — громко и ясно обозначил Аскольд положение вещей, подхватил девушку левой рукой и, держа в правой меч, пошел к середине судна, туда, где корабли были сцеплены.

Неожиданно один из загнанных на корму франков, молодой и довольно крепкий, сорвался с места и попытался наброситься сзади на Аскольда, но тот, не выпуская девушку, резко развернулся и кулаком с зажатой в нем рукоятью меча нанес сильный удар в лицо нападавшему. Франк упал на палубу без признаков жизни. Аскольд повернулся к разразившимся новым гулом одобрения викингам, улыбнулся, помахал им мечом и продолжил свой путь.

Первой он хотел перекинуть на свой корабль девушку, но та оказалась вокруг его шеи мертвой хваткой и ни в какую не хотела отказать хотя на секунду одна среди этой пьяной, смеющейся и улюлюкающей толпы. Пришлось перебираться одновременно. Юноша вкинул меч в ножны, схватился освободившейся рукой за такелаж и влез на борт торгового судна. Неожиданно налетел шквал ветра и слегка развернул Аскольда вокруг оси: лицом вперед, спиной к корме.

Вдруг резко вскрикнул Дир и выбросил палец в сторону кормы франкского судна. Мгновенно наступила тишина, и лица викингов застыли в растерянности. За общим весельем никто не заметил, как оглушенный молодой франк пришел в себя и подобрал где-то лук со стрелой. Такелаж мешал ему попасть с палубы, поэтому он, зацепившись одной ногой за борт изнутри, другой снаружи, сам почти горизонтально свесился над морем, натянул лук, прицелился и готов был уже отпустить тетиву. Попасть в широкую спину Аскольда с такого расстояния мог и ребенок.

Но в следующее мгновение лица викингов стали еще растерянее, потому что раздался свист рассекаемого воздуха, что-то блестящее и крутящееся пронеслось с кормы их корабля, и молодой франк полетел в море с рукоятью меча, застрявшей в его шее, и острием, вышедшим внизу живота. Выпущенная безвольно стрела ушла вверх, никого не задев.

На корме их корабля стоял непонятно откуда взявшийся Олег, улыбался и махал всем рукой. Воины, еще не успевшие понять, что к чему, смотрели на него, только Аскольд сразу перевел взгляд на то место, куда упал франк. Ничего. Только двухметровые волны, прыгать в которые было решительным самоубийством.

Аскольд перескочил на свой корабль, с силой отшвырнул от себя девушку и подбежал к Олегу. Встав перед ним на одно колено, он обхватил друга за плечи и слегка потряс его.

— Олег! Слышишь, Олег! Это был меч желтого воина.

— А это был ты, Аскольд, — спокойно ответил мальчик.

В этом походе им досталось очень много добычи.

Через девять лет на исходе зимы Аскольд и Дир, хорошенько отославшись, вышли поздним утром на улицу, увидели друг друга и сказали одно и то же слово:

— Пора!

Зов далеких стран и великих свершений повлек их в дорогу.

— Куда?

— В Византию.

— Когда?

— Сейчас.

— С кем?

— Да хоть с кем.

— Ну так пошли набирать попутчиков.

В те времена немало викингов служили наемниками у императора Византии. Кто-то только из-за денег, кто-то — ища новых приключений. Одни через год-другой возвращались на родину, другие шли искать приключений дальше, а третьи оставались в Константинополе на всю жизнь. Каждый получал, чего хотел.

Дир и Аскольд собрали сорок человек — крепких и мужественных воинов. Через неделю, ранним утром, князя провожали их в дорогу. Четверо друзей стояли чуть поодаль от всех и смотрели друг на друга, запоминая надолго.

— Ну ладно ты, Рюрик, — говорил Дир, — но ты-то, ты-то, Олег, когда ты кого-нибудь слушался? Не княжеское это дело — служить наемником?! Да мало ли кто чего говорит. Бросайте вы все это и давайте с нами.

Хотя кругом еще лежал снег, Рюрик стоял без шапки. Легкий ветер поигрывал его волосами.

— Нет, ребята, — спокойно ответил он, — тут дело не только в княжеской гордости. Десять лет назад мы отвечали за одну нашу деревню, сейчас за нами весь род. Это много больше, и люди любят и верят в нас.

— А ты, Олег? — спросил Аскольд.

— Я? — Олег широкой ладонью (за девять лет он превратился в богатыря) почесал затылок. — Я всегда хотел другого. Чего — вы знаете. Так что к императору я приду не служить, а покорять.

— Ну так пошли покорять, — улыбнулся Дир.

— Позже, — ответил серьезно Олег. — Пока я еще не созрел.

Аскольд сделал знак рукой, давая понять, что хочет сказать что-то важное.

— Знаешь, Олег. Я часто говорил об этом с Диром, иногда с Рюриком, но тебя никогда раньше не спрашивал. Ты слышишь зов?

— Конечно, Аскольд. Я не просто слышу, он гремит у меня в голове и стучит в моем сердце.

— И ты знаешь, что никто никогда не мешает человеку следовать своему зову?

— Да, никто. Только...

— Только?

— Только сам человек.

Маленький уютный городок стоял на высоком правом берегу Днепра. Лето. Солнце. Тепло, но не жарко. Лес, луга, ближе к городу ухоженные поля. Широкая спокойная река.

— Красота! — протянул Дир, потягиваясь в седле. — Вот раздолье-то.

— Не говори, — отозвался Аскольд.

Колонна из сорока всадников, по два в ряд, неторопливой рысью двигалась по едва заметной дороге. Из леса, смеясь, выскочили две девушки с грибными лукошками и, увидев вооруженных людей, застыли как вкопанные. Не торопясь и не удивляясь, вышел из леса старик, тоже с лукошком, и встал впереди девушек.

— Что за город, добрые люди, и чей он? — спросил Аскольд на языке ильменских славян.

— Город Киев, — ответил старик на созвучном наречии. — Он ничей.

— Никто не правит вами?!

— Никто. Все решаем сами, сообща. Ни на что не жалуемся.

— Удивительно... Но кто-то же должен вас защищать?

— Мы платим небольшую дань хазарам, и они нас не трогают. Остальные боятся хазар и не трогают тоже.

Аскольд повернулся к Диру:

— Сказка.

— Угу, — кивнул в ответ тот.

— А откуда название такое красивое — Киев?

— Много лет назад, может триста, а может и четыреста, в здешних местах жили три брата и сестра. Они и построили этот город. Кий — так звали старшего брата. Поэтому и город Киев.

— Спасибо, старик, — поблагодарил Аскольд и тронул коня — колонна двинулась дальше.

Проехав немного, друзья посмотрели друг на друга.

— Ты знаешь...

— Знаю.

— Вот и я подумал.

— Действительно, зачем нам этот император.

Через полчаса они въехали в город. Жители молчали и старались держаться подальше, не зная, чего ожидать от незваных гостей. На центральной площади всадники остановились. Дир поманил пальцем пробежавшего мимо мальчишку.

— Парень, у вас есть тут что-нибудь, во что стучат, когда надо собрать народ?

Мальчишка утвердительно кивнул.

— Так вот беги и стучи...

Что есть духу гонец побежал исполнять приказание. Викинги рассыпались из колонны в полукольцо вокруг двух предводителей. Потихоньку, видя, что гости не торопятся делать ничего плохого, местные жители стали стекаться к площади. Когда их набралось достаточно много, Аскольд поднял вверх руку и чуть выехал вперед. Все замолчали. Следом выехал Дир.

— Я и мой друг, точнее будет сказать брат, — Аскольд подмигнул Диру, — просим принять нас в этот город правителями.

По толпе пронесся гул.

— Мы обещаем быть справедливыми правителями, будем защищать вас от врагов, решать внутренние распри. Мы расширим город и обнесем его крепкой стеной. С нами Киев станет самым богатым и самым сильным городом в этих краях, и за все это мы просим с вас только то, что вы платите хазарам.

Аскольд замолчал. Толпа загудела, обсуждая услышанное.

Вперед вышел дородный, крепкий мужик средних лет и громко спросил:

— А что на это скажут хазары?

— А мы их спрашивать не будем, — с ходу ответил Дир.

— Слишком мало вас, чтобы не спрашивать. Хазары порешат нас всех в одночасье.

— Мужик, — возразил Дир, оценивая взглядом его сложение, — чтоб тебя порешить, три хазарина нужно. А ты тут плачешь.

— Если они придут, — не унимался мужик, — то их будет по десять на каждого.

— Это если брать только Киев, — не сдавался Дир. — А если сплотить всю округу?

— Так вот ты со своим братом вначале сплоти, а потом и приходи к нам княжить.

Народ одобрительно загудел, выражая свое согласие. Дир растерялся, не зная, что ответить. Но тут на помощь пришел Аскольд.

— А вот и сплотим, — загарцевал он на коне и в глазах его появился какой-то безумный блеск, — еще как сплотим, всем на

загляденье. И чтоб впустую зазря не собираться, сразу займемся делом. А дела у нас будут славные — мы на мелочи размениваться не станем. Пойдем, к примеру, войной на Царьград. На империю. А-а? — Аскольд обвел толпу горящими глазами. — Слабо?

От такой наглости всех как параличом свело, и вокруг воцарилась мертвая тишина. Только дородный мужик, глупо улыбаясь, смотрел то на Аскольда, то на Диру и тихо повторял:

— Царьград... Да, Царьград... Конечно, Царьград...

Но вдруг его лицо приобрело осмысленное выражение, он развернулся к стоявшей за ним немой толпе и громко закричал:

— А почему бы и нет, мать вашу так! — и повернувшись к Аскольду, добавил: — Князь! Бери меня в свою дружину.

За длинным деревянным столом в княжеском доме сидели Синеус, Трувор, Рюрик, Олег и еще один викинг, несколько лет назад ушедший служить византийскому императору и только что вернувшийся обратно домой.

— Так значит, говоришь, заперли императора в его столице, а сами по всей империи что хотят, то и делают.

— Именно так.

— Пришли на двухстах кораблях?

— Да.

— И предводители Аскольд и Дир?

— Они.

— Молодцы ребята, — подытожил Синеус. — Весело живут.

Помолчали. Потом Олег встал и начал ходить по комнате взад-вперед.

— Вот помяните мое слово — ничем это не закончится, — раздраженно выпалил он. — Громаднейшее государство! Нет бы воспользоваться случаем и завоевать, так нет — они, наверное, даже выкупа не возьмут. Подумаются — и назад.

— Когда окажешься на их месте, — мягко вставил Трувор, — тогда и поучишь.

— Все мое время, — ничуть не обидевшись, ответил Олег.

На лугу, в виду города Константинополя (или, если угодно, Царьграда) за другим столом, маленьким и круглым, сидели трое: Аскольд, Дир и император Византии Михаил III. За спиной последнего расположились два телохранителя — к слову сказать, тоже викинги, наемники.

Аскольду и Диру телохранители были не нужны, во-первых, потому что они не были такими хлипкими как император, во-вторых, потому что встреча проходила в расположении их лагеря. Собственно, встречей назвать ее было не совсем правильно: больше походило это на беседу двух пьяных викингов с одним трясущимся от страха императором.

— Знаешь что, Михаил, — говорил Дир, по-дружески хлопая собеседника по плечу. — Вот все кричат: император, император. А ты ничего. Смотри — нормальный человек. Правда, Аскольд?

— Правда, — выдыхал пьяный Аскольд, ударяя императора по другому плечу. — Молодец.

Михаил неуютно ежился, что-то мямлил себе под нос и оставался сидеть, дожидаясь, что же еще хорошего скажут эти два страшных воина.

— А знаешь что, Михаил, — продолжал, осушив боценок, неумный Дир. — Ты, вот, мне скажи: ты торговать с нами будешь?

— Буду, — тут же соглашался император.

— Бес-пош-лин-н-но?

— Конечно, беспошлинно.

— Молодец, — Дир снова хлопал властителя громадной империи по плечу. — Слушай, Аскольд, тебе еще от него что-нибудь надо?

— Не. Не надо.

— И мне не надо. Значит так, Михаил — нам от тебя больше ничего не надо. Друзья?

— Друзья, друзья, — спешил заверить император.

— Во, — поднимал Дир вверх большой палец. — Значит, давай спеши домой. Во дворец. С наших торговых людей, с Киева, пошлину не бери. А мы сегодня с Аскольдом поспим хорошенько и завтра с твоей Византии прямехонько до дому и уйдем со всей дружиной. Годится?

— Годится, годится.

Император Михаил III поспешно удалялся со своими телохранителями, досадуя на себя за унижение, которое безропотно стерпел, но, с другой стороны, радуясь, что такой легкой ценой спас империю от верной гибели.

Аскольд и Дир еще долго смотрели ему вслед, пили и смеялись.

Спустя два года, в лето 862-е от рождества Христова, славяне новгородские, кривичи, весь и чудь по наущению новгородского старейшины Гостомысла отправили посольство за море, к викингам, сказать им:

— Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: идите княжить и владеть нами...

Вот так все просто. Со стороны. Но только со стороны. А на самом деле двадцатидвухлетний викинг Олег долго не мог понять, откуда берутся такие глупые люди и стоит ли идти с братьями к таким княжить.

Братья решали вопрос самостоятельно, но к сомнениям Олега все равно прислушивались, тем более, что оснований лишены они не были. Хотя положительных сторон в предложении тоже хватало. Одним словом, Синеус, Трувор, Рюрик и Олег сидели за тем же длинным деревянным столом, что и два года назад во время чудачеств Аскольда и Дира в Византии. Сидели и обсуждали, как им жить дальше. Большею частью, конечно, молчали, подолгу смотрели друг на друга выразительными взглядами, делали кривые лица, пожимали плечами, но иногда и говорили что-нибудь вроде:

— А может все-таки у них там и нормальные люди есть? — или: — Да ведь это же шире и богаче, чем все скандинавские земли вместе взятые!

Наконец, Синеус подал идею, устроившую каждого:

— А что же это мы, братья, так торопимся? Гостомыслы-то эти не во всей части света посольства разослали.

— Только к нам, — подтвердил Рюрик.

— Вот именно. Поэтому будем делать так: погуляем с ними дней несколько, посмотрим, что это за люди, когда выпьют. Поближе познакомимся. Послушаем, чем они живут и чем жить собираются, чего от нас ждут. Может и не такие они странные, как нам кажутся. А может мы просто трезвые понять их не можем, а выпьем — и все на свои места встанет. Одним словом, утро вечера мудренее. Потом соберемся снова — куда легче думать будет.

— Давай, — согласился Трувор. — Хотя я для себя уже все решил.

— Я тоже, — кивнул Рюрик.

Олег промолчал — он был брат двоюродный.

— Ну что ж, значит, это будет проверкой вашего решения. Эй! — громко крикнул Синеус своим людям в соседней комнате. — Зовите сюда послов, накрывайте на стол. Думать будем.

Так в этот год, 862-й от рождения Христова, братья навсегда оставили отечество. Рюрик вместе с Олегом прибыли в Новгород, Синеус на Белоозеро в область финского народа веси, а Трувор в Изборск, город кривичей. Держава трех владетелей была названа тогда Русью.

Прошло еще два года — легко сказать. Прожить их сложнее, особенно в новом месте, особенно с новой ношей на плечах — с тяжелой ношей, ответственной. Много мелких дел решалось ежедневно, были дела и крупные. Полоцк и Ростов с их землями покорились смелым и дружным братьям — государство ширилось день за днем. Жизнь текла бурно и интересно, красиво приходила смерть. Как много лет назад их отец и дядя, сражаясь плечом к плечу, пали под Муромом Синеус и Трувор. По трупам их врагов Рюрик и Олег ворвались в город со своими воинами и смирили непокорных, очередной раз расширив свои земли.

Казалось бы — только о такой, достойной викингов смерти, братья и мечтали, но что-то случилось вдруг в душе у Рюрика, что-то сломалось в его сердце. Весь обратный путь до Новгорода был он молчалив и задумчив.

— Обрусел ты, — пытался отвлечь его от мрачных дум Олег любимыми разговорами. — Давно не цеплял абордажными крючьями корабль с врагами. О чем грустишь? Братья, я думаю, не променяли бы свою смерть ни на какую другую. А кроме того, тебе еще нет тридцати, а ты теперь уже единолично правишь таким огромным государством, о котором у нас на родине никто никогда и мечтать не смел.

Рюрик упорно молчал.

— Ну, вообще-то, я чуть загнул, — добавил Олег. — Не таким уж и огромным.

— Угу, — поддался на провокацию Рюрик. — И кое-кто мечтал.

— Ну, выходит, два раза загнул.

— Я знаю, Олег — ты хочешь меня разговорить. Но я сам разговарюсь с тобой, когда придет время, а сейчас мне надо подумать. Долго. Сделай, пожалуйста, так, чтобы всю дорогу до Новгорода мне никто не мешал.

— Хорошо, брат, — кивнул Олег, придерживая свою лошадь. — Будет исполнено, князь...

Дома их ждали закрытые ворота города и ультиматум с его стен. Некий кожевенник Вадим по прозвищу Храбрый в отсутствие князя и дружины склонил недовольных постоянными войнами новгородцев к бунту. Предлагали молодому князю добровольно отвлечься от власти и отбыть восвояси.

— Ты извини, что все же побеспокоил, — подъехал Олег к тоскливо смотревшему на городские стены Рюрику, — но не подскажешь, как это кожевенник может заработать себе прозвище «храбрый».

Выражение лица Рюрика не изменилось.

— Ты знаешь, — ответил он, — в другое время я бы тоже посмеялся с тобой над этими недоумками, но сейчас я хочу сказать им спасибо. Они еще раз убедили меня в правильности моих мыслей... Скажи, чтоб все оставались на месте — я справлюсь сам.

Действительно, через пятнадцать минут с бунтом было покончено. В первые пять минут храбрый, но не очень умный Вадим и два его товарища легко согласились на поединок с князем трое против одного. Во вторые пять минут Рюрик долго ждал, когда они спустятся со стен, а потом быстро убил двоих и разрешил уйти третьему. А в последние пять минут бунтари открывали ворота и разбегались по домам в обмен на обещание князя никого не наказывать.

— Я догадываюсь, о чем ты хотел со мной разговориться, — начал подъехавший к князю первым Олег, — но, как видишь, подобные трудности легко тобой решаются. Чего же бояться?

— Я не хочу подавлять недовольных — я хочу, чтобы у меня таких не было. Всё: ближайшие несколько лет — хозяйство и торговля. Никакого расширения границ.

— Можно все разумно сочетать.

— Можно, но, как видишь, пока у меня выходит неважно. Так что займусь я сперва тем, что получается хуже, а уж как налажу, поговорим и о войнах.

— Ты можешь больше, Рюрик — не уподобляйся Аскольду и Диру.

— Я и иду к большему, но своим путем. А Дир и Аскольд — отличные ребята и наши с тобой друзья. Им хорошо в своем Киеве. Им большего не надо.

— В том-то и беда, что не надо. Мог ли ты раньше такое представить.

— Я не то хотел сказать, Олег. Им не надо пока новых земель. Всего лишь. И заметь — только пока. Многое другое им надо. Они тоже идут к большему своим путем.

— А как же зов, Рюрик?

— Зов у всех разный, брат.

— Нет. Зов один. Просто каждый по-разному к нему прислушивается.

— И ты слышишь его сильнее нас.

— Да.

— Не спорю. Но сильнее — не всегда лучше, — Рюрик указал глазами на убитого кожевенника, который был куда крупнее его самого.

Олег пожал плечами:

— Может быть... Посмотрим.

Мимо в ворота Новгорода стройными рядами входила дружина, разнообразными восторженными выкриками приветствуя ловкую победу князя над бунтовщиками.

Двое на севере, двое на юге — так раскидала нас судьба. Я пишу «мы», но не буду писать «я» — ведь не все ли равно, кем из них я был. Даже раскиданным нам было грех жаловаться. Все самые смелые мечтания, все самые дерзкие стремления сбылись, и сбылись не просто, а так, что каждый из нас остался в ладу со своей совестью. Потерянные земли, деньги, власть и влияние можно вернуть, потерянную чистую совесть — никогда. Одним словом, мы были счастливы, тем более что двое — это не один. Каждый из нас оставался с другом.

Аскольд и Дир княжили на равных — всё сообща. Ни тот, ни другой не гонялись за новыми землями и подданными, но о престиже, богатстве и силе своего крохотного государства-города они заботились даже очень. Раз в год, а то и чаще, как в то зимнее утро в родной деревне, они, хорошенько отоспавшись, выходили, улыбаясь, навстречу друг другу и говорили всегда одно только слово:

— Пора?

— Пора!

А уже следующим утром в компании таких же беспшашных рубак они ехали объяснять свой взгляд на мир каким-нибудь дальним соседям. Вблизи все давно было объяснено — соседи помогли Киеву и деньгами и войском.

Каждый поход заканчивался сражением, а иногда и не одним, в каждом сражении Аскольд и Дир умудрялись оказаться в самом пекле. А с кем воевать — им было без разницы.

В Новгороде отношения были другими: Рюрик правил государством, Олег командовал войском. Один помнил, что у него есть младший брат, тоже княжеского рода, другой не забывал, что правит все же брат старший. Первое время Олегу даже некогда было скучать: приходилось обучать соседей правилам поведения на границах — а и соседей, и границ было предостаточно. Но со временем ученики его все же набрались уму-разуму, поняли, что задевать Русь себе дороже, и по причине этого Олег стал иногда похандривать без большого дела, особо, правда, недовольства не выражая.

Рюрик же сдержал свое слово. Под его властью, оставшись почти в тех же границах, Русь расцвела. Бунтов больше не было. Наоборот, сытый и довольный народ русский молил бога о продле-

нии сего доброго княжения. Через одиннадцать лет у Рюрика родился сын Игорь. Через пятнадцать князь вручил государство и сына Олегу и ушел в ту далекую страну, где его давно уже ждали отец, братья, боевые товарищи.

Сорок четыре — не так уж плохо для викинга в то суровое время, хотя, конечно, чертовски мало для любимого народом правителя, да и просто для хорошего человека.

В один из тех дней, когда азарт от выяснения отношений с очередным дальним соседом уже прошел, а настрой на новые подвиги еще не появился, Аскольд и Дир вели дружескую послеобеденную беседу в своих хоробах в Киеве.

— Слушай, Дир, да пошло оно все прахом — давай съездим.

— Двадцать два года прошло, как мы расстались — он тебя и не вспомнит.

— Что ты глупости говоришь, — Аскольд встал из-за стола и начал беспокойно расхаживать взад-вперед по большому обеденному залу. — Мы же его помним. Чем он хуже нас?

— Он всегда был лучше.

— Вот видишь, видишь. Кого же ему еще помнить, как не нас. А нам его. Черт возьми, как больно с Рюриком получилось — так и не увиделись. Ты что же хочешь, чтобы так вышло и с Олегом.

— Не хочу.

— Вот именно. Зачем, — Аскольд обвел рукой безлюдный зал, увешанный дорогими тканями и мехами, заставленный золотой посудой, — зачем мне все это, если я не могу, когда захочу, видеть моего друга Олега, с которым мы бились рука об руку во всех походах и не раз спасали друг другу жизнь, с которым мы лазили на скалу Локи за мечом желтого воина, с которым мы...

— Не трави душу, — перебил Дир. — Я тоже очень хочу его увидеть. Только...

— Что только?

— Только сядь, и давай кое-что обсудим.

— Хорошо, — Аскольд сел.

— Но учти, что обсуждать мы будем не как его друзья, а как хозяева богатого и независимого края, а еще будем помнить, что Олег в своем крае тоже хозяин.

— Хорошо, давай будем помнить.

— Так вот, — Дир расстелил перед собой карту, искусно сделанную на белой ткани, — расскажи мне, куда ты, будь на месте Олега, стал бы расширять свое государство.

— К югу, — не глядя на карту, ответил Аскольд.

— Почему?

— Земли лучше, народы слабее.

— Правильно. А кто у него с юга?

— Северяне, радимичи, смоленские кривичи. Полно. Всех не перечислить.

— Угу — кривичи... Хренивичи. Да мы у него с юга. Мы. Что ж ты не поймешь.

Аскольд повернулся к карте, положил большой палец на Новгород, еле-еле дотянулся мизинцем до Киева, оторвал растопыренные пальцы от стола и поднес их к носу друга.

— Мы не с юга, Дир. Мы очень далеко с юга.

Дир убрал от лица руку Аскольда:

— Шаг за шагом, брат.

— Так ведь шагов-то пока нету.

— В том-то и беда, что нету. Ты что, не знаешь аппетита Олега?

— Знаю.

— А раз знаешь, то скажи, почему Рюрик умер три года назад, а Олег до сих пор не потеснил еще ни одного соседа, почему все три года плывут к нему с нашей родины корабли, полные викингов, и все они там у него оседают, почему наши купцы рассказывают, что в Новгороде у каждого мужика в доме есть меч и пользоваться он им умеет не хуже, чем плугом. Почему?

Аскольд почесал затылок и снова растопырил большой палец с мизинцем, только теперь он глядел на них с меньшим воодушевлением.

— Вот-вот, — согласился Дир. — Правильно. Он не пойдет шагами. Он готовит прыжок и захватит все. А конечная цель, я думаю, вовсе не мы, а еще южнее — Царьград и вся империя.

— Возможно. Тем более, что благодаря нам он знает, насколько она слаба, — Аскольд улыбнулся. — Но ведь это не повод, чтобы такой друг как Олег поссорился с такими друзьями как мы.

Улыбнулся и Дир:

— Надеюсь, не повод. Но только скажи, что тогда в этом мире сможет стать таким поводом.

— Больше уже ничто, Дир... Хорошо, ты меня уговорил. Давай повременим с поездкой.

— Давай.

Оба взяли по кубку, высунулись в окно с видом на Киев и стали думать, куда бы приложить свои неумемные фантазию и силу сегодня вечером.

Как восхитительна земля русская свежим весенним утром, теплым осенним вечером. В ясный зимний день, в летнюю лунную ночь. Как не крути — восхитительна. Да — она уже в два раза больше Скандинавии и недра ее куда богаче. Никто не спорит. Да — люди в ней сыты и довольны, не дрожат за завтрашний день. Это верно. Много в ней еще чего хорошего. Да... Только кто сказал, что все в мире надо мерить Скандинавией, кто сказал, что богатств природы на юге меньше, кто сказал, что нельзя жить еще лучше. Например, торговать с Византией беспошлинно или снимать с лучших земель лучший урожай. А еще, смеху ради, обложить хазар данью и возвращать назад все то, что они веками высасывали с племен славянских. Кто сказал?... И кому все это надо? Князю? Зачем? Сытный стол, полная чаша, добрый конь и оружие, новая полонянка время от времени — больше незачем. Остальное, все же, народу. Русскому народу... Так, наверное.

Пятнадцать лет после взятия Муром князь Олег молчаливо смотрел, как окружающие Русь малахольные племена и народности изнывают от желания быть им захваченными. Пятнадцать лет он слушал государя и брата своего Рюрика и не трогал их. Но без дела тоже не сидел: заманивал в Новгород соотечественников-викингов, ковал оружие, строил боевые ладьи, учил простой народ драться. Люди его сновали по чужим городам, изучали слабости в обороне, а заодно ненавязчиво сеяли слух, что под русским князем живется хорошо и привольно.

Рюрик умер. Все, что делалось постепенно, закрутилось с новой скоростью. Русь превратилась в огромный сжимающийся боевой кулак. И все же прошло три года, а Олег все медлил. Чего он ждал? Кого? Никто не мог ответить. Только сам Олег.

А он... он, на самом деле, не ждал. Он думал. И не дай бог кому еще думать такую думу.

Наконец, решение было принято.

Первым стал Смоленск — город вольных кривичей. Нельзя сказать, что он сдался без сопротивления — свои не сдают. Половина боеспособного населения города уже давно была на службе у русского князя — вторая половина попросила, чтобы он взял их тоже. Олег взял.

Потом пошли сдаваться город за городом, почти все без боя. Ничего удивительного — противопоставить хоть что-то Олегову

войску мог только Киев. Любеч — последний крупный город перед ним — тоже не стал сопротивляться.

Игорю, сыну Рюрика, было семь лет. Олег готовил его стать достойным правителем, поэтому везде брал с собой.

— Дядя Олег, а кто такой Аскольд? — спросил неожиданно юный князь под Любечем.

— Откуда ты знаешь это имя, мальчик?

— Сегодня ночью я проснулся, и мне стало страшно. Тогда я попросил охрану, чтобы меня пустили спать к тебе.

— Когда я встал, тебя не было.

— Я ушел. Во сне ты ворочался, стонал и бормотал что-то непонятное. Несколько раз ты сказал слово «Аскольд».

Красные, болезненные глаза князя грустно посмотрели на Днепр.

— А ты знаешь, что такое Киев, Игорь?

— Нет. Не знаю.

Олег печально вздохнул.

— Это такой город на высоком берегу этой реки. Город большой и богатый, и еще он стоит так, что к нему очень трудно подступиться. Вокруг него плодородные земли, которые дают сказочный урожай. А самое главное, что находится этот город на перепутье всех дорог: оттуда удобно торговать и с Херсоном, и с Тавридою, и с Болгарией, и с Царьградом... И нападать на них удобно. Ты бы хотел побывать в таком городе?

— Хотел.

— Вот завтра и поплывем.

— Вот здорово!

— Только не всем флотом, а на трех торговых ладьях. А по дороге я расскажу тебе, кто же такой Аскольд, и еще кто такой Дир.

Город был наверху, пристань внизу — между ними дорога. Аскольд и Дир шли сверху, Олег и Игорь снизу — больше никого. Так договорились.

Когда между ними осталось десять шагов, Олег остановился. Все остановились тоже. С десяти шагов так хорошо видны лица друзей. Аскольд и Дир улыбались, Олег еле сдерживал слезы.

— Простите меня, друзья, — сказал он. — Я вас очень люблю.

— Почему тогда ты так грустен, друг?

— Потому что, — Олег не стал спешить с ответом, посмотрел на Аскольда, потом на Диру, снова на Аскольда, снова на Диру, положил руку на плечо мальчика и прижал его к себе, — потому что Киев должен стать матерью городов русских.

Трава и кусты с двух сторон дороги ожили. Пять стрел свалили Дира наповал. Столько же вошло в Аскольда, но он остался стоять. Ни удивления, ни обиды не появилось на его лице — та же милая улыбка. Олег бросился и подхватил медленно оседающего друга. Вот он. Совсем рядом. Добро смотрит в глаза.

— Я бы отдал город так... Тебе он нужнее, — тихо, слышно только Олегу, прошептал Аскольд.

Потом глаза его закрылись. Навсегда.

Сотни белых точек появились сверху по течению Днепра — это плыли боевые ладьи с русским войском. Десять лучников сомкнулись кольцом вокруг Олега и Игоря. Снизу бежали вооруженные ратники прикрывать отход князя в случае вылазки разгневанных жителей.

Но вылазки не было. Устрашенные сильным войском, лишенные своих предводителей, растерявшиеся киевляне признали в князе Олеге своего законного государя.

За окном плакал город. Город Киев. На залитых кровью подушках умирал создатель великого русского государства князь Вещий Олег.

— Я хотел сказать спасибо, — гудели в тяжелой голове слова племянника. — Ты создал... живет... счастливый народ... И все же... Что?.. Что?.. Что он сказал тогда тебе? Что прошептал тебе Аскольд?

Слабеющей рукой Олег поманил Игоря, дождался, когда тот наклонится, чуть поднялся навстречу.

— Ни-че-го, — четко выдавил он, откинулся в подушку и отвернул голову.

По щекам его текли слезы.

Тольятти, 03.07.2002

ЗДРАВСТВУЙ, МАМА...

*Жизнь есть способ существования белковых тел,
существенным моментом которого является постоянный обмен
веществ с окружающей их внешней природой,
причем с прекращением этого обмена веществ
прекращается и жизнь...*

Ф. Энгельс.

07.05.1969

Здравствуй, мама.

Я знаю, для тебя это будет как снег на голову, но, надеюсь, это будет хороший снег. Сегодня я поняла, что я твоя дочь. Значит ты — моя мама. Значит, я могу тебя так называть, и значит это правильно, что я пишу тебе «ты». Ведь как еще писать маме.

Меня зовут Люда. Я девушка Алексея. Он не писал обо мне, потому что я его так просила. Мне казалось, что ты уже заочно воспримешь меня плохо, узнав, что я так быстро стала считать себя его девушкой и так же быстро убедила в этом его. Мы хотели сообщить тебе обо всем только после Алешкиного дембеля и представить все так, будто мы больше года лишь держали друг друга за ручку и только после этого, стесняясь и краснея, решили, наконец, поцеловаться. А потом еще долго-долго всего лишь целовались... Но все было совсем не так.

Я отдалась ему в первую же нашу встречу, через три часа как его увидела. Ну и что. Теперь я горжусь этим. Горжусь тем, что, сохранив себя до почти восемнадцати лет от всех других мужчин, я смогла всего за три часа полюбить Алешку и понять, что ему можно и нужно отдать все, чем бы потом это не кончилось. Можно и нужно — это, наверное, даже не те слова. Просто мне захотелось отдать ему все. Очень захотелось. Разве нужен еще какой-нибудь повод?

Ну а он стал пропадать у меня каждую свою увольнительную. И в самоходы бегал. Я жила с подружкой в студенческом общежитии, и она всегда давала возможность побыть нам наедине. Это был самый счастливый год в моей жизни. И в его тоже. Мы очень любили друг друга... А потом Алексея отправили в Чехословакию подавлять этот проклятый мятеж. Как он погиб, я знаю. Его друзья написали мне — наверное, он заранее оставил им мой адрес.

Прости, мама, что я так долго молчала и что так долго оставляла тебя одну наедине с твоим горем. Я просто не была уверена, что все у меня получится и что я смогу благополучно довести начатое до самого конца. Теперь все в порядке — у меня родился здоровый, красивый мальчик. Алешка. Так похож, что я смотрю на него — смеюсь и плачу.

Теперь я живу в общежитии одна, вернее с Алешкой. Без соседки. У меня есть, где разместиться. Приезжай, мама. Адрес на конверте. Я очень тебя жду. Мы оба ждем.

Твоя дочь и внук. Люда и Алешка.

PS. У нас впереди целая жизнь.

29.04.1970

Здравствуй, мама.

Спасибо за письмо и посылку к Алешкиному дню рождения. Ты настоящая колдунья: все вещи, что ты присылаешь, сидят на Алешке как на заказ — самую малость на вырост и, в то же время, ничуть не велики. А может, это называется не настоящая колдунья, а настоящая бабушка.

В этот раз ты опять со всем угадала. Алешка посылке не нарадуется. Особенно ему нравятся сапожки. Старые закинул в угол и сказал: «Фу», — а с новыми сидит уже второй день посреди комнаты, радуется, разглядывает их, гладит и постоянно шепчет: «Пай... Пай...»

По-прежнему беру его с собой на работу. У нас в детдоме есть дети и его возраста, но ему хочется быть рядом со мной, а у меня дети постарше. Может, это даже и к лучшему: во-первых, они с ним как с куклой нянчатся — и им занятие, и мне отдых, во-вторых, они, понятно, поумнее Алешки и его за собой в развитии быстрее подтянут, чем сверстники.

Новых слов пока не говорит, если не считать, что научился гавкать, мяукать и каркать. Мяуканье — это самое бесподобное. Когда просят его показать, как разговаривает кошка, он забывает все свои дела, усаживается поудобнее, ждет тишины и полного внимания и, дождавшись, делает такое нежно-умиленное лицо, что просто жуть, и так же нежно, со старанием один раз мяукает. А потом смеется — радуется, что всем понравилось. Чудо, а не ребенок. Жаль, что отец не увидел.

Знаешь, мама, я никогда не думала, что с появлением малыша так много в жизни может измениться. Да, конечно, я понимала, что многое поменяется в быту: наваяются новые заботы, домашние дела — я понимала, что и в душе что-то будет по-новому: появится любовь

к этому маленькому человеку, волнения, тревоги, радости и много чего еще. Но я всегда считала, что все эти чувственные новшества будут связаны только с ребенком. А оказалось, что нет — я теперь весь мир воспринимаю по-другому. У нас во дворе, если помнишь, через газоны проложены дорожки из резиновых ковриков. В середине они примяты в землю, и после дождя там остаются лужи. На солнце резина быстро нагревается, и лужи становятся теплыми-теплыми. Малышам так нравится бегать по ним босиком, топая и брызгаясь, а мне так нравится смотреть на их счастливые лица и слушать, как шлепают по воде их босые пятки. И это ведь только с того лета, когда у нас появился Алешка. Раньше я всего этого не замечала.

А еще я научилась слышать музыку родительских голосов. Раньше я только слышала крики с балконов: «Вася, домой! Лена, надень свитер!» А теперь я поняла, что все родители в нашем доме — это отлаженный оркестр, и каждый неповторимо исполняет свою часть прекраснейшей дворовой симфонии. И сквозь напускную строгость в каждом голосе звучит музыка любви к своему ребенку, и у каждого эта музыка особенная. Пройдет немного времени, и меня тоже примут в этот оркестр. Представляю себе это — и так хорошо на сердце становится...

Насчет твоих мыслей переехать жить в деревню, я, наверное, тебе, мама, не советчица. Делай, как знаешь. Как хочешь. Как душа лежит. Если в городе ничего больше не держит — конечно, переезжай. Я тебе Алешку каждое лето привозить буду. Нечего нормальному мальчишке летом в городе делать. Только тогда смотри, чтобы к нам поближе и чтобы было, где внуку рыбу ловить и куда за совхозными яблоками лазать.

Ждем ответа. До свидания.

Люда и Алешка.

12.05.1974

Здравствуй, мама.

Наконец-то, выбрала момент написать тебе письмо. Все праздники провела на участке: сажала картошку и тому подобное. Алешка мне очень активно помогал. Представляешь — первый раз (не считая грудного возраста) увидела, как он плачет. Его укусила пчела. В палец. Палец на глазах опух и покраснел. Алешка смотрит на меня большими влажными глазами, но не плачет — зубы стиснул и молчит.

Я ему:

— Больно?

А он мне:

— Нет. Больно, когда пули свистят.

А потом подумал и спрашивает:

— Мам, Олин папа сказал, что, когда пчела кого-то кусает, то она умирает. Это правда?

— Правда, — говорю.

— Значит, эта пчела умерла?

— Да, — говорю. — Умерла.

И вот тут не удержался. Жалко, говорит, пчелу. И заплакал. Не от боли, от жалости. Тихо, без всхлипов, одними слезами...

В детдоме я сейчас веду группу как раз Алешкиного возраста: всем по четыре-пять лет — так что ходить ко мне на работу ему очень даже нравится. Алешка очень подружился с одним мальчиком из этой группы. Зовут его Сашей, и ему тоже исполнилось недавно пять лет. Если честно — самый хулиганистый ребенок в группе: часто дерется, часто своенравничает. Но мне почему-то он нравится. Никогда не врет, не ябедничает, не плачет. Они с Алешкой друг за друга горой: одного чуть заденут — второй сразу защищает. И наоборот, разумеется. Дома Алешке без друга скучно, поэтому я иногда беру Сашу к нам домой с ночевкой. Так получается меньше забот — они вдвоем тихонько играют и мне не мешают заниматься домашними делами.

Вчера научила их умножать столбиком. Правда они таблицу умножения еще не знают, поэтому я показала им, как пользоваться таблицей Пифагора на обложке тетради, а складывать, что под чертой, они, разумеется, умеют. Алешка второй вечер от вычислений не оторвется — все подходит и подходит за новыми заданиями или чтобы я проверила, а Сашу все это как-то не увлекло. Не хочу, говорит. Сидит, сам с собой в карты играет или пасьянсы раскладывает.

Иногда, когда они сильно попросят, я тоже с ними играю. Как правило, в карты, в дурака. Раньше чуть-чуть поддавалась, а сейчас уже нет. Они и без того уже выигрывают.

С первого сентября на стадионе, который рядом с детдомом, открывается секция фигурного катания. Берут детей с четырех лет и старше. Очень недорого, а, кроме того, для детдома предоставили пять мест бесплатно. Я уже на обоих подала туда заявление с их, разумеется, согласия. Алешка изъявил желание написать тебе сам, так что я прощаюсь. Надеюсь, через две недели после того, как ты это письмо получишь, мы уже будем у тебя в деревне.

До скорого свидания. Люда.

здравствуй баба. мы потебе скучаем я игрл с мамай в морской бойия вы грал я памагаю маме четаю книги скоро преедим будим лавить рыбу досведанье

леша

Здравствуй, мама.

У нас все хорошо. Бабушку мы с Сашей слушаемся. Каждый день мы ездим на велосипедах купаться на речку. У нас тут много друзей. Мы играем с ними в карты, лото, в футбол, в козла-осла-и-сторожа, в клек и еще в чапаева. На речке мы играем в собачки. Еще мы ездим на велосипедах ловить рыбу и в совхозный сад за черешней, смородиной, крыжовником и малиной. А яблоки пока еще кислые. Вечером мы смотрим с бабушкой телевизор и читаем книги. Бабушке мы помогаем и на огороде, и дома. Приезжай скорее. Мы тебя ждем.

Леша и Саша.

Здравствуй, Люда.

После такого подробного освещения всех текущих событий, кажется, даже и нечего добавить. Попробую лишь повторить, но уже в переводе на наш с тобой, взрослый.

Начну с велосипедов. Эти гаврики сняли с них крылья, багажники и передние тормоза. Объяснили это тем, что велосипеды у них теперь не какие-нибудь, а спортивные, и лишние тяжести замедляют их скорость. Этим они не ограничились. Саша молотком постучал по заднему колесу и сделал на нем хорошую «восьмерку», заявив, что теперь его велосипед не будет пробуксовывать в грязи. А Алешка, так тот и задние тормоза снял, а до меня довел новую истину, мол, отважным людям тормоза не нужны. Правда, на следующий вечер приехал весь в ссадинах и тормоза, незаметно от меня, вернул на место. Остается надеяться, что пропеллеры за сиденьем они додумаются поставить не в это лето.

Еще они открыли здесь секцию борьбы самбо. Прямо у нас во дворе на травке. Нашли у меня старый самоучитель (хороший, с обстоятельными картинками, по нему еще мой муж занимался) и отрабатывают по нему прием за приемом. Друг на друге тренируются и товарищей привлекают. К нам теперь прям паломничество какое-то желающих обучиться. Оба говорят, что когда вернутся в город, бросят фигурное катание и запишутся в секцию самбо. Кстати, смотря, как они борются, я поняла — ты правильно сделала, что не побоялась так рано отдать их в спорт: они сильнее, быстрее и ловчее своих друзей и легко побеждают в борьбе даже тех, кто заметно крупнее их. Да и на умственном развитии это фигурное катание, вопреки моим опасениям, не сказалось. Саша, несмотря на все свои двойки в школе, по жизни ох как не дураком растет. Где-то и поумнее Алешки будет, хотя и тот не промах.

Насчет помощи не врут. Помогают. Немного, конечно, но, что прошу, делают. А много я их стараюсь не загружать, пусть отдыхают — жизнь еще впереди долгая. Натрутся... Со смородиной они мне очень помогли. В этом году собрали двадцать шесть ведер, половину из них — они. Каждое утро (точнее день, потому что спят они долго — Леша допоздна читает, а Саша просто дурака валяет), прежде чем пропасть из дома до ужина, собирали ведро на двоих. И крутить ее с сахаром помогали, но тут немного, потому что двадцать ведер я продала.

Ты знаешь, дочка, смотрю я на детей каждый день и думаю: ведь вот уже десять лет, как не стало Алексея, и как бы я эти десять лет прожила без них и без тебя — я не знаю. Наверное, не прожила бы. Спасибо тебе, Люда. Приезжай к нам скорее, вместе веселее. Как раз к твоему приезду помидоры пойдут. Да и вообще тут у нас красота.

До свидания. Ждем.

Мама.

16.06.1982

Здравствуй, мама! Привет, Санек!

Прошла еще неделя, и я пишу еще одно письмо. Сегодня шестнадцатое июня — день рождения «Артека». Нашему лагерю пятьдесят семь лет. Мороженое в столовой нам сегодня давали аж четыре раза: на завтрак, обед, полдник и ужин. Давали конфеты, заварное пирожное, по коробке мармелада «Лимонные и апельсиновые дольки» каждому, а там 63 дольки в коробке. Про клубнику и черешню я даже и не говорю — мы ее и так каждый день едим. У нас теперь у всех в палате тумбочки сладостями забиты. Вот бы каждый день так.

Сегодня и купались дольше обычного. Сразу после завтрака начали и до самого обеда. После обеда как всегда был абсолют (это здесь сончас так называется, потому что все абсолютно должны спать), потом полдник, а потом на Костровой началась праздничная программа. Смотреть ее пришли еще «Алмазная» и «Хрустальная» дружины, так что все места на Костровой были заняты. Приезжали разные артисты, певцы, танцоры. Были Шаинский, Лев Лещенко, артист, который в детстве играл сына индийского раджи в фильме про «Артек». В разгар выступления у берега, прямо за спинами тех, кто выступал, начала играть и прыгать из воды стая дельфинов. Было очень красиво. Сейчас только поужинали и через полчаса снова на Костровую. Говорят, что после концерта, когда стемнеет, к берегу подойдет военный корабль, и с него будут давать салют.

На этой неделе мы были на экскурсии в Севастополе, там смотрели знаменитую панораму «Оборона Севастополя», были в дельфинарии и аквариуме. А еще я теперь альпинист, потому что поднялся на свою первую вершину — гору Роман-Кош. Такая красота оттуда — не описать. Внизу все как на ладони: море, Ялта, «Артек». И чайки не над нами, а под нами. Про эту гору даже песня есть артековская. Приеду домой — спою вам. Мы тут много песен выучили.

Еще я участвовал в конкурсе приложений и занял второе место. Над сюжетом долго не думал, повторил Сашкину композицию с саванной, зверями и восходящим солнцем. Тоже с тенями, полутенями, бликами и рефlekсами. Получилось похоже, но все равно не то. Честно сказать, Саш, с твоей и близко не стояло. Жалко, что отпетых хулиганов в «Артек» не берут — ты бы тут им показал, что значит настоящее искусство.

А еще на этой неделе у нас был один очень интересный вечер. Мы всем отрядом — двенадцать мальчишек и двенадцать девчонок — вместе с вожатыми Леной и Славой собрались после ужина в лесу на поляне, разожгли костер, уселись вокруг и разговаривали. Смена подходит к концу, все хорошо друг друга узнали, поэтому вожатые предложили нам послушать о себе со стороны. Каждый по очереди называл на свой выбор любых трех человек, и они говорили, что о нем думают. И хорошее, и плохое. Всю правду и при всех. Было очень приятно, что мое мнение о себе хотели послушать почти все.

Ну, вот уже и зовут на Костровую, поэтому заканчиваю.

До свидания. Скоро приеду.

Леша.

15.10.1986

Здорово, брат Александр!

Ты меня, конечно, извини, что обещал написать первым и почти два месяца молчал, но, во-первых, ты не красна девица, чтоб тебе каждый день по письму катать, а во-вторых, ты сам, как и я, учишься на первом курсе почти что института (физвос ведь почти что институт), живешь в общежитии и в сентябре месяце помогал доблестным колхозникам гнить картофель на полях нашей великой родины, так что не мне тебе объяснять, как трудно сейчас выкроить время для письма. На лекциях не до писем — спать надо, на семинарах учиться приходится, а вечером, после занятий, начинается то, из-за чего потом опять на лекциях спать надо. И так каждый день. Напрашивается вывод: надоело. Но нет. Не надоедает.

Но обо всем по порядку. 31 августа я вселился в общагу в трехместную комнату. За день до этого туда въехал еще один первокурсник — зовут Славкой, а кроме него там уже не первый год живет Михаил с пятого курса. Он еще и после армии, так что заметно нас постарше. Подруги зовут его Мишелем, а друзья Майклом, это, видимо, потому, что он одинаково хорошо говорит и по-французски, и по-английски. Парень умнейший, да и во всех других отношениях классный. Свой, в общем.

Славка тот тоже оригинал. Прикинь — не пьет, не курит, не ругается матом, рядом с девушками чуть что краснеет и выглядит, как мальчик с обложки букваря. Я вначале думал: все — труба. Но в колхозе оказалось, что кроме этих недостатков, у него хватает и достоинств. Началось с того, что при первом же конфликте с деревенскими, он и десяти секунд не стал слушать их наездов, тихонечко зашел с боку, и, пока мы размышляли, стоит ли обострять ситуацию или нет, он уже уложил двух самых говорливых. Тут уж и нам ничего не оставалось, как приступить к действию. Их было раза в два больше, и, как будто бы, морды должны были у нас опухнуть посильнее ихнего, но Славка и тут отличился — стал отрывать от забора штакетины и снабжать ими нас. А со штакетинами у нас дело веселей пошло. Причем опять же — ни одного матного слова. Они тоже штакетин захотели, руками к забору тянутся, а он бьет их своей штакетиной со всей дури по этим рукам и интеллигентно так советует больше их не вытягивать. Смехота да и только. Убежали они в итоге. Больше не суются. А Славка и в компании молодец оказался: на гитаре играет лучше всех — как Паганини на скрипке, собеседник интереснейший, все знает, во всем разбирается, куда не сунься. Да и с девчонками недели через две краснеть перестал. Приставать к ним не приставал, даже их попытки к сближению отклонял тактично, но комплексовать перестал, а под конец колхоза даже подкальывать и грузить мозги им начал. Тут уж они за ним толпами бегать стали. Мы и сейчас с Майклом не поймем, почему нашу комнату так женский пол любит. То ли из-за нас, то ли из-за Славки.

А вообще, на одной из ежедневных массовых гулянок в нашей комнате одна из соседок по этажу замочила интересную штуку. Она сказала, что комната наша — это единый живой организм, в котором голова — это Майкл, сердце — Славка, ну а я — все остальное, но большей частью руки и ноги.

Ладно. Я отвлекся. 1 сентября мы стартанули в колхоз. Все курсы, но каждый в свой. Были там ровно месяц, но лично я на поле выходил всего четыре раза и то сразу ретировался спать в посадки. Может, кому-то и стыдно бы стало, а я этим горжусь. Нас, таких

злостных, только трое было, ну и еще человек десять тоже отлынивали, но пореже. Бригадиру нашему (из студентов) мы сразу сказали, что денег нам никаких не надо, так этот скупердяй только обрадовался, что другим (а значит и ему) больше достанется. Ну, и что ты думаешь — заплатили им всем за месяц работы по двадцать четыре рубля. И как мне после этого не гордиться, что я в дураках не остался.

Ну, а отдых, вообще, был классный. Грибы, рыбалка, волейбол, гитара ночью у костра, карты (на деньги, разумеется) и куча красивых, интересных, большей частью скромных, но, в любом случае, осатанелых от нахлынувшей внезапно свободы студентов. Так что я в итоге с ними сам осатанел. Всего, конечно, в письме не расскажешь, но ты понял, что отдохнул я славно.

А с 1 октября учимся. Это тоже интересно. И почти каждый вечер после окончания занятий вся колхозная наша компания собирается у нас. Не только, кто с общежития, но и местные с города приезжают. Славка, он хоть и сердце, но уже сдавать начал. Я, говорит, от тебя, Алексей, перееду. Даже выдавший виды Майкл удивляется, как я такой ритм могу выдерживать. А я могу. Я — руки-ноги. Мне все это нужно, мне столько всего нужно! Ты знаешь — ты сам такой.

Так что есть у меня идея. Предлагаю тебе приехать ко мне на ноябрьские. Можешь с друзьями. А потом мы к вам. Две встречи в семестре. И в том же духе дальше потом. Тут и езды-то на поезде всего часов двенадцать. А на каникулах еще и у мамы встречаться будем, на летних и у бабушки. В общем, жду. Не тяни с ответом. Пока.

Брат Алексей.

16.05.1987

Здорово, брат Алексей.

Прошло две недели после твоего отъезда, и я что-то захандрил. Глупо. На улице солнце и цветущий май, красивые девушки в коротких юбках, в комнате друзья сидят рядом за столом и разливают портвейн по стаканам. Когда он кончится, мы пойдем на крышу общаги играть в кегельбан футбольным мячом и пустыми бутылками. Проигравший будет готовить ужин. Потом еще что-нибудь веселое придумаем...

Знаешь, брат, я хочу влюбиться. Мне всего восемнадцать, а я уже устал без этого. Кое-кто из тех, что постарше рассказывали мне о подобном, но у них у всех это попозже было, далеко не на первом курсе. ЭТО — это когда ты вдруг понимаешь, что, конечно, хорошо,

что вокруг друзья, что они тебя любят, что тебе есть чем заняться, есть к чему стремиться, есть планы, есть мечты; что в институте и в общаге ты личность примечательная, а потому и женщины тебя стороной не обходят и ласками не обделяют, но оказывается, что даже со всем этим вокруг — ты одинок. Оказывается, что хочется возвращаться из института и думать, что сейчас дома тебя ждет не дожидается любящая тебя и молящаяся на тебя милая добрая девушка, которой ничего больше не надо, только б видеть тебя с собой рядом, и которую ты тоже любишь, на которую тоже молишься и о которой думаешь, что ничего тебе тоже не надо, только б видеть ее с собой рядом.

Конечно, я понимаю, что когда очень долго будешь возвращаться только к одной лишь этой девушке, то потом снова захочется прийти к друзьям, но сейчас мне так не кажется, и я хочу к ней. А ее нет.

А еще я хочу побыть с мамой. И с тобой. Мне очень, Алексей, тоскливо...

23.05.1987

Прости, Леха, я не дописал тогда письмо. Лысый с Андрюхой и Цыган утащили меня на кегельбан, а потом к бабам. И вот прошла неделя. И знаешь что?! Я влюбился. Первый раз и по самые уши. Я свечусь, я балдею, я разглядел, наконец, что весна вокруг. Я просто люблю эту девочку. А она меня... наверное.

Все теперь замечательно... Жаль вот только что скоро нас забирают в армию.

До встречи дома или в деревне.

Твой брат Александр.

05.10.1988

Здравствуй, мама.

Нам с Алексеем, наверное, на роду написано быть всегда вместе. Если во время очередной с ним разлуки мне вдруг отдадут приказ лететь в бразильскую сельву и передать секретный пакет нашему тамошнему резиденту, маскирующемуся под вождя одного из туземных племен, то, обнаружив, что вождь этот — мой брат, я даже и не подумаю удивляться. Мы вместе везде: Бразилия или Афганистан — какая разница. В общем, ты, наверное, уже поняла, что в Афганистане мы оказались не только в одной местности, но и в одном полку, в одной роте, в одном отделении. И хотя я всегда был уверен, что свою судьбу каждый человек делает себе сам, теперь все же допускаю, что иногда она выходит из-под нашего контроля и творит что-нибудь сама, нас о том не спрашивая, как это сейчас и случилось.

Это добрый знак, мама. Так что ты теперь за нас не волнуйся. Скоро вернемся. Пока.

Александр.

Здравствуй, мама.

Сашу вызвали по делам службы, так что теперь пишу я. Начну с того, чем он закончил: не волнуйся, мама. Нет повода. Мы тут не воюем вовсе, а просто находимся — так сказать, мыкаемся без дела, но своим присутствием, тем не менее, поддерживаем вокруг спокойствие и порядок.

Расположены мы укрепленным полевым лагерем, причем на территории, где боевые действия не ведутся. Так что будь спокойна, мама. Все тут у нас хорошо. Ребята служат с нами отличные. Все из разных концов страны, из разных республик. Друг с другом мы не ссоримся, да и с начальством в нормальных отношениях. Одним словом — служи не тужи.

Извини, что письмо такое короткое. Тоже надо бежать. В другой раз напишем больше. Пока. Целую.

Алексей.

17.11.1989

Здравствуй, дорогая моя мама.

Еще не прошло и трех недель, как мы расстались, а я уже безумно по тебе соскучился. Мне очень-очень плохо, мама. Я не могу жить с этими дегенератами. Слава богу, хоть в комнату мне никого из них не заселили. Конечно, хотелось бы вернуться в тот мир, который я два года назад оставил, может быть, мне бы и не было теперь так плохо, но Майкл уже закончил учиться и уехал куда-то на дальний восток, а Славка, помнишь, тот мальчик с букваря, который краснел каждый раз, когда мимо проходила девушка, представляешь, он тоже попал в Афган и тоже погиб. Я думаю, у него так в жизни и не было ни одной девушки. Ты, мама, не считай меня за дурака, но я купил букварь, отрезал у него обложку с мальчиком, пустил черную ленту через угол и поставил себе на стол, рядом с Сашей. Так и живем втроем.

Девчонки, что поступали со мной, уже все на четвертом курсе и почти все замужем, а кто и не замужем — все равно уже другой круг общения. Два года как никак. А молодые меня боятся — злой, мол, и пью много. Ребята, что учились со мной на первом курсе, почти все еще дослуживают. Так что единственно, с кем я тут еще могу общаться — это такие же несколько человек как я, тоже после Афгана, но отслужили на год-два раньше. Но те тоже тоскливые.

Тяжело с ними. А может это со мной всем тяжело? Молодым соплякам-то точно. Как я их всех ненавижу, мама. Щуплые, дохлые, прыщавые, соберутся человек десять в одной комнате, купят на десятерых две бутылки водки, сидят весь вечер, мелкими глоточками ее цедают, чтоб на дольше хватило. На гитаре всякую мерзость играют: не слова, а сплошная абстракция, музыка дурнущая, исполнение еще хуже, да и голосов никаких, но все туда же. Мы, мол, сюрреалисты, постмодернисты и тому подобное. А разговоры все не иначе как про технику игры Джими Хендрикса или про особенности звучания черного блюза. Это ты, мол, лапоть деревенский, «Голубые береты» и Розенбаума слушай, а в нашу, высокую, музыку не лезь. И так не только в музыке — во всем. Одно словоблудство и напыщенность, а коснись дела — ничего не могут. Я их попросил разок этого самого Хендрикса сыграть. Ты что, говорят, как можно на акустической гитаре?! Можно подумать на электрической сыграли бы. А Славка играл. На акустической играл. Не все, конечно, но что-то мог. И никому не кричал, что это Хендрикс. А если б ты знала, какую он музыку положил на «Песнь одинокого подростка». Я тебе никогда раньше не рассказывал, мама, я, вообще, многим с тобой не делился, но сейчас уже не могу — мне некому больше это рассказать. Теперь я буду вспоминать о многом.

Это было в первый приезд ко мне Саши. У нас случилась небольшая напряженка с деньгами. Тогда он предложил: давай напишем хит, Славка положит на него музыку, и исполним, прикола ради, по разу для девчонок на каждом этаже общаги — денег-то, конечно, не дадут, но консервами наверняка поделятся.

За двадцать минут Саша с небольшой моей помощью сотворил нечто невообразимое. Пушкин бы заплакал от умиления. Я не хочу писать дословно весь текст, потому что он единое целое с музыкой, которую тут же, попробавав платком слезы, льющиеся от смеха, сочинил Славка. Но общий смысл такой: некий юноша мечтал о белых трусиках, сделанных во Франции, но мама купила в универмаге зеленые семейные трусы, и когда с девушками у него доходило до раздевания, то на этом и заканчивалось — стоило им только их, эти трусы, увидеть. После нескольких безуспешных попыток парень стал онанистом. Все это, разумеется, было в правильном стихотворном размере, с рифмой, очень смешно, без похабщины и без пошлости, а музыка была настолько красивая и сложная, что кроме Славки никто исполнить ее не мог.

Мы начали тогда со второго этажа. Потом третий, потом четвертый... На пятый мы сразу дойти не успели — нас завернула на повтор делегация со второго. Причем, если первый раз за навязан-

ный нами концерт мы собрали весьма скромно, то во второй раз, за исполнение на бис по их заказу, они внесли предоплату от души и от сердца ого-го — какую. Потом повторов захотели и третий и четвертый этажи, а когда мы дошли до шестого, к нам спустилась уже просвещенная делегация с девятого с просьбой за определенный гонорар посетить их вне очереди. В итоге собрали мы в тот вечер 150 рублей. Плюс конфеты, печенья, консервы, сгущенку, арбуз и даже утку с яблоками. Потом мы исполняли этот хит еще не раз и всегда собирали покушать и прочие радости. А теперь Саши и Славки нет, про «Песнь одинокого подростка», кто младше четвертого курса, никто не знает, а эти соплежуи, что со мной учатся, ковыряют в носу и пытаются передо мной умничать.

Ты извини меня, мама, но я нашел с ними свой язык. Выпью побольше и строю по росту в одну или две шеренги. Иногда морды бью. Иногда за водкой посылаю. Представь — их десять, а я один. И никакой попытки сопротивления — как стадо баранов. Противно даже. Наверное, я все же, действительно, стал злой.

Сейчас я пишу тебе, мама, а передо мной фотография Саши, обложка букваря, пустая почти уже бутылка водки и стакан. Я пьян, мама. Я многое хочу тебе рассказать. Ты знаешь, однажды, когда я бил морду одному своему высокоинтеллектуальному сокурснику, он очень жалостливо пытался защитить себя словами о том, что если у меня в жизни случилась беда, то это не значит, что он виноват. Беда! Понимаешь, мама, насколько люди бывают не умными. У меня аж слезы тогда выступили. Пришлось объяснять ему, что беда обычно начинается с того, что в жизни тебе достаются не очень хорошие родители, что поэтому вырастаешь ты несколько ограниченным ребенком и друзей у тебя настоящих никогда не бывает, что опять же поэтому безо всякой там любви находишь ты себе в жены первую отдавшуюся тебе уродину — дуру, толстуху и неумеху — растишь с ней таких же тупых как ты детей, слепо ненавидишь тех, у кого хоть чуть-чуть жизнь на беду не похожа, и думаешь — почему же это судьба так к тебе несправедлива.

А у меня всего этого не было. У меня была замечательная мать, замечательный, хотя и погибший до моего рождения, отец, восхитительное детство с любимым братом, замечательные верные, умные и сильные друзья, неповторимая любовь (прости, мама, об этом я тебе не говорил), планы, надежды, мечты и искренняя уверенность в том, что ни у кого в жизни не сможет ничего сложиться лучше, чем у меня. Разве было что-то в моей жизни хоть немногим похожее на беду? Нет. И не могло быть... Было только горе. Горе, когда на моих глазах убили моего брата Сашу. А ведь он, как и я, был так уверен, что судьба взяла нас под свою опеку.

Но не это самое страшное, мама. Любое горе со временем притупляется, особенно если жизнь не становится бедой. Но там, в Афгане, со мной случилось гораздо большее, чем горе. Не только со мной — со всеми нами. Там мы вдруг открыли для себя жуткую правду, что жизнь каждого из нас действительно оказалась всего лишь формой существования белковых тел. И ничего больше. Ничего. Все остальное, что в нашей жизни было: печали, радости, ошибки, достижения, дружба, любовь, мечты о будущем, стремление к самосовершенствованию, интеллект и самобытность, воспитание и образование, весь набор жизненных хитросплетений и коллизий, все, что делает жизнь каждого человека такой единственной и неповторимой — все это оказалось миражом. Все это оказалось несущественным моментом жизни, как говорил об этом Энгельс, которого я теперь так ненавижу. Да, мы там были, а всего этого с нами уже не было. Все это отделилось от нас, растворилось, растаяло раз и навсегда. Остались только одинаковые, крепкие и ловкие белковые тела, которые пили, ели, спали, убивали и были убиваемы сами. Убей, убей, убей и убей, а сам выживи — вот он один единственный существенный момент. Какие платные курсы английского языка по понедельникам, средам и пятницам? Какая подводная охота с аквалангом у тети в Анапе? Какая первая сексуальная близость в тринадцать лет в пионерском лагере? Кому здесь это нужно? Ты — белковое тело. С девятью другими белковыми телами ты должен в течение двух часов удерживать высоту, дожидаясь подхода основной массы белковых тел. Два часа выживи. Потом неважно. Чего еще проще? Какое дело было тому духу до того, что Саша мог, держа фломастер зубами, за пятнадцать секунд нарисовать точный портрет любого человека. Какое дело ему было до того, что тот же Саша из ничего на ровном месте создал «Песнь одинокого подростка», от которой несколько месяцев приходили в восторг все девчонки нашего общежития. И уж, тем более, какое дело было ему до придуманной Сашей «восьмерки» на велосипедном колесе, до совхозных яблок, до всего его детства, до его девушки, до меня, его брата, и до тебя, его матери. Он просто, экономя патроны, достал нож и перерезал моему брату горло, когда стало понятно, что из-за ранения в ногу Саша не может идти так же быстро, как остальные пленные. Полоснул на ходу, оттолкнул агонирующее, брызжущее кровью тело с дороги и пошел дальше. Даже выражение лица не поменял. И в чем мне его винить? Он был в тех же условиях, что и мы. То же белковое тело. Поменяйся все местами — и Саша, и я сделали бы с ним то же самое — да уж и делали не раз, если честно. И тоже не подумали бы ни о нем, ни о том, что у него в жизни было или могло бы еще быть... И как же теперь со всем этим мне дальше жить?

Ты знаешь, мама, иногда мы там все-таки разговаривали о чем-то умном. С теми, кто еще жив, помня и зная, что мы теперь всего лишь белковые тела, и потому в облаках не витаем. И все соглашались в одном: была бы это Великая Отечественная — мы были бы несказанно счастливы. Даже умирали бы счастливыми. Только там нам открылось, как это важно — умереть так, как ты хочешь, с удовольствием, на полную катушку. Люди среднего достатка могут спокойно обсуждать с друзьями и выбирать, какие купить себе зимние сапоги. Кто побогаче, выбирают машины, еще богаче — виллы, яхты, поместья, концерны. У нас была своя привилегия: мы могли безнаказанно и свободно обсуждать и выбирать свои смерти. И это не пустые слова — были ребята, уходившие сами. В какой-то момент они чувствовали: вот сейчас получится неплохо — и лезли туда, куда можно было бы и не лезть, но они уже это выбрали. И как самый богатый миллиардер все равно бывает ограничен средствами в своем выборе, так и мы, имея возможность выбирать разное, были ограничены и не допущены к самому лучшему: возможности умереть с теми же чувствами, что наши деды в отечественную. Тоже война — но какая разница! Та пыталась все самое прекрасное в нашей жизни сохранить, а эта, наоборот, все это уничтожила. Навсегда. Для нас, по крайней мере. Для одних потому, что назад они уже не вернулись, для других потому, что стали они такими, как я: с виду вроде ничего, как ноги у паралитика — целые, а по сути уже, как те же ноги, не от мира сего. Ведь жили же как все, и были сильные и умные, и беды, вроде, над Отчеством никакой не было, а поди ж ты — скрутило нас то, что глупее, но сильнее нас, согнуло, как хотело, вырвало из той жизни и сделало уродами. И ничего не могли — стадо баранов. И где гарантия, что все это не повторится. И о какой тогда жизни можно думать дальше.

Ну и скажи мне после этого, мама, как мне еще поступать с этими семнадцатилетними дегенератами, которые думают, что они меня умнее. А эти тупые девушки, что с радостью дают им и ни в какую мне. Как объяснить им, что все вокруг мираж, и только я вижу истину. Как? Я не знаю, мама.

Я хочу как-нибудь съездить туда, где учился Саша. Уверен, что там так же, как здесь: все о нем давно забыли и всем наплевать, каким он был и что с ним стало. Я им объясню политику партии — надолго запомнят. Я тебя очень люблю, мама. Пойми меня, пожалуйста, и прости, если сможешь.

До свидания.

Твой сын Леша.

Здравствуй, мама.

Наверное, для тебя это будет как снег на голову, но, надеюсь, это будет хороший снег. Я только сегодня вдруг поняла, что ты моя мама. Значит я — твоя дочь. Значит это правильно, что я пишу тебе «ты», ведь как еще писать маме.

Напишу сразу о главном. Меня зовут Юля. У меня два здоровых малыша. Мальчики. Алеша и Саша. Двойняшки, но не близнецы. Ты их бабушка, мама. Может, ты будешь меня осуждать, может, тебе это покажется смешным, но я знаю точно, кто их бабушка, и не знаю, кто отец. В моей жизни было только двое мужчин: такие разные — отпетый хулиган и махровый отличник, и такие одинаковые, что в темноте в постели я задумывалась каждый раз прежде, чем произнести вслух имя. Саша и Алеша — два твоих сына. Они оба любили меня и только меня. Спали, конечно, и с другими, но любили меня одну. А я, я не могла решить, с кем из них мне навсегда остаться, потому что согласие одному означало отказ другому. Я так не могла, я любила обоих и не могла им сознаться в этом. А они даже и не догадывались, что любят одну и ту же девушку.

Не буду вдаваться в подробности, напишу только, что с Алешей я столкнулась чуть раньше, когда он приезжал к Саше в гости, а потом мне захотелось посмотреть на человека, к которому он приехал, и так я полюбила Сашу. В свой армейский отпуск, перед Афганистаном, они оба были у меня с интервалом в три дня. Тогда я и забеременела. От кого из них, только бог знает. Может и от обоих — какая разница. Разве это что-то меняет?

Ах, если бы ты только видела, мама, как засверкали от счастья глаза у Алешки, когда я сказала, что перед ним его дети. Две недели он не отходил от нас, заваливал нас подарками, любил меня, играл с ними. Он напрочь забыл, что ему надо возвращаться в свой город и в свой институт. Мне говорили, да я и видела сама, что люди после Афгана меняются, но Алешка эти две недели был таким же веселым и живым, как раньше.

Потом понемножку, но раз за разом все больше и больше, он начал смотреть сквозь нас пустыми, а потом и страшными, глазами и видеть вокруг что-то, чего мы не видели. Чаще всего это случалось, когда он любовался спящими детьми. Он очень любил это делать и иногда со счастливой улыбкой сидел над ними по часу и дольше. Неожиданно улыбка его исчезала, взгляд застывал, он как бы отключался от всего, что рядом, но продолжал о чем-то думать и что-то видеть, иначе глаза бы его не наливались кровью и не станови-

лись такими страшными. Через две-три минуты он снова становился нормальным, и все возвращалось на свои места, но постепенно такое случалось все чаще и чаще. А в тот вечер, когда он сходил в Шашино общежитие, он вернулся совершенно пьяным и с разбитыми в кровь костяшками пальцев.

На следующее утро он сказал мне: «Знаешь, Юля, я хочу уйти на войну. Но войны никакой, к сожалению, нет. Напиши, пожалуйста, обо всем моей маме», — и ушел. Я подумала, что он просит написать о том, что у него появилась семья. Кто же мог предположить, что человек, сумевший после стольких черных дней и испытаний обрести покой, уют, любимую женщину и сразу двух очаровательных сыновей, кто же мог подумать, что человек этот в тот вечер сможет сделать с крыши девятиэтажного дома свой последний в жизни шаг. Как же больно было ему жить на нашем свете, если даже ни ты и ни мы трое не смогли его от этого остановить.

Я живу одна, мама. Вернее втроем: с Сашей и Алешей. У меня есть, где разместиться. Приезжай. Адрес на конверте. Мы тебя очень ждем.

Твоя дочь и внуки.

PS. У нас впереди целая жизнь.

Здравствуй, мама.

После того, как Олег пропал без вести...

Здравствуй, мама.

Прости, что не сказала обо всем, когда хоронили Сергея...

Здравствуй, мама.

Андрей перед смертью писал мне оттуда...

Как сладко звучит во дворе музыка родительских голосов из окон. Как нежно шлепают босые маленькие пятки по теплым лужам на резиновых ковриках.

Здравствуй... Здравствуй... Здравствуй...

Здравствуй, мама...

Тольятти, 15.02.2006

СОНАТА

*Это было у моря, где волна бюрюзова,
Где ажурная пена и соната паж.*

И. Северянин

Бог его знает, что там, собственно говоря, случилось, да и какая теперь была разница — по всему было видно: поменять что-либо уже невозможно.

Девушка в белой форменной блузке тихо плакала, сидя на полу за последним рядом кресел. Две другие, тоже в блузках, сосредоточено и с полной уверенностью в правоте своих действий помогали наиболее спокойным пассажирам надевать спасательные жилеты. Внизу, кстати, были Уральские горы. Неспokoйные пассажиры визжали, кричали, плакали, бегали, дрались и матерились. Словом, кто во что горазд.

Самолет то ли быстро снижался, то ли медленно падал. Еще он горел, но это только снаружи. Пока терпимо.

— Невесело, — нашел нужное определение первый, покрывив слегка угол рта.

— Да, — поддержал второй. — Бывало получше.

Он наклонился чуть к иллюминатору и попытался рассчитать — сколько таким темпом еще до земли.

— Пять минут есть, — уверенно заключил он. — Повезет — десять.

— Что ж, самое то, — развернулся к ним третий. — Не так мало, чтобы подвести итог. Не так много, чтобы устать ждать.

— Точно, — согласился четвертый, извлекая из-за кресел плачущую стюардессу.

— Девушка, милая, — он развернул ее к себе лицом, — успокойся. Нельзя жить вечно. И ты всегда об этом знала. Будь человеком — сходи за коньяком.

Стюардесса, замороженная его взглядом и голосом, перестала всхлипывать, сказала почему-то «спасибо» и, сосредоточившись на задании, пошла в носовую часть самолета.

— Так ты и не женился, — вздохнул первый.

— Не судьба, — улынулся четвертый. — А вообще, ребята, нам, по-моему, грех жаловаться.

— Ты обо всем или об этой частности? — второй обвел глазами салон.

— Обо всем. Ведь если взять за исходные данные то, что человек рождается, живет и обязательно потом умирает, то что могло быть лучше, чем у нас.

— Ничто.

— Никогда.

— Ни у кого.

— Могло быть только дольше.

— Могло. Но и так немало.

Второй почесал затылок:

— Я, наверное, все успел. Мне так кажется. Нет, конечно, если вдруг мы уцелеем, у меня найдется еще много дел в этой жизни, но, по большому счету, в душе я готов... и спокоен. Повода жаловаться не вижу.

— Особенно на последние десять дней.

— Это точно.

Они возвращались с Сахалина. Двое когда-то жили и работали там, двое побывали впервые. Крабы, креветки, рыба, икра. Ягоды, охота. Японские автомобили и итальянская яхта, двадцать способов собаки по-корейски и сентябрьские солнечные сопки с высоты полета спортивного самолета (над морем его так волнующе трясет).

А главное — люди. Для двоих все новые, для двоих многие старые знакомые и друзья. Умные мужчины и красивые женщины (не все, конечно, но немало). Простые, открытые характеры, крепкие воли, интересные судьбы. Академики, ставшие моряками, моряки, ставшие лесниками, лесники, ставшие нефтяными магнатами — всех не перечислить.

В первую ночь со священником отцом Андреем (подполковником запаса танковых войск) скупчили у браконьеров горбушевой икры-сырца и работали с ней до утра. Промывали, грохотали, мочили в тузлуке, катали на марле, сушили на стечках — оказалось, целая наука. С продавцом автомобилей корейцем Васей на спор таскали рыбу из речки — кто больше за минуту. Новички взяли по широкому сачку и зачерпнули одним махом девять и десять. Только горбыли крепко вцепились зубами в сетку, а пока на берегу их вытряхивали и отдирали, Вася голыми руками навькидывал из речки на берег двадцать три рыбины. Раньше он тоже был браконьером. Хотя может быть и сейчас...

Косили траву, ездили на танке, умывались нефтью, собирали клоповку. Теперь, вот, падали в самолете.

Стюардесса принесла коньяк, мужчины разобрали рюмки.

- Почему пять?
- Можно, я с вами?
- Можно.

Деревья приближались настолько быстро, что сомнений в мягкости посадки уже не оставалось. Коньяк в рюмках. Закуской будет взрыв.

— Последнее, ребята. И, наверное, главное, — все перевели взгляд на третьего. — Кто-то всю жизнь гонится за властью, кто-то за деньгами, карьерой, успехом, славой. Он меняет работы, города, людей вокруг себя, образ жизни. Он часто добивается того, чего хотел. Вроде бы хотел. Но потом приходит время, и он просыпается старым, больным и одиноким и спрашивает себя: зачем я жил. Зачем весь этот долгий путь и нелегкий труд, если все оказалось пустотой и обманом, а я в массе людей и событий так и провел всю жизнь одиноким... Я очень рад, ребята, что последние двадцать лет у меня были вы. А я у вас. Поэтому такая она была хорошая.

Все улыбнулись. Рюмки сошлись. Разошлись. Мягко и тепло коньяк потек в горло.

— Это очень романтичная история, но сами они вам ее никогда не расскажут.

Ольга помахала в окно веранды пятилетнему сыну, поливающему в саду цветы, и снова повернулась к гостям.

— Вернее, могут рассказать, — продолжила она, — но романтика — это тонкие интимные чувства и смелые непредсказуемые поступки. Обычно скромные люди посторонним такое о себе не рассказывают. В лучшем случае Андрей с Аленой просто изложат вам факты без всех оттенков и интонаций. Правда, Марат?

— Правда, любимая моя девушка, — поддержал Ольгу муж, одновременно подливая гостям вино. — И это уже романтикой не будет.

Гости, молодая чета шведских промышленников, были у Кайяровых впервые. Месяц назад они вложили неплохие деньги в проект, тесно связанный с бизнесом Марата, и вот теперь приехали в Россию для более строгого контроля за ходом работы. Их сегодняшний визит не преследовал конкретных деловых целей, но и Ларсены, и Кайяровы предполагали возможное долгое сотрудничество, поэтому решили просто поближе познакомиться.

Ольга и Марат неплохо говорили по-английски, но разве можно полноценно выражать свои чувства словами на неродном языке. В общем, Ольга ожидала скучного вечера, и потому на подстраховку

пригласила еще семью Беловых, тем более, что Андрей тоже мог быть полезен шведам как деловой партнер.

Выяснилось — она зря боялась. Госпожа Ларсен оказалась уроженкой Вологды, да и муж ее свободно и почти без акцента говорил по-русски. С минуты на минуту ждали Беловых, и как-то совсем случайно разговор коснулся их.

— Так расскажите, пока их нет.

— Нам действительно, очень интересно.

— Хорошо, — улыбнулась Ольга. — Я нарисую вам все очень подробно, со всеми мыслями и чувствами обоих. Андрей рассказывал свои Марату, а Алена мне. Потом мы вдвоем с мужем сложили их в эту романтическую историю. Слушайте.

В тот июнь ребята закончили военный факультет Самарского медицинского. Вы представляете себе, что такое набережная Самары в июне? Вряд ли. Я вам расскажу. Это сказочная пятикилометровая тройная лента. Снизу идет полоса ухоженного песчаного пляжа. Сверху, с витым чугунным парапетом, сама набережная. Между верхом и низом три метра — даже я спрыгивала. Есть, конечно, и спуски. Третья полоса — скверы, ну а за ней уже город.

Кафешек — не счесть. Все пять километров. Музыка, пластмассовые столики и стулья под тентами и под открытым небом. Самые лучшие у парапета. Можно положить на чугун руку, смотреть на Волгу и полоску пляжа внизу, дышать этой прохладой, наполненной невидимыми и невесомыми брызгами.

В продаже все. И все дешево: конкуренция. И самое главное, что приезжать на набережную можно всегда — хоть в пять утра — там все равно жизнь бьет фонтаном. Особенно в июне. Потому что июнь волшебный месяц. В нем выпускные. Каждый день, каждую ночь, каждую минуту. И все дороги ведут в Рим. На набережную.

У мальчишек был месяц отпуска перед отъездом в войска. Месяц отпуска и мешок денег. Точнее сейф. Полгода им не платили зарплату и года полтора пайковые. А тут по выпуску рассчитали. Паек тоже деньгами, плюс подъемные. Словом, тысячи по две долларов на брата. Рублями, конечно. Для вчерашних студентов — большие деньги. Родители Димки Красина уехали на курорт, оставили четырехкомнатную квартиру недалеко от набережной, а в ней хороший сейф хороших размеров. Там все и хранили. Там и жили. Первые две недели месяца разъезжали по разным городам и селам Поволжья — прощались с родственниками, а уж последние две сконцентрировались у Димки и наизусть изучали два маршрута: дом — набережная, набережная — дом.

Выпускалось из университета их трое: Андрей, Димка и Сашка Астахов. Мой Марат уже год как служил на Сахалине, но ему хватило одного телефонного разговора с друзьями, чтобы придумать большую матушку, получить по липовой телеграмме внеочередной отпуск и на деньги вооруженных сил прилететь к ребятам через всю страну уже на второй день их концентрации.

Для Алены тот июнь тоже был выпускной. Она закончила хореографическое училище. Представьте себе, как может выглядеть самая красивая на курсе дипломированная танцовщица в двадцать один год, и мне больше ничего не надо будет объяснять. Мужчины носились за ней толпами: всех возрастов, профессий и материальных состояний, всех умственных, физических и морально-нравственных характеристик. Тщетно. Диплом она получала даже не целованной. И это при всем при том, что была она вполне нормальная, веселая и очень компанейская девушка. Мужчин она никогда не избегала, легко позволяя за собой ухаживать. Но не больше.

Выпускной Алены начался, как обычно, с официальной части в стенах учебного заведения, затем плавно перенесся в ресторан «Океан», а уже за полночь, когда приелась ресторанный обстановка и явное преобладание женского общества над мужским, Алена с семьей подругами тихонечко вызвали пару такси и незаметно от других выпускниц укатили на набережную.

Атмосфера здесь была куда приятней ресторанной. Волга. Приближающийся рассвет. Пластмассовые стаканчики. Бриз. Романтика.

Сдвинули два столика, много говорили, пили вино, смеялись, чуть-чуть плакали. Всем особям противоположного пола с ходу давали от ворот поворот. Четко. Жестко. Безапелляционно. Но часа через полтора набрели на них все же два выпускника музыкального училища, оттолкнуть которых девушки не смогли. Правильнее сказать, не захотели: такие они были милые, пухлые, пьяные, смешные и самое главное безобидные. Они воспринимались даже не как мужчины, а как два добрых и чуть застенчивых существа неопределенного пола — да еще и собратья по искусству. Девчонки пододвинули третий стол, усадили мальчишек в серединку и сразу же принялись заваливать их вопросами, чем виолончель отличается от альты, барабан от литавры, ну и тому подобное. Молодые люди пили, отвечали на вопросы, пьянели, добрели, становились все более милыми и смешными.

Начинало светать. Незаметно, постепенно Алену обволокло теплое чувство праздника. Все было так хорошо. Ее подруги ощущали, казалось, то же. Так, по крайней мере, чувствовала она по их глазам и голосам. Двое смешных музыкантов внесли еще один положительный момент в этот вечер — теперь, видя их в женском обществе,

другие самцы, рыскающие по набережной, не пытались уже подсаживаться, а молча проходили мимо.

К счастью, не все.

Когда до веселой компании осталось пятнадцать метров и все четверо уже успели разглядеть и понять, что это те самые девушки, которых они искали всю ночь, а трое даже успели пожалеть, что с ними есть молодые люди — тогда совершенно неожиданно для всех Сашка Астахов побежал вперед. Он подскочил к музыкантам, широко улыбнулся и протянул открытую ладонь ближнему из них.

— Александр! — сказал он торжественно.

Казалось, даже Волга застыла от удивления. Ненадолго, но все же.

Потом музыкант стиснул Сашкину руку своей и не менее торжественно ответил:

— Тоже Александр.

Все прыснули со смеху, а секундой позже девчонки уже передвигали стулья, давая возможность подсесть к столу ребятам: Александру, Дмитрию, Марату. Андрея с ними уже не было.

Как раз в момент знакомства Александров с пляжа на набережную поднялся никому неизвестный молодой человек. Хорошо одетый, трезвый, задумчивый, он не остался незамеченным девушками и произвел на них хорошее впечатление. Незнакомец поздоровался с Андреем, после чего они сели за столик в соседней кафешке и заказали кофе. Разговор, судя по всему, пошел у них деловой.

А ребята познакомились со всеми, подкупили напитков, и закрыли оживленную беседу. Выпускникам хореографического училища, на самом деле, интересно было окунуться в мир военной медицины — ведь раньше с таким они не встречались. Ребята же, в свою очередь, не заставляли тянуть себя за языки, а легко и остроумно выкладывали самые невероятные, самые удивительные и самые веселые байки из «суровой» армейской жизни.

И все же в центре женского внимания был Андрей с незнакомцем. Незнакомое притягивает. Вначале тайно, а потом явно девчонки постреливали в них глазами, а вскоре напрямую стали интересоваться у ребят их другом и неизвестным молодым человеком. Когда кофе кончился, Андрей написал что-то на клочке бумаги, передал его собеседнику, после чего они пожали друг другу руки и распрощались. Незнакомец, совершенно проигнорировав компанию, молча пошел в город, а Андрей заказал еще кофе, сел за тот же столик и задумчиво уставился на Волгу.

— Мы вам не нравимся? — не вытерпела одна из подружек Алены.

Андрей повернулся на оклик:

— Почему? Нравится. Мне просто надо было немного подумать.
Он оставил недопитый кофе, подошел к компании, взял за спинку свободный стул.

— Куда посадите?

— Сюда, — неожиданно для подруг и для себя самой отозвалась Алена, двигаясь в сторону и освобождая место рядом с собой.
Андрей сел.

— Меня зовут Андрей, — представился он всем.

— Меня Алена, — тихо, слышно только ему, ответила она.

Он повернулся к ней. Как зовут других девушек, он не услышал. Когда встало солнце, они все уехали домой.

А она осталась...

В духовке у Димки шипели телячьи отбивные, а в морозилке дымилась ледяная водка. Тихо играла музыка. Пока Андрей с Аленой выпивали по рюмке, Марат, Сашка и Димка опрокидывали по четыре. После каждой они прикладывались к отбивным, смеялись, подзуживали друг друга и хитро смотрели на влюбленных. Всякий раз все пьянее и пьянее.

— Они всегда так пьют? — тихо спросила Алена.

— Нет. Только сегодня, — ответил Андрей.

— Почему?

— А ты не догадываешься?

— Догадываюсь, но хочу услышать от тебя.

— Они специально напиваются, чтобы быстрее уйти в иное измерение и предоставить нас нам двоим.

— Здорово, — улыбнулась она. — А что это за парень пил с тобой кофе на набережной?

— Не знаю.

— Как не знаешь?!

— Просто не знаю. Я его первый раз видел. Он очень кстати шел мимо, а мне захотелось как-то выделиться, обратить на себя ваше внимание. Я остановил его и все как есть объяснил. Он меня понял.

— И помог.

— Точно.

— О чем говорили?

— О том, что очень хорошо, когда в мире есть люди, которые не боятся спросить, и люди, которые не отказываются помочь.

— Хорошая тема.

— Наверное.

— А что написал на бумажке?

— «Спасибо».

— Как просто...

Ребята выключились. Андрей проследил, чтобы каждый дотянул до кровати, и вернулся на кухню.

— Чай? Кофе? Водка? — спросил он.

— Брось, — покачала головой она. — Лучше покажи, где наша комната...

Они проснулись далеко за полдень и долго лежали без слов, обняв друг друга.

— Знаешь, — сказал, наконец, Андрей, — послезавтра я уезжаю на Сахалин, но...

Алена нежно положила свой палец на его губы.

— Можно я? — спросила она.

— Можно, — кивнул он.

— У меня есть знакомые...

— И у меня есть знакомые...

— В ЗАГСе.

— В ЗАГСе.

— Октябрьского района.

— Советского.

— Какая разница?

— Никакой, — Андрей улыбнулся. — Завтра?

— Завтра.

Он притянул ее к себе.

Через полчаса они вышли на кухню отметить свое решение с ребятами, через двадцать четыре — поженились, а через сорок семь вместе ехали в купе Хабаровского поезда. На Сахалин.

Андрей с Аленой приехали через минуту после того, как отзвучала история. Одна из историй их жизни и их любви. Была с ними их младшая дочь, ровесница сына Кайяровых. Разумеется, она осталась в саду со своим другом. Взрослые, без сомнения, тоже нашли, чем заняться.

Прошел час, когда позвонил Дмитрий Красин.

— Тот самый, — спросила госпожа Ларсен у хозяйки, — из вашего рассказа?

— Да, — ответила Ольга, которая взяла трубку, а теперь передала ее мужу. — А вы разве не поняли, что они четверо всегда вместе.

— До сих пор?

— Не до сих пор. Всегда.

С улицы раздался визг тормозов.

— А вот и Сашка подъехал, — весело заметила Алена. — Он всегда так тормозит.

Марат положил трубку, посмотрел на Андрея, улыбнулся.

— Дорогие гости, — несколько виновато сообщил он. — Формажорные обстоятельства. Прошу нас извинить. Нам с Андреем нужно отлучиться примерно на час. Но это не настолько серьезно, чтобы наши жены беспокоились, — добавил он, уже выходя.

Александр ждал в машине и тронулся так же резко, как затормозил. Через двадцать минут они встретили Дмитрия — он ехал навстречу. Рядом был сквер, тенистые аллеи, уютные скамейки. Сели там.

— У меня проблемы, ребята, — с ходу выложил Дмитрий. — И не шуточные.

Высоко над головами белым и зеленым переливались в сентябрьском солнце листья тополей.

— Выкладывай.

— Братья Ваулины решили, что я должен им денег.

Небо было все еще синее, хотя заметно светлее, чем летом.

— Опять та старая история?

— Да.

— По-моему, ты тогда все с ними уладил, и они отстали.

— Видимо, не все. И теперь они требуют куда больше.

Маленькие облака вокруг тополиных верхушек. Совсем немного.

— Сколько?

— Все. Все, что у меня есть. А есть немало.

И нет ничего странного в том, что кто-то смотрит вверх.

— Проблема решаема. Надо нам кое-кому позвонить и Ваулиных поставят на место.

Просто там, наверху, красиво.

— Думаю, в данной ситуации такой номер не пройдет. Есть отягчающие обстоятельства: они украли Настю.

— Твою дочь?!

— Да.

Хотя многое зависит от того, как смотреть.

— Требуют выкуп?

— Нет. Они не называют это выкупом. Они называют это теми деньгами, которые я им якобы должен. И в этом есть некоторый плюс для меня.

Можно смотреть на рассвет с вершины Килиманджаро и ничего не увидеть, можно найти красоту в мрачном болоте, стоя под проливным дождем. Смотреть и видеть — не одно и то же.

— Что за плюс?

— Они уверены в своей правоте и силе и поэтому действуют без опаски. Настю они похитили не как последний козырь, а просто

так — для перестраховки. Словом, если обычные киднепшеры вначале стремятся получить выкуп, а потом возвращают (или не возвращают) ребенка, то Ваулины известили меня, что завтра вечером подъедут за деньгами прямо с ней.

— Куда?

— Ко мне домой.

Дом. Настя. Тополя. Набережная. Все это частности. Частностей много. Целое одно... Жизнь.

— Действительно, ничего не боясь.

— И ты, Дим, думаешь — приедут сами?

— Думаю да, причем оба. Сумма огромная, они правильно рассчитывают, что наличными за это время я целиком не наскребу, а значит расплачиваться буду в том числе ценными бумагами, в которых что-то понимать и соображать надо. Поэтому бойцам своим они это не доверят — приедут сами.

— Но человек трех-четырех для охраны возьмут?

— Для охраны нет — они в себе уверены. А вот чтобы держать Настю под дулом пистолета, пока я не расплачусь — одного человека прихватить могут... Хотя может быть и двух.

Господи, сколько в ней — в этой жизни — красоты. Живи. Любуйся... И выбирай — как тебе жить.

— Ты, надеюсь, не собираешься расплачиваться.

— Нет. И не потому, что жалко, а потому что у меня нет уверенности, что это поможет. Они могут взять деньги, а потом все равно уложить нас обоих.

— Могут. Поэтому о деньгах не беспокойся. Что-нибудь обязательно придумаем.

— Я уже придумал и, кажется, альтернативы нет. Только, вот, нужно кое-чье согласие.

Они смотрели вверх и любовались. Небом. Тополями. Жизнью.

— Только не теми.

— Хорошо. Не томяю. Я не могу принять Ваулиных один. Не могу стучать в милицию или нанимать других бандитов — под угрозой жизнь Насти, а я не уверен, что в критической ситуации дядя милиционер или господин наемник сумеют правильно расставить приоритеты. У них свои мысли и палец на спуске. А у меня Настя... Так что остаетесь только вы: вы хорошо стреляете, быстро соображаете, и вы любите мою дочь. И меня. Конечно, это связано с риском для жизни, но что-то подсказывает мне, что вы не сильно цепляетесь за жизнь, в которой предложения, подобные этому, не принимаются к рассмотрению.

Они выбрали...

— Не хочу висеть над вашими душами, — закончил Дмитрий, вставая. — До завтрашнего вечера есть время подумать. И я, пожалуй, поеду.

Не прощаясь, он направился к своему автомобилю.

— Как с оружием? — спросил вдогонку Александр.

— Вагон, — не останавливаясь, ответил Дмитрий. — Когда у тебя крадут дочь — оружие уже не проблема...

Назад все ехали молча.

Листья тополей. Сентябрьское небо.

Очень хотелось бросить шведов к черту и вернуться домой. Но Алена заволнуется — нельзя.

Очень хотелось не отпускать младшего сына в бассейн, а старшего к девушке — просто побыть вечером вместе. Но тоже нельзя. Почует Алена неладное.

Очень хотелось сидеть и сидеть над заснувшей в кровати дочкой и любоваться ею спящей. Но слишком долго тоже подозрительно.

И вообще, очень хотелось рассказать все Алене. Но мало ли кому чего хочется. Нельзя. Абсолютно.

И Андрей делал все так, чтобы не беспокоить любимую.

Заснул он только утром, но для субботнего вечера это вне подозрений.

В гостиной за столом пили кофе. Трое. Тихо жужжал кондиционер, распыляя сладкую прохладу. Изредка щелкали затворы.

— Я, Дим, даже не думал, — говорил Александр. — Мое положение привилегированное по сравнению с вашим. Ни жены, ни детей.

— Ни кола, ни двора, — поправил Марат. — Сразу как закончим с Ваулиными, надо будет тобой заняться.

— Да, Саш, пора, — заметил Дмитрий. — У нас жены беспокоятся, что мы общаемся с холостым мужчиной. Как бы мы каким гадостям от тебя не научились.

— Прошу заметить, что кол и двор у меня есть. Не хуже ваших. И обещаю вам жениться раньше, чем выйду на пенсию.

— Красивый обычай, — процитировал Дмитрий, после чего повернулся к Марату: — Ты хорошо подумал?

— Хорошо. И тоже быстро. За Ольгу не переживайте — если что случится, она скажет, что я все сделал правильно. Она и замуж-то за меня вышла только потому, что я такой.

— Это мы помним, — улыбнулся Александр. — Двумя словами обворожил девушку на всю жизнь. Заставил бросить интересную профессию стюардессы и стать обычной женой и матерью.

— Дело было не только в словах, — ответил Марат, — а вообще в моем поведении в той сумасшедшей ситуации. Именно таким она меня в жизни и видит. Таким и любит.

Дверь бесшумно открылась. На пороге стоял Андрей.

— Репетирую бесшумное перемещение, — пошутил он. — Извините, что пришел последним, но кто-то же должен был им быть.

— Как ты?

— Восхитительно. Но трудное это было решение. Труднее пока не бывало. И знаете, ребята, чувствую — могло оно стать совсем другим, если бы не...

— Если бы не тот случай в полете шесть лет назад, который помог Марату найти свою Ольгу.

— Да. Если бы не тот случай. С того самого времени я почему-то четко знаю, для чего я живу.

Он пожал друзьям руки, выбрал оружие и сел пить кофе, закинув на стол ногу на ногу. Скоро так сидели все четверо. Курили, улыбались, разговаривали.

Им было хорошо. Чертовски хорошо. Куда лучше, чем тогда в самолете.

И если кто-то спросит меня, чем же кончилось все в этот вечер, я отвечу — какая разница. А потом, подумав, добавлю — у девочки Насти скоро будет свой выпускной.

Тольятти, 14.03.2004

В СЕРДЦЕ ЛЕОНСКОГО КОРОЛЕВСТВА

Эта история случилась на самом деле. Может быть, в другом месте и в другое время, но так ли уж это важно...

— Ты когда-нибудь смотрел в глаза моей Астурии? В самые глаза и долго-долго...

— Твоей Астурии? Она такая же моя, как и твоя. У нас теперь все станет общим, моя жена...

— Пока невеста.

— Вот-вот жена.

— Вот-вот и станет. А пока она моя. Ты был в Кастилии?

— Конечно. Я был в Кастилии.

— И в Старой, и в Новой?

— И в Старой, и в Новой... Разве ты забыла? Я столько тебе об этом рассказывал.

— А в Каталонии?

— И в Каталонии.

— И в Арагоне?

— И в Арагоне... В Валенсии и в Андалузии тоже. В Эстемадуре, Мурсии, Галисии... Я исколесил всю Испанию — ты же знаешь.

— Вот видишь, как ты изменчив... как непостоянен. Как же она может быть твоя? Она моя: я родилась в ней, я в ней выросла, я никогда ни с кем ей не изменяла, потому что никогда нигде больше не была... И не хочу... Я люблю ее одну, мою Астурию. И если ты поклянешься мне стать ей таким же, как я, верным — я, так и быть, подарю тебе ее в приданое. Тем более, что больше у меня и нет ничего.

— А мне ничего больше и не надо.

— Это хорошо... Так ты смотрел в ее глаза?

— В глаза?.. Как-то странно это. Я даже не могу представить, где у нее могут быть глаза. Где?

— А их не надо представлять — их надо видеть. Глаза — в ее синем море, зеленых ее горах, в фиолетовом небе...

— Разве оно фиолетовое?

— Фиолетовое.

— Почему?

— Потому, что море синее, а небо — другого цвета. Значит фиоле-

товое...

— *Постой. Поверь мне на слово. В долине реки Эбро самые красивые в мире виноградники. А какие оливковые рощи под Севильей — если б ты видела! Море в Барселоне ничуть не хуже нашего, а горы лишь чуть-чуть пожелтее. Ты меня понимаешь?*

— *Понимаю... Только вот глаз ты там так нигде и не разглядел.*

Их было семеро в отряде, кто знал, что он человек. Остальные считали его чертом. Семеро их не разубеждали. Мало того, что они, как и все, звали его Тихим Дьябло, так они еще к тому же никому ни разу не заикнулись о том, что знали его раньше. Может потому, что любили его, может потому, что боялись, а, скорее всего, потому, что за три часа до своего открытого прихода в лагерь он появился там незаметно под покровом ночи, легко обойдя все дозоры, и имел короткую, но, как видно, весьма результативную беседу с одним из семерых своих бывших соседей, пастухом Алонсо.

Так или иначе, но когда Дьябло появился в отряде партизан ранним утром, выйдя из предгорного тумана, не только Алонсо, но и шестеро остальных сделали вид, что видят его впервые.

— Как ты нашел нас? — спросил у Дьябло дон Перес, командир отряда герильерос.

— Легко, — ответил новичок с интонацией, говорящей о том, что он считает свой ответ исчерпывающим.

Дона Переса это не задело. В отряде было триста человек — большинство астурийские крестьяне, народ бесхитростный и не особо словоохотливый. Многие из них ответили бы так же.

— Французы почему-то так не считают, иначе бы давно нас нашли.

— Французы боятся вас искать.

— Возможно... Откуда у тебя эти ружья?

— Я взял их у убитых мною французских солдат.

— Так значит, ты один убил четверых солдат?

— Да.

— С трудом вериться. На вид ты не особо крепок.

— Четверых я убил этой ночью, по пути сюда. В другие ночи, когда я не занят дорогой, я убиваю больше.

— Что ж. Проверим... Откуда ты?

— Из Астурии.

— Здесь все из Астурии. Откуда именно?

— Кто-то может делить Астурию на части. Я — нет. Я из Астурии.

— Можешь, если хочешь, умничать. Сейчас покажу тебя всему отряду. Кто-то да должен тебя узнать.

— Никто не узнает.

— Тогда как я могу убедиться, что ты тот, за кого себя выдаешь. Несколько секунд раздумья.

— Завтра утром я принесу тебе голову капитана Жардена.

Командир недоверчивым взором окинул заурядную фигуру собеседника, так расходящуюся с его необычным обещанием.

— Допустим, я поверю тебе, отпущу вечером, а ты прибежишь к французам и скажешь, где мой лагерь и сколько у меня людей.

Дьябло пожал плечами:

— Ну, пошли людей, чтобы за мной присматривали.

— Если ты можешь достать Жардена, то от моих людей сможешь уйти тем более.

— Да, но если я не тот, за кого себя выдаю, возможно, я не смог бы достать Жардена и, может быть, не смог бы уйти от твоих людей.

— Ладно... Я подумаю... Днем я все же покажу тебя всему отряду. Вдруг кто-то да узнает.

Дьябло сочувственно вздохнул.

— А пока, — продолжил командир, — под арест... Чего-то хочешь попросить?

— Да. Не будите меня до обеда. В это время обычно я сплю.

— Скажи честно, Санчита — хорошо быть женой деревенского учителя?

— Молодой и красивой женой молодого, веселого и умного деревенского учителя? Ты это хотел сказать?

— Зачем мне было это говорить, если я знал, что ты именно так все и поймешь.

— Ты еще и хитрый, Сантьяго. Молодой, веселый, умный... и хитрый.

— Да?! А разве не красивый? Смотри, вот я сейчас запрокину чуть голову и отброшу волосы назад. И вот так вот томно посмотрю на тебя. Красив, а?

— А как скромн. Как скромн. Даже еще больше, чем красив.

— Ты думаешь?

— Да, конечно. Иначе зачем бы я выходила за тебя замуж.

— Ну, а серьезно, Санчита. Ты счастлива?

— Да, Сантьяго... Очень. Уверена — ты сам все прекрасно понимаешь, но я все равно тебе скажу. На всякий случай. Тебе будет приятно услышать.

— О чем ты?

— О чем? Да так, обо всем. Просто я росла обычной бедной крестьянской девочкой. Не хуже своих подруг, но и нисколько не лучше. Добрая, веселая, может чуть-чуть красивая. Ну и что? Все мои подружки добрые и веселые, есть среди них и красивей меня, так что я никогда на многое не рассчитывала. Пастух, крестьянин, рыбак, рудокоп, в лучшем случае какой-нибудь бедный текстильщик или кожевник из Овьедо, который согласился бы покинуть город и остаться со мной здесь — вот все, чего я могла ожидать. Пусть честный, пусть верный, пусть порядочный — но все равно всегда бедный, а значит всегда забитый, всегда в нескончаемых пустых хлопотах и всегда озлобленный на эту мерзкую жизнь, которая приходит, когда кончается детство. Какая уж тут любовь? Какое счастье? Вырастить бы кое-как детей, да донести кости до могилы.

— Ты уж очень сгущаешь краски.

— Возможно. Может, чуть переборщила. Да, конечно, край у нас пустынный — с голоду никто не умирает, но все равно почти у всех вся жизнь в заботах. Я же не слепая, я все это вижу и видела. К тому и сама готовилась...

— Но тут появился я.

— Да... Черт знает, почему все так хорошо сложилось, но тут появился ты. Ты умный. У тебя есть деньги. Откуда ты их берешь, я не знаю и знать не хочу, но именно потому, что они у тебя есть, ты можешь позволить себе быть таким замечательным человеком, какой ты есть. Ты любишь людей, любишь жизнь, ты пять дней в неделю даешь бесплатные уроки нашей детворе и ничего не просишь взамен — тебе хорошо в этом мире. А мне хорошо с тобой. Я счастлива, как и ты. Но больше всего мне нравится, знаешь что?

— Что?

— Ощущать, что не только ты сделал меня счастливой, но и я сделала тебя таким же. Не знаю, что ты во мне нашел, чего нет в других, но я вижу, что ты не просто любишь — ты молишься на меня. Ты готов за меня убит и сам быть убитым. И ты позибнешь, если я от тебя отвернусь. Боже мой — как это хорошо! Да, Сантьяго — я безмерно счастлива.

— Я, правда, умру без тебя. И я сделаю все и любой ценой, чтобы ты оставалась счастливой всегда.

Конечно, никто его не узнал. Почему-то дон Перес не сомневался в этом, как не сомневался и в том, что вечером он отпустит новичка за головой Жардена. Может, было чуть-чуть тоскливо осоз-

навать, что и новичок в этом не сомневался, но когда речь идет о такой голове, тут уж не до личных амбиций.

Капитан Жарден был командиром отряда карателей и правой рукой полковника Брильона, военного коменданта оккупированной французами Астурии. Двух метров росту, здоровый как бык, на соответствующего размера жеребце, Жарден рассекал в окружении двух десятков телохранителей по всей провинции, неожиданно появляясь то в Ла-Фельгере, то в Мьересе, то в Хихоне и наводя ужас на беззащитных детей, стариков и женщин. Этим ему было вполне достаточно для удовлетворения своих звериных инстинктов — до партизан же руки у него как-то не доходили.

Герильерос сами не раз пытались с ним встретиться: устраивали придорожные засады и внезапные налеты — но все попусту. Жарден скакал по другой дороге или находился в другой деревне, продолжая чинить расправу за расправой над мирными жителями. А это были не просто женщины, старики и дети — это были жены и сестры, отцы и матери, сыновья и дочери тех, кто разбивал лагеря за подлеском из верещатника в каштановых, дубовых и буковых чащах...

Голова Жардена цены не имела.

Диабло легко ушел от людей дона Переса.

— Мне нужно с тобой поговорить, Сантьяго.

— Давай поговорим.

— Ты знаешь о чем?

— Знаю.

— И у тебя на все уже готовы ответы?

— Думаю, да.

— Тем не менее, говорить я все равно буду.

— Как знаешь.

— Мне стыдно за то, что случилось весной. Тогда я промолчала — может действительно ты был отчасти прав. Ведь опасности большой не было: французов было немного, они сами всего боялись и вели себя не как оккупанты, а скорее, как скромные гости. Но я в мою Астурию этих гостей не звала. Ты должен был это видеть. Почему ты не взялся за оружие, как сделали это все мужчины нашей деревни, когда пришла весть о том, что эти наполеоновские собаки сделали в Мадриде. Почему ты был здесь, со мной, когда даже пятнадцатилетние мальчишки гнали этих французских выродков с моей земли. Почему?

— Потому что у меня есть ты. Я люблю тебя, глупая, и не хочу, чтобы ты осталась вдовой. Ведь тебе ничего не угрожало, ты говоришь

сама — их было мало и они всего боялись. Из-за чего мне было рисковать и идти гнать их в шею? Там и без меня легко справились.

— Но кое-кто погиб.

— Да, я знаю. Французы все-таки смогли поогрызаться. Но ведь я не смог бы сильно все изменить, если бы даже был там со всеми. Так в чем же смысл? Ты же умная — ответь.

— Не знаю, не знаю, Сантьяго, и не могу тебе объяснить, но и ты вряд ли объяснишь мне, что было бы, если б все подумали и сделали как ты.

— Такого бы не случилось. Все было закономерно и предсказуемо, и все поступили так, как должны были поступить.

— Только не ты.

— Не я... Ну что ж. Мне за себя не стыдно. Я делаю все ради тебя, ради твоего счастья. Я тебе нужен живым, поэтому давай выгонять отсюда оловянных солдатиков будет кто-то другой.

— Эти оловянные солдатик скоро вернуться. Теперь их будет очень много, и будут они уже отнюдь не оловянными.

— Я знаю... Наверное, поэтому ты полгода молчала, а теперь вдруг неожиданно вспомнила, что тебе было стыдно.

— Да. Я хочу знать, что ты будешь делать на этот раз.

— У меня есть еще время подумать.

— Мне кажется, ты все давно решил.

— Как знать.

— Надеюсь, что ты принял правильное решение.

Время подходило к полудню, а Дьябло все еще не было. С самого утра дон Перес ничем больше не занимался, кроме как ходил по своей палатке из угла в угол, периодически выглядывая наружу и вопросительно смотря в глаза стоящему у входа часовому. Глаза раз за разом давали один и тот же ответ: его еще нет. Справедливым будет заметить, что тем же, чем и командир, занимался практически весь отряд. Дон Перес никого специально не оповещал, но почему-то все до единого знали, куда ушел ночью вчерашний утренний гость. Все знали и ждали.

Ровно в полдень дон Перес выскочил из палатки наружу, плюнул себе под ноги, обозвал часового канальей и быстрыми шагами прошел к центру лагеря. Там уже стояли в ожидании предстоящих распоряжений трое его ближайших помощников и еще несколько рядовых герильерос.

— А ведь к утру обещал принести, — ни к кому не обращаясь, нервно выпалил командир.

— Может, что случилось? — предположил кто-то.

— С таким случится, — отозвался один из тех, кто сопровождал Дьябло ночью. — Видели бы вы, как он вчера растворился прямо у нас на глазах. Ведь нас было четверо, и ни один глаз с него не спустил. Чертяра какой-то.

— Значит, куплен он. Французами.

— Ты сам-то подумал, что сказал. Черта разве купишь? Зачем чертям деньги, а? Да и для чего он тогда к нам приходил — посмотрел бы, где лагерь, тихонько ушел и донес бы кому нужно.

— Не вяжется как-то.

К спорящим подошел пастух Алонсо:

— Я, конечно, не хочу показаться самым умным, но, может быть, у нас есть места в лагере, где проработавший всю ночь человек может незаметно от всех спокойно отоспаться до обеда.

Все посмотрели друг на друга и медленно обернулись к пустовавшей с вечера землянке для арестованных. Сонно потягиваясь, держа в одной руке небольшой холщовый мешок, из землянки вылазил тот, кого все разыскивали.

Во всеобщей тишине он подошел к командиру. Вытянул руку. Обвел всех по очереди изучающим взглядом.

— Сами вы черти. В девятнадцатом веке живете — постыдились бы.

Пальцы разжались, и из мешка на землю выпала голова. Большая голова капитана Жардена.

— Ты любишь меня?

— Да.

— Как раньше?

— Да. Или сильнее.

— И тебе приятно смотреть, как я мучаюсь, как сгораю от стыда за тебя.

— Но почему же, Санчита, почему?

— Ты видишь те зеленые холмы, по которым ты гонялся за мной, когда я была еще твоей невестой. Эти горы, луга, море, небо. Ты видишь всю эту красоту. Ты помнишь, я обещала подарить тебе все это в приданое? Это твое, Сантьяго. Это мое тоже. Это наша Астурия. И если ты говоришь, что не видишь ее глаз, то поверь мне на слово — я их вижу. И из них текут кровавые слезы, потому, что она не может терпеть, когда ее землю топчут чужие ноги, а ее детей убивают чужие солдаты. Защити мою Астурию. Я выросла в ней. В ней вся моя жизнь. Ты учитель — ты знаешь историю, и если тебе мало того, что во всей

около не осталось ни одного мужчины, не взявшегося за оружие, если тебе мало примера в настоящем, то загляни в прошлое, вспомни Ковандонгу и разбитых под ней арабов, так и не смогиших ступить на нашу землю, вспомни пастуха Вириата, двадцать лет наводившего ужас на якобы непобедимых римских легионеров, вспомни никогда никем не завоеванное горное испано-вестготское государство — сердце будущего Леонского королевства. Это все Астурия, Сантьяго. Свободная Астурия. Про такую Астурию поем мы песни, такую нам завещали ее деды и прадеды. О такой Астурии ты сам рассказываешь детям. Так вот иди и защити ее, и не смей мне говорить, что и в этот раз справятся без тебя.

— Ты очень красиво говоришь, но... Нам не остановить войну. Так уж случилось, любимая, что не все в этом мире зависит от нас. Но вот в жизни — в твоей и моей — от нас зависит многое. И прежде всего сама жизнь. Франция ли победит Испанию, Испания ли одолеет Францию, оттяпают ли что себе англичане и что будет с Португалией — какая нам с тобой разница. Испания — это не человек, а абстрактное понятие. То же и Астурия. А ты, Санчитта, ты хрупкая и нежная, ты пахнешь лесом и морем, ты можешь корчить мне рожицы и можешь стонать у меня в объятиях, ты любишь детей, ты радуешься восходящему солнцу, ты поешь старинные песни, ты поранила позавчера палец, ты живая, Санчитта. Я точно такой же. Мы любим друг друга. У нас будут дети — много детей. Я научу мальчиков быть умными и сильными, а ты научишь девочек быть добрыми и красивыми. Они вырастут и скажут нам спасибо за то, что мы сберегли себя и дали им жизнь. Так я вижу мир. Этому меня учили. Этому теперь учу я. И ты прекрасно знаешь, что я не трус, что если опасность будет грозить тебе, я все сделаю и ничего не испугаюсь. Потому, что я очень люблю тебя. И именно потому, что люблю, я не хочу, чтобы ты осталась вдовой из-за того, что Фердинанд VII не поделил престол с Жозефом Бонапартом. Ковандонга! Леонское королевство! Пустые слова. У меня есть только ты, и все короны мира мизинца твоего не стоят. Завтра мы покинем Испанию с английским судном. Поверь мне. Я знаю — я прав.

— Наверное, мильй. Я очень устала и пойду спать. Поцелуй меня... Спокойной ночи. Я, правда, очень тебя люблю.

Маленькая Астурия слишком мала, чтобы долго удерживать что-то в тайне. Не успел полковник Брильон отдать все подобающие воинские почести останкам капитана Жардена, как весь Овьедо уже знал, куда подевалась голова этого самого капитана. А еще через три недели по всему берегу Кантабрийского моря любой имеющий язык мог поведать, что где-то высоко в горах, там, куда

французам никогда не добраться, с отрядом славных герильерос живет Тихий Дьявол. Одни говорили, что роста он огромного, другие, что наоборот — маленький и щуплый, одни называли его красавцем, другие утверждали, что все лицо его сплошь покрыто безобразными шрамами, да мало ли чего еще говорили о нем спорного и разного, но в двух вещах сходились все: Тихий Дьявол мог совершенно беззвучно проходить через самые непролазные заросли маквиса, и он никогда не смеялся.

Брильон развесил по всей провинции объявления о большом вознаграждении за поимку Дьябло, но на следующее утро рядом с каждым из этих объявлений висело еще одно, гласившее, что дон Перес и Дьябло оставят в живых тех французских солдат, которые доставят им самого полковника. Одну из таких бумажек военный комендант Астурии нашел на фасаде своей тщательно охраняемой комендатуры, после чего совсем потерял интерес к прогулкам по городу, полностью сосредоточившись на изучении вопроса своей охраны.

А солдаты гибли — их некому было охранять. Кто днем в открытых стычках с партизанами, кто ночью в темных переулках или теплых постелях. Потом началось массовое дезертирство — не хотевшие умирать солдаты бежали от страха, куда глаза глядят. На их место пригоняли других, и все повторялось сначала.

Так прошло четыре года.

Герильерос уже не прятались в горах. Почти вся провинция была под контролем партизан, и вот теперь, теплым майским вечером, дон Перес и Дьябло стояли на краю своего лагеря под Овьедо и обсуждали, как им лучше завтра выбить французов из их последнего оплота в Астурии.

На горизонте показались два всадника. Один, чуть ближе, скакал с востока, из города. Другой, подальше, приближался с юга, со стороны гор. Первый оказался человеком дона Переса. Он круто осадил коня перед своим командиром и Дьябло и одарил их торжествующей улыбкой.

— Французы уходят, — не переставая улыбаться, доложил он. — Черт возьми, какая приятная фраза. Французы уходят.

— Ну-у, — протянул дон Перес, — кое-кому из французов она тоже нравится.

— Всем, — отрезал Дьябло. — Кроме Брильона. Ему теперь придется выйти из своей цитадели на свежий воздух и провести в пути ночь, полную страхов.

— Хочешь его убить?

Дьябло равнодушно покачал головой:

— Нет. Он мне теперь неинтересен...

Соскочивший с коня второй всадник оказался молодым офицером регулярной испанской армии, одерживающей теперь над французами победу за победой в центральных провинциях Испании.

— Хотите видеть старшего, господин офицер? — поинтересовался командир.

— Нет, дон Перес. Я вас уже вижу. Не удивляйтесь: я тоже из Астурии. Еще до войны вы как-то бывали в доме у моего отца — я вас помню. В армии сейчас ходят легенды о ваших герильерос, особенно о Тихом Дьяволе. Я горжусь, что мне повезло родиться на свет земляком таких людей, как вы и как он.

— Отрадно слышать, что о нас еще помнят. Надеюсь, вы проделали столь долгий путь не только, чтобы сказать это.

— Я курьер из ставки объединенного командования. Уполномочен передать вам сообщение, — в руках у молодого человека появился опечатанный конверт.

Вскрыв его, дон Перес обнаружил внутри несколько страниц, написанных мелким, не самым разборчивым почерком.

— Я изучу это подробно, — обратился он к офицеру, — а пока доложите суть этого послания в двух словах. Если вы знаете, конечно.

— Знаю. Из этого уже не делают секрета. После разгрома под Москвой французы уже не те, даже здесь, в Испании. Объединенные испанская, португальская и английская армии вместе с отрядами герильерос теснят их по всему фронту. По данным многочисленных разведок Жозеф Бонапарт концентрирует панически бегущие части в районе города Витория. Там, по-видимому, произойдет решающее для этой войны сражение. И хотя это уже за пределами Астурии, объединенное командование просит вас не распускать партизан по домам, а...

— Понял, понял, понял, — перебил офицера дон Перес. — Я доведу до Витории всех своих людей и встану под знаменами регулярной армии. Хотя, — он перевел взгляд на Дьябло и на секунду задумался, — хотя одного человека я туда все-таки не возьму.

— Да, — помолчав, согласился тот. — Мне нужно доделать еще одно дело.

«Прости меня, любимый. Ты очень хорошо вчера говорил, и возразить тебе мне было нечем, возможно потому, что ты был прав. Может быть. Мне очень нравилось, что ты всегда так сильно заботился обо мне, но теперь больше делать этого не надо. Теперь у тебя нет жены — осталась только Астурия. Иди и принеси ко мне на могилу

землю из-под ноги последнего французского солдата, ушедшего с моей прекрасной родины».

Мост через речушку в ширину одной повозки. Повозок много. Этот берег Астурия, тот — уже Старая Кастилия. Есть и пушки. Много-много солдат. Всем надо перейти. Только пастуху, что на склоне холма, спешить теперь некуда.

Он сидел и ждал. Знал ли он, что будет дальше? Конечно знал. Он был очень умным и всегда рассуждал верно. Наверное, всегда... Сегодня французы покинут Астурию, через две недели они будут разбиты под Виторией, а еще через месяц Испания выкинет их за Пиренеи и станет свободной. Но только это его уже не интересовало.

Когда последний солдат скрылся из виду на том берегу, он подошел к мосту и очень бережно насыпал в платок горсть земли с дороги. Сжал в кулак, прижал к сердцу, пошел на запад. Слева зеленые горы, справа синее море, сверху фиолетовое небо — какому же еще ему быть. Когда-то он учился в университете, потом странствовал по свету, был учителем, любил девушку...

— Я принес тебе, милая, что ты просила...

Он не стал втыкать себе в сердце стилет, как это сделала она — просто лег на ее могилу. И если вы спросите праправнука пастуха Алонсо, от чего умер Сантьяго Тихий Дьявол, то услышите в ответ: его бессмертную душу всосали в себя бездонные как небо глаза Астурии-Санчиты.

Тольятти, 01.07.2001

КОНСТАНТА ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

1

К деду Илье прилетал черт. Каждый день. Залетал в умышленно открытую дедом форточку, садился на подоконник, удобно свесив ноги, и с хитрецей в глазах выжидающе начинал смотреть на устроившегося в кресле перед окном деда.

— Ну-у, здравствуй, друг Хлюцифер, — говорил, подумав, дед.

— Здорово, дед Илья, — радушно отзывался черт. — Давно ждешь?

— С половины десятого.

— Утра или вечера?

— А-а, — махал рукой дед. — Какая разница.

— Никакой, — тактично соглашался черт.

Конечно, разговор не мог каждый раз начинаться одинаково — дед и черт всякий раз импровизировали, но суть сказанного от этого менялась мало.

Дед Илья очень любил черта. Сразу после завтрака, состоящего обычно из стакана чая и бутерброда с маслом, дед оставался в своей комнатушке наедине с кучей свободного времени размером до обеда, и поэтому сразу открывал форточку и садился в кресло ждать своего рогатого друга. Черт знал, что дед Илья его ждет, и поэтому старался долго не задерживаться. Он, видимо, тоже любил деда.

Иногда черт прилетал не один. Бывало, с ним прилетал еще один черт, наверное, его брат, а случалось, что залетало сразу три черта. Дед Илья не удивлялся: ведь у людей могут быть братья — чем же черти хуже. Несколько раз с чертом залетала и Марья Ивановна на метле — тоже, как считал дед Илья, ничего удивительного: почему бы не залететь, если есть метла и свободное время. Но чаще черт прилетал один, потому что, наверное, и у его братьев, и у Марьи Ивановны были свои деды... Или бабы.

Деду Илье и черту было хорошо вдвоем. Они всегда находили о чем поговорить. Дед прожил без малого сто лет и поэтому многое помнил. То, что он помнил, никого из родственников, живших с ним, почему-то не интересовало — то ли это было для них теперь не актуально, то ли дед Илья очень медленно рассказывал, а может и еще почему. Но вот черту все это было интересно послушать, да и язык с ним у деда развязывался прямо на загляденье.

Сколько прожил на свете черт, дед Илья не знал, но, видимо, тоже немало, потому что и у него было для деда порядочно всяких историй из своей, чертовской жизни. Но самое интересное было то, что иногда, когда дед Илья хорошо себя чувствовал, черт с согласия деда брал его за руку, вместе они вылетали в форточку и отправлялись...

2

Косте Третьякову было тридцать лет, и чувствовал он себя в этой жизни вполне уверенно. Нельзя сказать, что он был очень богат или очень счастлив — нет, он был обычным российским офицером, и у него была обычная молодая жена и обычная, не очень послушная дочь.

Конечно, новые русские зарабатывали гораздо больше Кости и, может быть, в некоторых семьях не было тех мелких конфликтов, которые иногда случались между ним и его женой Настей, но ведь Эйнштейн не зря считал, что все в мире относительно. Костя знал про Эйнштейна, знал про его теорию, и еще он очень хорошо знал математику, поэтому давно уже посчитал, что людей с меньшим, чем у него, материальным достатком гораздо больше, чем новых русских, а семей, где конфликты бывают не только мелкие, гораздо больше, чем тех, в которых конфликтов не бывает вовсе. Именно это знание и давало ему повод чувствовать себя в этой жизни так, как он чувствовал.

Разумеется, Костя понимал, что всякий нормальный человек должен стремиться к большему, чем у него есть. Себя он относил к разряду нормальных, поэтому тоже стремился, но, будучи человеком очень порядочным и очень честным, пока что не очень в этом стремлении преуспевал. Но на месте все же не стоял и в свои тридцать лет был уже майором на подполковничьей должности, а кроме того, уже четко знал, что три его главные в жизни цели будут непременно достигнуты. Костя хотел материально не напрягающего второго ребенка, трехкомнатную квартиру в Брянске и большую пенсию. Кто может упрекнуть российского офицера, да и вообще, любого человека в таких скромных и порядочных желаниях?

Костя, кроме всего прочего, был еще и умным человеком, способным думать над жизнью, рассуждать, наблюдать и делать правильные выводы. Иногда, очень редко, на него нападали минуты дичайшей тоски. И в эти минуты Костю брало сомнение — а правильно ли он живет? Может это не должно так быть, чтобы не очень нравилась работа, чтобы не понимал ее смысла, чтобы не было в жизни близких друзей? Может многого еще не должно быть? Но

потом эти минуты проходили и Костя понимал — он все делает правильно. В конце концов он уже сейчас не скорбел над каждой копеей, а семья его была сыта, обута и одета. В дальнейшем же все должно было стать еще лучше...

Дед Илья приходился родственником Косте Третьякову.

3

Они приземлились на краю села. Черт и дед Илья. Была ночь, кругом веселилась молодежь. Первое, что бросилось в глаза деду — это их старая церковь, которую большевики снесли в двадцать пятом. Сейчас же она стояла целехонька, из чего дед Илья сделал соответствующие выводы.

- Далеко же ты меня занес, дружище.
- Для друга ничего не жалко.
- Что будем делать?
- Пойдем в люди.
- Невидимы?
- Угу, — кивнул черт.

У деда и черта было два способа прогулок по времени и пространству: тайно и явно. В каждом были свои преимущества и свои недостатки, поэтому они чередовали их в зависимости от обстоятельств.

- Нам туда, — указал черт.

Там, куда указал лукавый, дед Илья нашел свою жену Дарью, сидящую на завалинке рядом с Кузьминым Фролом, жившим на дальнем конце села. Обоим было лет по двадцать. Бог с ним с Фролом, но на двадцатилетнюю Дарью дед Илья просто так смотреть не мог — по щеке скатилась слеза умиления.

Какая она была красавица! Дед Илья вспомнил, что и выбрал-то он ее только за одну лишь красоту, а уж потом только понял, что к красоте еще много чего прилагалось. Ну да что вспоминать, если вот она — рядом сидит. Смотри и любуйся.

Разговор у Фрола не клеился, что деда с чертом изрядно веселило, а Дарью просто не расстраивало. Ей льстило, что ее ухажер рядом с ней находится в таком неловком затруднении. Дед Илья помнил, что до него у Дарьи не было постоянных кавалеров — такая красавица не могла себе позволить замкнуться на каком-нибудь Фроле или еще ком-то, кто и рта правильно открыть не мог. Но замуж все равно выходить когда-нибудь было надо — вот и меняла она одного за другим, ища лучшего. Тут, как раз, лучший и нагрянул.

Он вышел, не торопясь, из темного проулка. Он — это дед Илья,

только не дед тогда вовсе, а молодой двадцатилетний парень, два дня как вернувшийся в родное село с гражданской войны.

— Привет, влюбленные.

— Привет, вояка, — отозвалась Дарья, обрадованная хоть какой-то альтернативе томным вздохам Фрола. — Вижу, протрезвел?

— Да я, Даша, и не напивался.

— А то я тебя вчера не видела.

— Померещилось.

— Да что ж стесняться? Ты это брось. Оно ведь понятно — с войны человек живым и здоровым домой вернулся. Святое дело, напиться надо.

— Прощаешь, значит?

— Гдяди-кась ты смешной какой. А я тебе кто, чтоб прощать?

Жена что ли?

Молодой Илья умышленно замялся:

— Да как тебе сказать, Даша. Я вот тут как раз по этому вопросу.

— По какому вопросу?

— Да вот, жениться на тебе хочу. Пришел сказать.

Дарья, довольная, засмеялась.

Фрол промычал что-то невразумительное:

— Иди, иди. Кудыть шел. Ходят всякие, без вас полно хватает.

— Да помолчи ты, Фрол, — оборвала его Дарья и снова повернулась к Илье. — А почему вот так непременно на мне?

— Красивая ты очень.

— И все?

— Веселая...

— Еще может что?

— Хочу я так просто.

— Хотеть, Илья, не вредно, — почти сразу ответила Дарья, — а красоту мою заслужить еще надо. Не ты один так хочешь.

— А мне, Даша, на других наплевать. Я заслужу. Сегодня, вижу, уже опоздал, — Илья скосил глаза на Фрола, — а вот с завтрава... с завтрава и начну заслуживать.

Сказав это, он улыбнулся и пошел назад в проулок.

— А как заслуживать-то будешь? — не утерпела и крикнула вдогон Дарья.

— А я тебе, Даша, подарки дарить стану... Каждый день, — донеслось в ответ из темноты.

— Че это он? — не нашел ничего более умного сказать Фрол, когда молодой Илья скрылся в темноте.

— Любит, наверное.

Что было там дальше, дед Илья не узнал. Черт схватил его за руку и утащил в небо. Но дед Илья на него не обиделся, потому что почти сразу они вернулись обратно на землю.

Это была вторая половина следующего дня и место на реке, где обычно купались мужики и мальчишки. Дед Илья помнил, что сейчас должно случиться, помнил, что это будет интересно, поэтому уселся на откос берега поудобнее и стал ждать. Черт сделал то же самое. Неслышно с неба на метле приземлилась Марья Ивановна и также устроилась рядом с дедом.

— Жалко будет дальше пропустить, — как будто слегка оправдываясь за появление без приглашения, пояснила она.

— Угу, — согласился дед, давая понять, что ничуть не огорчен прибавлением в их компании.

Оба берега сплошь были покрыты непролазными зарослями плакучих ив. Сама же река была настолько узкая, что местами ветви с противоположных берегов почти смыкались, а со стороны казалось, что и не река это вовсе — просто ивы растут такой вот причудливо изогнутой нескончаемой лентой. Только в месте для купания русло слегка расширялось, и метров пятнадцать ближнего к селу берега было свободно от ивовых зарослей.

— Невидимы? — спросил дед просто от нечего делать. — Да можешь и не отвечать, я и так знаю, что невидимы.

— Чего же тогда спрашиваешь? — поинтересовался черт.

— Да нравится мне с тобой беседовать. Кстати, вон и комбеды появились.

На дороге со стороны села появился в полном составе, то есть в количестве трех человек, сельский комитет бедноты. В хорошую погоду они всегда заканчивали «тяжелый» трудовой день на берегу реки с бутылью самогона. Разумеется, работая интенсивно, они заканчивали раньше, поэтому на реке появлялись обычно, как и в этот день, первыми.

Пока комбеды приближались, дед Илья напряженно всматривался в заросли ивняка на том берегу, и хотя разглядеть ничего не мог, все равно знал, что сейчас там по его же тогдашнему совету пряталась Дарья, чтобы самой посмотреть, как новый ухажер заполучит для нее первый обещанный подарок. Молодой дед Илья не объяснил ей тогда, что он задумал — просто поставил перед фактом, что подарок будет ценнее, если она сама все увидит.

Было жарко, поэтому, подойдя к реке, комбеды сразу разделись, и двое из них тут же полезли в воду. Третий остался разливать драгоценный напиток и охранять один-единственный на троих, да и на все село, пистолет системы маузер, который лежал теперь в кобу-

ре среди сваленной в кучу на берегу одежды. Глубина нарастала здесь более менее полого, поэтому оба купальщика не бросились с разбега в воду, а стали плавно заходить: по колено, по пояс, по грудь.

Вдруг председатель, шедший на три шага впереди, внезапно остановился и обернулся назад. Деду Илье, черту и Марье Ивановне было хорошо видно, как перекосилось его лицо.

— Фи-фионыч, — прошептал он, — у меня под ногами что-то плавает.

Фионыч остановился тоже.

— Рыба, наверное.

— Фионыч, — стараясь оставаться неподвижным, жалобно зашептал председатель, — я ведь в рыбах не силен. Ты мне честно скажи — они лохматыми бывают?

— Не-е. Не бывают.

— Вот, — председатель совсем сник. — А эта лохматая и... большая.

Фионыч потихоньку попятился назад.

— Слышь, начальник. Старики болтают — здесь раньше черти водились.

Новая информация председателя мало обрадовала. Медленно, лицом вперед, он начал двигаться к берегу, но успел сделать только два шага. А потом... Потом он вдруг сделал большие глаза и заорал. Спустя секунду какая-то невидимая сила затащила его с головой под воду. Река в этом месте забурилась, со дна пошли пузыри. Еще через секунду председатель как пробка вылетел обратно — с такими же большими глазами, но уже не орущий. Из председателя орущего он превратился в бегущего — да что греха таить — в очень быстро бегущего председателя. А вслед за ним из воды вынырнуло и тоже побежало к берегу что-то большое, бесформенное, опутанное травой, с огромными зубами в раскрытой пасти.

Председатель не видел, что за ним гонится, но по остекленевшим глазам Фионыча и второго своего товарища понимал, что лучше этому, что сзади, не попадаться. Потому выскочив на берег, прямо гольшом он понесся по дороге в деревню вслед за уже мчавшимися впереди товарищами. Издавая леденящие кровь нечеловеческие звуки, страшное существо гналось за председателем и по берегу, но, слава богу, недолго.

Берег от воды шел с небольшим подъемом и только потом выравнивался. Так что с дороги, где метрах в двухстах остановились голые комбеды, не было видно, что творится теперь у самой воды. Зато дед Илье со своей компанией прекрасно видел, как водное

чудище сняло с себя голову и обрезанную шкуру медведя, изрядно опутанную травой и тиной, и превратилось в хохочущего молодого деда Илью. Не торопясь, он подошел к оставленной куче одежды, взял кобуру с маузером и вместе со шкурой пошел в обход омута вброд на тот берег — к тем кустам, откуда раздавался женский смех.

— Я тебе, Даша, пистолет подарю... до завтра. Тебе ж, наверное, тоже пострелять охота.

— Конечно, охота. Только что ж нам за это будет?

— Да ничего не будет. Сегодня постреляешь, завтра я им обратно подкину... Так ты замуж-то за меня пойдешь?

— Ты же обещал каждый день подарки дарить.

— Обещал — выполню. За мной не заржавеет.

— Ну и за мной тоже.

Они, не переставая смеяться, разговаривали еще с минуту, после чего, чтобы не попасться на глаза комбедам, двинулись вниз по течению — Дарья тем берегом, Илья по воде.

А дед Илья с чертом снова умчались в небо, оставив Марью Ивановну наедине со своей метлой.

4

Костя Третьяков служил в Забайкальском военном округе, в глухой тайге и почти в трехстах километрах от ближайшего населенного пункта с многоэтажными домами. Поэтому, наверное, в период отпуска Костю всегда тянуло в цивилизацию. Своих корней он не имел, поскольку был детдомовцем, а все родственники жены жили в Брянске и еще в маленьком селе-совхозе километрах в тридцати от Брянска. Одним словом, Брянск с совхозом и были ежегодной Костиной цивилизацией.

Конечно, некоторые люди иногда ездят погостить и к друзьям, а не только к родственникам, но почему-то у Кости ни с детдома, ни с военного училища не осталось таких друзей. Нет, не то, чтобы их вообще не было, но просто не было таких, к которым можно было бы вот так вот запросто явиться и пожить у них, не боясь показаться лишней обузой. А родственникам Насти они обузой не были, наоборот — их все любили и ждали, и не только родители, но и многочисленные дяди, тети, двоюродные братья и сестры.

Было и еще что-то, что тянуло Костю к Настиным родственникам. Этим что-то было ощущение себя в их кругу серьезным, солидным и достойным уважения человеком, сумевшим из нищего детдомовца стать независимым офицером и уже сейчас, в свои тридцать, зарабатывать в три-четыре раза больше, чем они в свои пятьдесят.

Ни тещь, ни теща, ни какие другие родственники жены из старшего поколения не только не пытались учить Костю, как надо жить, но и наоборот, старались сами обращаться к нему за советами. И этим он гордился.

Базовым пунктом дислокации Костиной семьи в отпуске был дом Настиных родителей в совхозе, а уже оттуда Третьяковы делали периодические наезды в Брянск и вылазки по родственникам внутри села. В селе же жил и дед Илья. Его внучка Людмила была женой Настиного дяди по матери, и этот дядя — дядя Андрей — всегда рад был видеть у себя в гостях свою племянницу и ее мужа.

Отпуск этого, тысяча девятьсот девяносто девятого года ничем не отличался от предыдущих отпусков. Костя, Настя и их дочь Лена как всегда оказались в гостях у дяди Андрея, тети Люды и деда Ильи.

Хозяева были предупреждены о визите, поэтому к обеду заблаговременно организовали красиво накрытый стол. Деликатесами, учитывая нищенские совхозные зарплаты, он, конечно, не блистал, но блюд рабоче-крестьянских, со своего, так сказать, огорода было достаточно, и приготовлены они были с душой и со вкусом. Третьяковы же, со своей стороны, довели стол до совершенства ноль семьдесят пятой бутылкой водки из совхозного магазина. Зная, что женщины и дед Илья практически не пьют, Костя справедливо рассчитал, что ему и дяде Андрею для поддержания разговора вполне должно хватить, благо ни тот, ни другой безудержностью в этом деле не отличались.

За стол сели, как положено, сразу с порога. Тетя Люда заглянула к деду Илье в комнату позвать его к столу, но сразу же вышла назад, виновато разведя руки.

— Не готов он еще.

— А что такое? — поинтересовался Костя.

— А вы, разве, не знаете? — удивилась тетя Люда.

Костя и Настя отрицательно помотали головами. Действительно, они мало чего знали о деду Илье.

— Это у него уже лет пять или больше, — стала объяснять хозяйка, одновременно раскладывая горячее по тарелкам. — К нему прилетает черт и разговаривает с ним, а иногда забирает деда с собой: полетать, попутешествовать. Это дед так объясняет. На самом же деле черта никакого, конечно же, нет. Просто дед в это время сидит в кресле перед окном. Глаза у него то стекленеют, то, наоборот, начинают очень быстро бегать. Но хоть так, хоть так он все равно перед собой ничего не видит, а лицо у него в это время счастливое и какое-то восторженное. И пока он сам не возвратится,

лучше его не трогать.

— А если он очень долго не будет возвращаться?

— Такого не бывает. У него воспитанный черт — всегда отпускает пообедать.

— Тетя Люд, — поинтересовалась Настя, после того как все выпили по первой, — а ты его врачам не показывала?

— Зачем? — опередил с ответом хозяйку рассудительный Костя. — Зачем лечить болезнь, которая делает человека счастливым.

— Ну-у, может у него видения страшные какие-нибудь.

— Нет, Настя, — ответила тетя Люда. — Видения у него замечательные, как и вся его жизнь.

— А что в ней было замечательного? — разливая по новой, поинтересовался Костя.

— Все. От начала до конца. Даже сейчас — умерла бабка Дарья, жена его, умерли все друзья, какие были, все село, что с ним раньше жило тоже умерло, один остался — и все равно вон нашел черта и с ним счастлив. А уж пока все живы были — что и говорить. Друзей у него — по гражданской, по отечественной — полно было. Многие большими людьми становились: директорами, инженерами, профессорами, а все равно его не забывали. Приезжали часто. А многие бросали все к чертовой матери и здесь с ним в селе оседали. Весело им тут было. Хорошо. А он из всех самым веселым был. Ой, как куролесил! Только я сколько видела, а он-то до меня пятьдесят лет прожил. Так там старые люди рассказывали. Раз, говорят, нарисовал карту. Помял, испачкал для солидности. А потом по ней все село две недели барское золото в лесу искало. А то в Отечественную, на спор, один целый отряд карателей одурачил и один же всех в плен взял. Да мало ли что чудил, всего не расскажешь. Да и не в одних чудесах дело. Просто, жить ему нравилось. Этим то и жизнь замечательная...

Еда была вкусная, водка холодная (читай: тоже вкусная), беседа приятная. Каждые двадцать минут тетя Люда заглядывала в соседнюю комнату и выходила ни с чем обратно. Наконец, на четвертый раз с ней вместе показался и дед Илья.

Он узнал и Костю, и Настю, и бегающую вокруг стола Леночку, но, правда, большого восторга по поводу встречи не выразил. Хотя и не расстроился. Поесть он любил и ел много, а водки же выпил всего только рюмку и ту без энтузиазма (он ведь мог улетать и без водки). Просьбу Третьяковых рассказать о пленных карателях дед Илья не отверг, но выполнил сухо, скучно и по-стариковски медленно, отчего рассказ вышел вовсе не таким выразительным, каким мог бы. По всему было видно, что дед Илья торопился в свою комнату,

чтобы снова стать счастливым. Ведь черт у него не был ленивым — он прилетал и после обеда.

Конечно, Третьяковы его отпустили, а спустя некоторое время ушли и сами. Костя шел домой хмурый и в сердцах пинал с дороги все мелкие камни, что попадались под ноги.

На молчаливый вопрос Насти он ответил, не скрывая расстрой-ства:

— Такой интересный человек: умный, смелый, независимый — всю жизнь проторчал в этом селе и ничего не хотел большего сделать. Вот и итог: одинокая старость и пенсия с гулькин хрен, так что всей семье в обузу. Ты видела, как он уплетал все со стола? Думаешь, от хорошей жизни? Да нет. Просто кушать очень хочется.

Настя ничего не ответила, только, вздохнув тяжело, пожала плечами. Она думала, что, наверное, Костя, как всегда, прав.

5

С первыми осенними заморозками дед Илья почувствовал себя больным. Он не знал, чем заболел, и даже не знал, что у него болит, да и вообще-то, ему было наплевать на все это. Главное, что черт не оставил его в беде и продолжал прилетать каждый день по несколько раз, как и раньше. Вот только в полеты, ссылаясь на плохое здоровье деда, брать его перестал.

Прилетали и два других черта, и Марья Ивановна на новой красивой метле, болтали с дедом о том, о сем, желали скорейшего выздоровления, и улетали.

Все эти дни дед Илья не чувствовал себя несчастным. Да, физически он, конечно, был не в лучшей форме, но душевная сторона его жизни ничуть не страдала. Ему было хорошо с чертом.

И вот, в один из таких осенних вечеров, дед Илья вдруг почувствовал, что сегодня, сейчас, ему нужно обязательно полететь.

— Осилишь ли? — спросил, волнуясь, заботливый черт.

— Не знаю, — честно сознался дед. — Но я чувствую — надо.

— Что ж... Тогда полетели.

В глазах деда Ильи все закружилось, замелькало разноцветными пятнами, из-под ног исчезла опора, и с вихрем промчавшись сквозь всю эту кутерьму, он оказался вдруг в полном одиночестве в маленькой неярко освещенной комнате, похожей на бельевую кладовку. И куда-то исчезло вдруг чувство болезни. Дед Илья почувствовал себя здоровым, сильным и красивым. Какое-то неопишуемое чувство легкости охватило его. Рядом не было зеркала, но деду Илье не надо было смотреться в него, чтобы понять, что он снова молод.

Молодой дед Илья потянул дверь и вышел из комнаты. За дверью оказался коридор, по которому он пошел направо, в сторону холла. Коридор был пуст, но из холла доносились оживленные, приятные и добрые голоса. Чувство легкости не покидало молодого деда Илью, и еще прибавилось какое-то необычно сильное чувство радости. Он не шел — он почти что летел по коридору навстречу чему-то неизвестному, но непременно доброму и светлому.

Холл оказался вестибюлем. Не замедляя шага, дед Илья снова повернул направо, спустился по трем-четырем ступенькам и проплыл к массивной выходной деревянной двери мимо почтительно и сердечно улыбавшейся вахтерши. На пути он встретил трех милых семнадцатилетних девушек в школьной форме, которые вежливо расступились в стороны, уступая ему дорогу. Открывая на себя наружную дверь, молодой дед Илья услышал за собой их восторженный шепот и почувствовал, что они просто впились в него влюбленными глазами. Дед Илья не знал, что это за девушки, но помнил, что так же на него смотрели, так же почтительно расступались и так же шептались у него за спиной его ученицы, когда он, совсем еще мальчишкой, сразу после гражданской стал на некоторое время директором в первой их сельской школе.

Снаружи было яркое летнее утро. У дверей его ждал сосед по проулку дед Ефим, тоже молодой, лет двадцати пяти. Он радостно обнял деда Илью.

— Ну, наконец-то, Илья! Мы тебя заждались. Пойдем.

И он повлек за собой деда Илью, что-то радостно ему рассказывая. Почему-то на деде Ефиме был накинут незастегнутый белый медицинский халат, что придавало ему вид занятости в каком-то всеобщем, важном и праздничном деле. Что это за дело, дед Илья не знал, но чувствовал, что он сам в нем должен играть далеко не последнюю роль.

Вокруг было много-много молодежи — все занятые подготовкой все к тому же большому общему делу, отчего лица их светились одновременно и радостью, и пониманием важности своего участия в этом чем-то всеобщем. Большинство, особенно девушки, тоже почему-то были в белых халатах.

Дед Ефим продолжал что-то оживленно рассказывать. Дед Илья краем уха слышал, что тот говорит ему об их общих друзьях: о том, кто кем стал, кто на ком женился или вышел замуж, у кого кто родился. Дед Илья чувствовал, что скоро он со всеми встретится и узнает все более обстоятельно, поэтому не столько слушал, сколько смотрел восторженно по сторонам на радостные, счастливые, молодые лица.

Слева от дороги, по которой они шли, стоял грузовик с крытым тентом кузовом. Внутри кузова была видна мебель и коробки с домашними вещами, как будто кто-то собирался переезжать или, наоборот, только что приехал. Сзади машины человек двадцать юношей и девушек качали на руках атлетически сложенного мужчину с недельной щетиной на лице. Присмотревшись внимательней, дед Илья узнал в качаемом Дениса Федина, своего друга по гражданской. В тридцать пятом, уже известным столичным врачом, Денис навестил деда Илью в его селе, да так в этом селе на всю жизнь и остался и никогда не жалел об этом. Сейчас, подлетая на руках вверх-вниз, Денис увидел деда Илью и Ефима, улыбнулся и кивнул им глазами, давая понять, что все хорошо и скоро он к ним присоединится.

Как-то совершенно незаметно оба деда оказались на зеленом цветущем лугу. Дед Илья оглянулся назад и увидел, что здание, из которого он вышел, и люди, мимо которых он прошел, остались далеко позади, на краю луга. Снова повернув голову вперед, он увидел, что вокруг, сколько хватает глаз, с неба на луг плавно слетают разноцветные воздушные шары. Ударяясь о траву, они пружинили и медленно подлетали чуть-чуть вверх, чтобы потом снова опуститься вниз. Шаров было очень много и, радуясь, как ребенок, дед Илья побежал вперед, высоко подпрыгивая и приземляясь ногами на эти шары, которые совсем не лопались, а мягко прожимались под его ногами. В голове у деда Ильи пронеслась мысль, что надо бы взять несколько шаров и подарить Дарье, но тут же он понял, что в том месте, куда он идет, в том месте, где его ждут жена и друзья, шаров будет ничуть не меньше. В том месте будет все.

В этот вечер дед Илья умер.

6

В том же селе жил еще один дед. Ему тоже было без малого сто лет и он давно пережил всех своих ровесников. Дед знал, что к другим дедам, бывает, прилетают черти. Он очень хотел, чтобы и к нему залетел хоть один. Изю дня в день, из года в год дед ничем больше не занимался, кроме как сидел в своей маленькой комнате один на один со своими мыслями и ждал черта. Но черт почему-то не летел.

Деду было очень одиноко и очень тоскливо. В доме с ним жила его пятидесятилетняя внучка, ее муж и их двое детей, но веселее от этого деду не было. Им всем было неинтересно с дедом, и он не любил тяготить их своим присутствием.

У деда, как бывшего офицера, была очень большая пенсия. Много больше, чем зарплаты внучки и ее мужа вместе взятые. Можно

сказать, что вся семья жила только за счет деда, и хотя всем он был в тягость, но, тем не менее, каждый в мыслях желал прожить ему с его пенсией как можно дольше.

Кормили деда хорошо. А вот водкой почти не поили. Только по редким праздникам или, когда в гости приезжали какие-нибудь родственники, на столе появлялась бутылка. Деда приглашали за стол и позволяли ему выпить три рюмки. За столом дед ничего не говорил и ничего не слышал — он только безотрывно, жадно и страстно смотрел на бутылку и протягивал дрожащую руку к рюмке сразу же, как бутылка оказывалась в руках у разливающего. После третьего тоста он все еще продолжал смотреть на бутылку, но взгляд его терял прежнюю живость, становился грустным и безнадежным, а на глазах проступали слезы. Дед хорошо знал, что, заботясь о его здоровье, больше трех ему не нальют.

Иногда дед думал, что лучше бы ему умереть. Но потом он вспоминал, что у него есть бедные внуки и правнуки, а у него слишком большая пенсия. Рациональность побеждала, и дед умирать переставал думать.

Был две тысячи шестьдесят седьмой год. Деда звали дедом Костей. Он был скучный дед. Черти его не любили.

Сахалин — Тольятти, 17.02.2000

ИГРА

Жизнь. Смерть. Невыразимо прекрасна. Неизмеримо страшна. Единственная и неповторимая. И ничего после. Что может быть лучше? Что может быть хуже? Что?

Разве только возможность светиться ярким и чистым огнем, опьяняюще легко и свободно перемещаясь в безразмерном пространстве, в бесконечном времени. Разве только знание того, что и пространства, и времени нет. Нет и жизни, нет смерти. Нет еще многих вещей.

Зато есть большой путь, большая игра и прекрасные друзья, что горят всегда рядом ярким и чистым дорогим тебе огнем...

Или нет друзей. Никогда. Нигде. Потому что нет времени. И нет пространства.

Томас родился раньше Нины. Лет на семьдесят пять, плюс-минус — кому надо, сосчитают. Словом, когда он родился, Нины, это точно, еще на свете не было.

Не было ее, не было ее родителей, и даже родителей ее родителей тоже еще не было. А было... что же было?.. Ах, да — был необычайно солнечный февраль тысяча восемьсот сорок седьмого года, был милый захолустный городок Майлан в фермерском штате Огайо, было красивое и судходное озеро Эри милях в тридцати к востоку от города, и была великая и свободная страна Америка — точнее, ее Соединенные Штаты.

И еще был теперь сам Томас — седьмой ребенок в семье канадских эмигрантов без определенного рода занятий, привыкших зарабатывать себе и детям на жизнь чем попало. Надо сказать, получалось это у них неплохо, отец Томаса всегда держал нос по ветру и не комплексовал, что в багаже его жизни скапливается слишком уж много наскоро освоенных профессий. А Томаса это так вообще радовало: что за скука познающему мир ребенку год за годом смотреть на не меняющих занятия родителей.

Когда мальчишке стукнуло семь, его умный папа, как обычно довольный и уставший, возник в дверном проеме в трех шагах от обеда и, хитро прищурившись, спросил:

— А что, жена моя любимая, можешь ты мне сказать о роли железной дороги в конъюнктуре нашего, черт возьми, общества?

— Железная дорога — это цивилизация, а значит — жизнь, — спокойно ответила мать Томаса, наливая в большую тарелку горячий суп.

— Верно, крошка, — удовлетворенный ответом отец исчез из дверного проема и материализовался за обеденным столом. — А в курсе ли ты, что железную дорогу через Детройт в Канаду решили строить в обход нашего славного городка.

— Уверен?

— Теперь на все сто.

— Думаю, ты знаешь, что говоришь. Почему будем продавать дом?

— Потому купят, умная ты моя.

Уже отобедавший Томас залез отцу на шею.

— Ура, ура! — весело прокричал он. — Мы поедем на поезде!

Здоровенный отец уплетал суп, не обращая внимания на эквилибристику младшего сына.

— Не на поезде, а к поезду, — поправил он. — Туда, где скоро будет ходить поезд.

— Потому что поезд — это жизнь, — закончил мысль Томас. — Правильно, папа?

Мать с отцом улыбнулись вместе.

— Правильно, сын...

Так, благодаря чувствительному к ветру носу отца предрешилась судьба будущего гения: вся семья переехала на сто миль к северу в точно такой же с виду городок Порт-Гурон, с той лишь разницей, что уже через полгода через него пролегла новенькая железная дорога. С нее-то у Томаса все и началось. Хотя, возможно, не обошлось тут и без помощи первого и единственного школьного учителя.

— Ты безмозглый, беспросветный тупица, — сказал он как-то Томасу при всем классе месяце на четвертом занятии в школе.

— Сам ты тупица, — ответила учителю на следующий день мать Томаса, разумеется, тоже при всем классе. — А мой сын просто живо и образно мыслит, — после чего, повернувшись к Томасу, спросила: — Хочешь ли ты дальше заниматься у этого бескультурного человека?

— Что ты, мама, глупые вопросы задаешь, — улыбнувшись, отреагировал мальчик. — Чему может научить большой полуграмотный старик здорового умного ребенка? Он за мной не поспевает.

— Вот, — сказала мама, и на этом школьное образование Томаса закончилось.

А уже через месяц мальчик сам догадался начать продавать в поездах скучающим пассажирам газеты, книги и сладости, что готовила умная и заботливая мама. За исключением сладостей, все остальное можно было читать — чем вам не школа.

Восемь-девять-десять. Одиннадцать. Двенадцать.

— Знаете, компаньоны, почему мы торгуем прессой в поездах скоро как шесть лет и ничего толком не заработали? — спросил как-то уже тринадцатилетний Томас у своих друзей-одногодок Джона Флинта и Боба Архангела.

— Знаем, — ответили те хором. — Плохо берут.

— Точно. А почему плохо берут?

— Ясно почему. Делаем охота всякую дрянь читать.

— Правильно. Делаем выводы: научить всех недоделков писать не дрянь мы не сможем. Остается одно — начать писать самим.

— Ага, так все газеты нас печатать и бросятся.

— Что вы скучные какие? Конечно не бросятся. Посему начнем издавать свою. Кто против? Принято единогласно. Осталась совсем мелочь — найти денег на первый тираж.

Через пару недель отец и старший брат Архангела взяли банк в соседнем штате и, будучи по этому поводу в хорошем расположении духа, легко отстегнули мальчишкам часть монет в подарок. Незамедлительно после этого на запасных путях в Порт-Гуроне появился старый товарный вагон, а внутри него типография.

Томас сделал ставку на оригинальность. Расхаживая по вагонам, мальчишки уверяли всех и каждого, что «Магистральный вестник» — первая и единственная в мире газета, предназначенная только для пассажиров поездов.

— Во время остановок продажа прекращается, — измывались они над важными дамами и джентельменами, — и возобновляется с началом движения состава.

Загадочно, необычно, придурковато — но ведь сработало. Продажа пошла на ура. Так что зря кто-то там говорит, что нельзя тринадцать лет быть в одном лице автором, редактором, издателем, да еще и продавцом своей газеты. Можно. И еще на шалости время останется. И на изобретения. О них и речь.

Отягощенный прибылью от газетного бизнеса Томас как-то вдруг нечаянно заметил, что в вагоне-типографии остается что-то слишком уж много пустого места, и начал заставлять его всяким хламом, так что, в конце концов, получилась лаборатория. Физика — сильная вещь. Безграничная. Непредсказуемая. Ну, в самом деле, кто бы мог предсказать, что через три года, когда уже не только Томас, но и Джон, и Боб, и еще кое-кто из ребят начнут думать, что все в этой науке ясно и понятно, именно в это золотое время совершенно неясным и непонятым образом лаборатория, а заодно с ней и типография, взлетят, не спросясь, на воздух мелкими кусочками.

Увлечлись. Бывает. Действительно — сильная вещь. Но повезло, и все остались живы.

Запасов наличности на новую типографию как-то случайно не оказалось, брат и отец Архангела тоже как-то случайно в этот раз банк не брали, а сидели в тюрьме, так что с «Магистральным вестником» случилось плохо — его просто не стало.

К счастью, выяснилось, что банки берут не только родственники Боба и не только в соседних штатах. Несколько смелых заезжих парней побеспокоили оговоренное заведение в Порт-Гуроне и опять-таки совершенно случайно застрелили станционного телеграфиста, не вовремя пришедшего за деньгами. Тогда-то власти города и вспомнили, что физика — еще и нужная вещь. Так в шестнадцать лет Томас стал станционным телеграфистом, а заодно электромонтером и наладчиком оборудования.

— Второй пост после мэра в нашем городе, — с хитрой рожей заявил он Джону и Бобу на обмывке своей первой зарплаты. — Будьте уверены.

— Да мэр с тобой рядом не стоит, — серьезно отозвался Джон.

— Во-во, — согласился Боб, потягивая пиво. — Кстати, как ты относишься к идее братьев Коллинзов повоевать с южанами?

Томас жевал ветчину. Север воевал с Югом. Был самый разгар Гражданской войны Соединенных Штатов Америки.

— Никак, — отозвался он. — Это их идея, пусть они к ней и относятся. У меня, слава богу, своих хватает.

— Ну, а все же?

— Ну, если все же — то я не против, чтобы негры стали свободными. Но это дело негров — пусть сами и разбираются. Их там немало. А кому из белых делать нечего, пусть идут воюют тоже. Раз так хочется. Мне — не хочется. И дел по горло. Подай вон лучше еще ветчины...

Разумеется, Нины все еще на свете не было...

В двадцать один Томас перебрался в Бостон, а в двадцать два в Ньюарк — дельные специалисты в электротехнике нужны были везде. В Ньюарке потихоньку, с божьей помощью (а точнее с помощью родственников Боба), ребята создали свою компанию по ремонту электрооборудования. Ремонтировали большей частью Джон и Боб — Томас изобретал. Автоматический счетчик голосов на выборах, передатчик биржевых курсов, мимеограф, электрическое перо, много еще других подобных мелочей — все это была пятилетняя разминка перед первым крупным изобретением, после которого все так резко переменялось.

Квадруплекс! Это вам не война с плантаторами. Одно название чего стоит: квадруплекс... Шутки шутками, но благодаря энному количеству бессонных ночей, что провел один молодой человек за

опытами, вычислениями и размышлениями, вначале Америка, а потом и весь мир научились передавать по одному телеграфному проводу по два сообщения в обе стороны одновременно. В общей сложности четыре — потому и квадруплекс.

Деньги со всех переоборудованных телеграфных точек мира посыпались в заслуживший их карман. Вначале их стало много — тогда Томас женился на девушке, которую любил еще бедным, но по причине этой самой бедности осчастливить браком в то время стеснялся. Родившихся через год дочку и сына Томас назвал Точкой и Тире — все телеграфисты планеты стучали все свои сообщения только этими двумя именами.

Потом денег стало безобразно много, и вот тогда, в далеком 1876-м, молодой двадцатидевятилетний изобретатель осуществил свою главную в жизни мечту: он построил Фабрику изобретений.

Они мечтали о ней с тринадцати лет. Томас, Боб и Джон. Со времен «Магистрального вестника» и первой взлетевшей на воздух лаборатории они бредили этой Фабрикой и сочиняли, что же в ней будет — в ней должно было быть все.

Энтузиазму и фантазии ребят при строительстве не было предела. Город Менло-Парк в штате Нью-Джерси, выбранный под Фабрику Томасом, зажил новой шумной жизнью. За полгода на его окраине были возведены заводские цеха, лаборатории, офисы, жилые и подсобные помещения. Томас закупил, не торгуясь, и собрал со всего мира по книжке самую большую научную библиотеку того времени.

— Люблю, чтоб всегда все было под рукой, — объяснял он друзьям.

Они тоже любили.

Но главное — не книги, не цеха и не лаборатории. Главное — люди. Самые талантливые умы и самые золотые руки устремились на Фабрику. И не только из Америки или там Европы — даже из Бомбея по приглашению Джона прикатил инженер. Чем индусы хуже. Томас платил всем.

— Что это было за время, — любил рассказывать старший уже Боб Архангел своим десятерым внукам, которые в отличие от его старшего брата и отца не трясли банки, а учились по Оксфордам и Кембриджам. — Мы не просто трудились — мы жили там. С первого же рабочего дня Томас распорядился убрать со всех рабочих мест часы. Никто не возражал. Работали не до шести, семи или там восьми, а пока не выдыхались. Отодвигали все в сторону, доставали пиво и крекеры, Томас сам садился за орган и пел песни. Потом там же все и засыпали. Красотища!.. А сколько дел, сколько дел было! Одних заказов на иллюминацию не сосчитать. Мы с Джоном Флин-

том даже коронацию русского царя Александра в Москве иллюминировали. Два месяца одной подготовки. Эх! Золотое время.

Все так действительно и было. Боб не врал. Фабрика работала, изобретения сыпались одно за другим: граммофон, электровоз, щелочная аккумуляторная батарея, говорящие детские игрушки, диктовальная машина — всего не перечислить.

— Чтобы изобрести что-то действительно невероятное, — любил говаривать Томас сотрудникам, — лучше не знать, что специалисты считают это невозможным.

Гениальнейшее изобретение человечества электрическая лампочка — лишь один из патентов Томаса. А всего их у него было больше тысячи.

В 1921 году состояние уже давно не молодого изобретателя оценивалось в пятнадцать миллиардов долларов. В тот же год недалеко от Пскова в деревне Пузакова гора родилась, наконец, простая русская девочка Нина. Родилась и стала расти.

А еще через десять лет, перед тем, как впасть в кому, из которой он уже не вышел, Томас Алва Эдисон сказал свои последние слова:

— Если есть загробная жизнь — хорошо. Если нет — тоже неплохо. Свою-то жизнь я прожил с удовольствием и сделал все, что смог.

Так уж совпало, что Нина тоже родилась седьмой. Хотя в семье она была старшей. Революция, интервенция, продразверстка, да вообще просто глухая псковская деревушка тех лет — одним словом, шесть старших братьев и сестер уже лежали на погосте. Не так уж страшно — четверо младших ведь выжили... Порой бывало и хуже.

Дворов было восемнадцать — почти много. В ближайшей деревне, Ильиной горе, их едва сохранилось восемь — и то не жаловались. А Нинина гора, да и деревня тоже, называлась Пузакова. Почему, отчего — кто его знает. Даже старый дед Егорыч не знал. Просто Пузакова — чем не название. Лишь бы люди жили хорошо. Жаль вот только, люди хорошо не жили.

Когда XV съезд ВКП(б) поставил курс на коллективизацию в деревне, Нине было шесть лет. Когда курс превратился в окружающую действительность — только-только стукнуло восемь.

Можно сказать, что с коллективизацией Нине почти что повезло. Во-первых, в ее семье расстреляли только отца, и то по ошибке, случайно. Торопились заезжие комиссары — разбираться было некогда. У Сашки, например, Быкова, кроме отца зацепили и мать, и одного из старших братьев. Куда грустнее. Хотя, с другой стороны, Сашка хоть знал за что — богатая была семейка. Кулачки.

Второе Нинино везение в коллективизации — это то, что беднее ее семья не стала. Она и так была самая бедная. Ну а третье — это так вообще радость: разобравшись, наконец, в сути дела комиссары повинились в своей торопливости и велели председателю только-только образованного колхоза выдать Нининой семье на два мешка зерна больше, чем другим. Смешно? Возможно. Но в ту зиму никто из братьев и сестер не умер.

В школу Нина не пошла. Вовсе не потому, что она была одна на все окрестные деревни, и шагать до нее было семь километров. Сашка Быков, к примеру, шагал. В дождь, в жару, в мороз. Никогда не жаловался. Но у Сашки были два не расстрелянных старших брата и сестра, зарабатывающие в колхозе трудовни, а у Нины одна только мать. И сама Нина. Великую и могучую страну, рвущуюся к победе коммунизма, не удивить тем, что девятилетняя девочка день за днем вырабатывала в колхозе норму взрослых: в великой стране — великие дети.

— Когда-нибудь, когда-нибудь, Ниночка, — грустно говорила ее мать, нежно обнимая четырех младших детей, — все у нас будет хорошо. Ты обязательно пойдешь в школу, выучишься всем наукам, уедешь в Псков и сама станешь там учительницей. Муж твой будет большим начальником. Не бойся — хорошим начальником. Ведь, наверное, бывают такие... А по выходным мы будем ездить друг к другу в гости.

Нина тихо улыбалась.

— И еще у тебя дома обязательно будет пианино.

— Пианино? А что это, мама?

— Пианино, дочка, — мать мечтательно закатывала глаза и вздыхала, — это такая большая штука, на которой играют музыку.

— Как на гармошке?

— Нет. Гораздо лучше. Его не надо растягивать в стороны — только сидеть рядом и нажимать блестящие белые и черные клавиши. И тогда из него играет такая нежная красивая музыка.

Нина верила маме — жизнь изменится. Когда-нибудь. А пока... Пока надо просто жить. Выживать. И помогать выживать младшим.

К сожалению, была у Нины в жизни и еще одна беда: она была некрасива. В десять лет девочка не совсем еще это понимала, в тринадцать понимала, но не придавала значения, а в шестнадцать четко поняла, что придавать этому значение лучше не надо — и так тошно. Не было у нее в жизни любви — ни первой, ни последней. К чему все это, если ответа не дождешься. Потому и подружек, наверное, не было — где подружки, там парни... А она отдельно.

Словом, было у Нины всего ничего: Света, Мишка, Коля, Леночка, мама и мечта о пианино. Были еще мозоли на руках, суматошные посевные и бессонные уборочные. Были зимы голодные, но уже давно: подросли Света с Мишкой — трудней стало больше. Младшие даже в школу пошли — хоть за них порадоваться.

— Что, безграмотная, поедешь летом в институт поступать? — издевались деревенские ребята при встрече. — Таковую красавицу везде без экзаменов примут. Это как пить дать.

Нина всякий раз терялась, краснела, быстро отворачивалась и уходила прочь.

— Вот дура, — слышала она у себя за спиной. — Даже рта раскрыть не может.

— А еще уродина.

— Это точно.

Только Сашка Быков говорил ей иногда что-нибудь хорошее, иногда помогал и воды донести от колодца, а то и еще какую мелочь. Видела она, что не от любви все это, а от жалости, но не гнать же его из-за этого. Хотя и любить не любила: полюби попробуй такого — первого отличника в школе, первого ухажера на посиделках, первого заводилу в драках... Есть он такой, да и ладно. Она тоже есть...

Так и шли год за годом — серые, хмурые будни. И никто и не знал, что бывает и хуже. Может, во всяком случае, быть...

Утром 22 июня отзвучало радио, а днем походной колонной мужчины ушли в Псков. Ушли те, кто дразнил ее, ушли те, кто не трогал, ушел и Сашка Быков. Теперь все стали равны и все дороги. Даже младший брат Мишка ушел, хотя не было ему еще и семнадцати. Только Колька остался — совсем сопляк. И старики, женщины, дети.

Группа армий «Север» стремительно развивала наступление через Литву, Латвию и Эстонию на северо-восток. Целью был Ленинград. Его и спасали — на остальное не было времени. Так что по псковской земле оккупанты шли почти без сопротивления, сразу вслед за арьергардными частями Красной Армии.

Нинина семья осталась в деревне, как и все другие семьи Пузаковой горы. Дед Егорыч ходил по дворам и успокаивал баб:

— Куда нам бежать, горемычным. Кто там нас ждет. Помрем все с голоду, сиротинушки. А тут хоть с немцем, хоть без немца — все одно дома. Прокормимся...

Бабы соглашались. Был в словах Егорыча какой-то здравый смысл. А о сожженных вместе с жителями белорусских деревень они еще не слышали. Виновато смотрели на них отступающие через Пузакову гору солдаты и офицеры. Но приказ есть приказ — надо отступать, что делать.

Мост через речку, отделявшую Ильину гору от Пузаковой, часть, отступающая последней, разумеется, должна была взорвать. Беда только в том, что отступление было беспорядочным, и командир этой самой части понятия не имел, что она последняя. Словом, мост остался стоять. По большому счету — невелика беда: речка не самая большая и отсутствие моста могло остановить фашистов лишь на пару часов, пока не наведут понтонный. Только вот иногда пара часов имеет такое большое значение.

Утро только начиналось, когда на дороге, со стороны реки, показался человек. Он не шел — бежал, но бежал медленно, уже выбившись из сил.

— Это Сашка Быков! — закричал кто-то из мальчишек, и тут же к окраине деревни стал стекаться народ.

— Мне нужны три сильные бабы, — с ходу, не отдышавшись, выпалил Сашка. — И телега с лошадьёю.

Он посмотрел на Егорыча.

— Уже запряжена, — кивнул тот и быстро поковылял к дому.

— Ты... ты, — указал пальцем Сашка на двух незамужних девок.

— И я, — вышла вперед Нина.

— И ты, — согласился он. — Со мной за дедом. Остальные хватайте детей и быстро в лес. Очень-очень быстро. Очень.

Все продолжали стоять на месте. Сашка с девками уже бежали за дедом. На ходу он обернулся.

— Я только что с Ильиной горы. Немцы согнали всех в конюшню и сожгли. Всех. Детей тоже.

Улица опустела.

Как только выехали со двора, Сашка отпустил и Егорыча.

— Беги, дед. Там еще бабам пригодиться. Мы сами, — и повернувшись к девкам, сидящим в набирающей ход телеге, продолжил: — До леса далеко. Могут не дойти — у немцев мотоциклы. Надо успеть поджечь мост.

— В мастерских керосин, — сообразила Нина.

— Знаю. Туда и едем...

Четыре бочки по двести литров — не так уж мало для хоть и крепкого, но все же деревянного моста в тридцать метров длиной. Хватило даже трех. А вот четвертую скинули неудачно: катясь и набирая скорость, она вылетела с моста в реку и утащила с собой поскользнувшегося Сашку.

— Спички, — заорал тот в отчаянном бессилии сразу, как оказался над водой. — Спички намокли.

Вдалеке за холмом, там, где стояла Ильина гора, завелся мотоцикл. Второй. Третий. Четвертый... Сашка греб к берегу. Нина летела в деревню. Девчонки разворачивали лошадь с телегою.

Забегая в крайний дом, Нина заметила вдалеке вереницу людей и лошадей,двигающихся на восток, к лесу. Далеко еще, подумала она. Схватила с печи спички, со стола короткий нож, выскочила на улицу. Навстречу — Сашка.

— Спички давай, — крикнул он. — Я сам подожгу.

С ходу воткнула нож ему в бедро. Выдернула обратно — еще может пригодиться.

— Ты теперь медленно бегаешь, — крикнула, уже несясь к мосту. — Спасибо тебе, Сашка, за все.

Не было времени объяснять, что в лесу он нужнее, что нужнее он вообще всегда и везде, а еще Нина понимала, что если немцы выйдут к мосту первые, то мужчину в советской военной форме они к нему точно не подпустят.

— Если подожгу, будет время — загрузите еды, — успела крикнуть возвращающимся на телеге девчонкам.

Хотелось передать что-то теплое и доброе маме, сестрам, Кольке, но понимала, что останавливаться нельзя.

Из-за холма на том берегу появились мотоциклы — длинная колонна. Прикинула. Рассчитала. Они будут раньше. Совсем чуть-чуть, но ведь могут еще и с того берега скосить очередь. На скорость нельзя — надо хитростью.

Нина побежала медленней, стала громко кричать и размахивать руками, привлекая внимание. Колонна остановилась, не заезжая на мост. Второй и третий мотоциклы обогнули с боков первый и стали рядом. Видимо шло совещание.

Улыбаясь самой доброй улыбкой, Нина ступила на доски.

— Гутен морген, — весело крикнула единственную фразу, которую знала по-немецки.

Чиркнули спички...

Она успела отскочить назад и увернуться от пламени, успела понять, что чем только черт не шутит — вдруг повезет, а значит надо пытаться бежать назад в деревню, через луг.

Но луг не лес... До врага тридцать метров...

Еще долго пулеметные очереди с того берега перекачивали по траве ее мертвое тело.

Яркий шар изумрудного цвета медленно плыл в безбрежной пустоте вдоль разноцветной сияющей плоскости. Выбрав одному ему известное место, он остановился.

— Хранители времени и пространства приветствуют тебя, изумрудный, — услышал он голос.

— Я отыграл двухходовку, — ответил шар.
— Знаем, — раздалось из плоскости. — Редкая заявка. Наивысший риск. Особенно в той системе псевдоизмерений, которую ты выбрал.

— В ней больше выигрыш.

— Верно. Но все же: сколько праздности, сколько подлости, сколько глупости. И жестокости.

— Просто они думают, что мир устроен так, как они думают.

— Это их не оправдывает. На это поле давно уже никто не ставит. Даже однократно. А тут такая двухходовка. Ты даже сейчас, наверное, не понимаешь, что стало бы с тобой в случае проигрыша.

— Зато я хорошо понимаю, что полагается за выигрыш.

— Правила незыблемы: твой выигрыш максимален.

— Трое из четверых?!

— Да... Кого выбираешь?

— Мне одинаково дороги все четверо — пусть решит жребий.

— Жребий решил.

Рядом с изумрудным шаром загорелись три точки: красная, желтая, голубая. Быстро набрали они размер и яркость, быстро заиграли переливами.

— Вот мы и снова вместе, друзья, — сказал изумрудный, разгораясь ярче.

— Как всегда, — улыбнулся желтый.

— Как будто не было того страшного проигрыша.

— Как будто не было вечного холода.

— И никогда уже не будет.

— Потому что времени нет.

— И нет пространства.

— Вот только оранжевый.

— Да... Оранжевый.

— Вероятность выигрыша в один ход велика, — по плоскости пробежала волна света, — ставка незначительна, проигрыш малонаказуем. Будете играть?

— Да.

— Да.

— Да.

— Да.

— И мы обязательно отыграем своего оранжевого.

— Ну что ж. Желаю удачи.

Плоскость растаяла.

Вскоре растаяли и шары.

Умный. Глупый. Сильный. Слабый. Мужчина или женщина, старик или подросток — какая разница. Кто-то там, я знаю, выбрал тебя.

На тебя надеются. В тебя верят...

Я прошу тебя — не подведи.

Тольятти, 26.02.2003

ПИСЬМО

Здравствуйте, Тома, Володя и Андрюшка!

Получили от вас письмо и фотки, за которые большое спасибо. Деревенские вышли лучше всех, особенно дети в ромашках и рыбалка. В следующее лето хочу сделать такие же слайды. И вам, и нам.

О «Литературке»: подписка на нее в Тольятти уже закрыта — мы сами опоздали подписаться. Но у нас есть знакомая киоскерша, у которой мы берем «64» (это здесь страшный дефицит), и если «Литературка» будет поступать в киоски, то мы без нее не останемся. Так что и вы заводите знакомства. Это не трудно. Почаще покупайте что-нибудь в одном и том же киоске, всегда здоровайтесь и о чем-либо говорите, а потом, когда вы уже будете постоянными покупателями, вам начнут откладывать нужные издания.

Теперь вношу ясность по посылке. Колготки — Андрюше на день рождения. Футболка — Володе на день рождения (надеюсь, по размеру подошла). Ну а книги по договоренности: вы покупаете хорошие книги нам, а мы вам. Эти я посчитала хорошими, поэтому и купила.

Колготки у нас бывают каждый месяц, но я никак не могла заловить этот момент. В этом месяце мне, наконец, повезло — продавец сказала, когда надо приходиться, и я была в очереди второй. Давали по трое колготок каждого размера в руки. Я взяла Ване трое, Лизе трое (розовые, желтые и голубые двенадцатого размера) и могла брать еще трое четырнадцатого размера, который нам никому не нужен, но упростила продавца дать мне взамен их еще одни двенадцатого и послала их вам. Взяла темные специально — светлые мальчишке ни к чему.

Пару слов о своем житье-бытье. Прошлый раз я писала, что Ваня болеет гриппом. После него заболела Лиза. Десять дней сидела с ней дома — без больничного, только на справке. «Везет». Лиза выздоровела, отдали ее снова няне, но на работу я не вышла — взяла отпуск за свой счет и стала устраивать Ваню в садик. В итоге с 1 октября он у нас в садике. Называется «Красная гвоздика». Ходит с большим удовольствием. Правда, это чуть далековато от дома (восемь остановок на автобусе), но зато почти по пути на работу, так что кто-нибудь из нас с Вовушкой встает всего минут на сорок раньше, чем прежде.

Лиза говорит все. Даже рассказывает отдельные строчки из стихов. Например: оторвали Мишке лапу (спрашивает меня:

«Зачем?») и тому подобное. Все, что просит, говорит: «Дай пожалуйста», — если не дают, пробует по-другому: «Дай на минутку». Ох и хитрая! Ваня научил ее играть в войну и хоккей. Теперь она бегает по дому с ружьями и пистолетами, с клюшкой и шайбой, бросает бомбы и гранаты, стреляет, кричит: «Го-ол!». Красота.

Вовушку назначили ответственным за подготовку нашего НИИ к участию в ноябрьской демонстрации. Сидит сейчас на кровати, сочиняет лозунги. Догадался, что пишу про него, смотрит на меня и смеется. Пойду ему помогать.

Мама приедет 4 ноября.

Ждем ответа. До свидания.

Семья Авериных.

Бог ты мой! Анечка! Я с ума схожу от этих строк.

Я говорю о письме моей матери, ксерокопию которого ты только что прочла. Ему двадцать пять лет и у меня сейчас таких семь десятков. За этот год я объездил пол-России и обобрал всех родственников. Какие-то писала мать, какие-то отец, какие-то оба сразу, а где-то и я вставлял корявые детские строчки. Словом, я собрал всё. Всё, что осталось. Разложил их в хронологическом порядке (было очень трудно — конверты со штемпелями не сохранились, а дату в самих письмах родители никогда не ставили) — получилось двенадцать лет: с семьдесят первого, когда я родился, по восемьдесят третий, когда они умерли. Двенадцать лет — целая жизнь. Маленькая счастливая жизнь маленькой счастливой семьи Авериных.

Иногда, когда вдруг выпадает у меня свободный вечер, я достаю все семьдесят и погружаюсь в них до утра. Сессии в Ленинградском университете, забавные истории с соседями по коммуналке, рождение сестры, переезд в Тольятти, рабочие будни и домашние хлопоты в новом, неизвестном городе, садики, школы, шахматы, акробатика, отпуска, командировки — господи, это все, Анечка, как живое. Я не читаю — я смеюсь и плачу. Я окунаюсь туда и еще раз живу с ними эту маленькую счастливую жизнь.

Здравствуйте, Тома, Володя, Андрей и Алешка!

Все никак не могу привыкнуть к прибавлению в вашей семье.

Спасибо за письмо и за кофе. Не могу удержаться — начну сразу с югов. Анапа — это детский курортный городок. Туда нам посоветовали ехать наши соседи, которые были там этим летом вместе с сыном.

Мы очень довольны поездкой. Всю дорогу до Тоннельной были в купе одни. Чудесно доехали. Половина вагона была пустая. В Тоннельной сошли полчетвертого утра и тут же сели в «левый» автобус до Анапы. В городе на выходе из автобуса на нас сразу накинудись квартиросдатчики. Мы выбрали комнату недалеко от моря, правда, она была чуть подороже, но зато рядом с рынком, и еще хозяйка разрешила нам пользоваться плитой сколько угодно, взяв лишь один рубль за газ за все время. Готовили мы всегда сами — в столовки не ходили.

Ваня и Лиза из воды не вылазили: амфибии какие-то. А какой там пляж, Тома, если б ты знала! Дно стелется барханами. Идешь: по колено, по пояс, снова по колено, по грудь, по пояс, по шею, опять по колено — а уже на сто метров ушел. Ваня как узнал, что в такой дали и так мелко, сразу сказал: «Хочу туда». Лиза, разумеется, от него ни на шаг: «И меня ведите!» Так и водили с Вовушкой их в самую даль. Правильнее сказать — буксировали.

Забавный там с нами произошел случай. Вовушка с детьми плескался на самой дальней мелкой точке, а я решила поплавать еще дальше, в глубине. Отошла от них метров на двадцать, уже плыть собралась. Вдруг прямо перед моим носом из воды что-то большое и черное — рукой можно дотянуться. Я давай визжать и бегом назад к своим. А эти головорезы стоят там по колено, смотрят на меня и смеются. Старший-то ладно — только смеется, а эти двое еще и в ладоши от счастья хлопают. Оказалось, дельфины это были. Парочка. Дети первый раз живьем увидели. Я тоже.

В общем, мы очень довольны. Денег извели (вместе с дорогой) 400 рублей, включая сюда и то, что привезли с собой 20 кг винограда, персиков кг 3, гранатов кг 2, кизила кг 10 и очень много дынь и арбузов (в кг мне трудно выразить это, поскольку покупали мы их дорогой, а там продажа идет штучно). Доехали назад тоже чудесно, через Волгоград и Саратов. Если бы знали, что так хорошо переседем в Сызрани, то накупили бы всего вдвое больше.

А получилось так, что Ваня у нас в пути заболел — температура под сорок. С нами ехала врач, и она посоветовала не заявлять об этом проводнику, ибо ссадят с поезда без всяких разговоров. У нее был анальгин, и она все время сбивала им Ванюшке температуру. В общем, к Сызрани все знали, что Ваня болеет, поэтому высаживал нас весь вагон. Вовушка за пять минут нашел такси и подъехал прямо к поезду. За свой багаж мы даже не брались — все уложили провожающие нас пассажиры. И на такси доехали прямо до подъезда.

Правда, дома заболела еще и Лиза. В связи с этим, как раз, у нас к вам большая просьба. Когда детишки болели, им нужно было срочно делать уколы пенициллина. Но в аптеках его не было и нет.

Через знакомых знакомых мы его все-таки достали, но только с возвратом. Не сможете ли вы купить его у себя в Ленинграде? Рецепт я высылаю, он на 10 флаконов, но, если сможете, купите 20, так как мы должны отдать 12, а часть, про запас, оставим у себя. Кстати, советую и вам иметь пенициллин на всякий случай. Растворитель для него — новокаин — у меня есть, покупать и высылать его не надо.

Ну, вот пока и все. Да, забыла — в Доме книги у нас бывают в продаже тома Большой Советской Энциклопедии (сейчас есть с 19 по 23, и 26). Надо вам? Цена одного 5 рублей 50 копеек.

До свидания. Пишите.

Семья Авериных.

Если с момента последней нашей встречи ничего с тобой страшного не стряслось и ты у меня, Анечка, такая же умная, как и раньше, то, я уверен, это письмо ты читаешь в предложенной (и уложенной) мною последовательности. То есть вначале ты прочитала про колготки, потом всякую мою лирику, далее про Анапу, сейчас вот это, а к остальному еще не прикасалась. Молодец, если так. Дело в том, что это очень важно. Постарайся продолжать в том же духе, не забегай вперед, а иначе у тебя собьется последовательность восприятия, и ты мне не поверишь.

Итак, мне медленно-медленно надо подготовить тебя, Анечка, кое к чему. Это самое кое-что случилось со мной совсем недавно, и я пока никому о нем не рассказывал: ни жене, ни друзьям, ни детям. Ты первая. Так что брось, если читаешь на ходу, все свои дела и сядь куда-нибудь удобно и основательно.

Села? Настроилась? Тогда начнем. И запомни: каким бы невероятным тебе не показалось то, что я напишу — все это правда. И я еще не в дурдоме.

Следующий лист — письмо моего отца.

Читай.

Здоровеньки булы, родственники: Володя, Тома, Андрей и Алешка! Большой привет вам из Тольятти — просто огромный. Даже четыре. Все тут у нас восхитительно, за исключением, может, редких мелочей, но наше упрямое жизнелюбие такими мелочами не испортить.

Например, стоит плохая погода, и на огороде ничего не растет. Ну и бог с ним. Танюшка, наверное, уже писала, что на пустыре за нашим НИИ начальство выделило нам за активную комсомольскую

деятельность небольшой участок земли. Мы гордо называем его «наш огород». Не смотря на его скромные размеры, насажали мы там все же изрядно: картошку, морковь, зелень, помидоры, огурцы, тыкву, подсолнухи, горох, дыню и даже один арбуз (Ваня нашел где-то заваливавшееся зернышко и собственноручно закопал в землю). Каждый обед наведываемся считать листики. Знаем, что мало, но все равно приятно — свое, родное.

Ваня ходит у нас теперь в секцию фигурного катания. Немного напрягает, что я часто бываю в командировках и тогда Танюшке становится трудновато его водить, но ничего — скоро уже вырастет и будет ходить сам. Навыками личной гигиены он уже овладел: каждое утро, прежде чем идти в садик, сам просит меня или Танюшку проверить ему уши — не грязные ли. В новый садик он ходит уже самостоятельно. Это минут десять ходьбы от дома, и проезжие части пересекать не надо, так что мы не волнуемся.

По вечерам продолжаем посещать курсы немецкого. Как и прежде, ходим с Танюшкой по очереди (второй сидит с детьми), а потом рассказываем друг другу, что было на занятии и какое дали домашнее задание. Даже не смотря на пропуски, мы занимаемся лучше всех, и преподаватели закрывают на наши прогулы глаза.

Да, Тома, ты, если сможешь, купи Танюшке брюки летом. С 1 сентября будет подорожание на изделия из натуральных продуктов, так что шерстяные брюки, естественно, будут стоить дороже. Выслать же можешь не торопиться — отправишь, как будет свободно со временем.

Пенициллин можешь уже не покупать, у нас его теперь полно — мы вам сами пришлем. С ним вышла удивительная и таинственная история. Слушайте.

Как вы знаете, мы в течение полугода не могли этот самый пенициллин нигде найти и, разумеется, никак не могли рассчитаться с долгом. Было очень неудобно, хотя знакомые знакомых нас не подгоняли — видимо, понимали, что мы не нарочно. Просто не можем. И тут вдруг, как на грех, внезапно заболела Лиза. Опять бронхит и опять высоченная температура. Врач в поликлинике сказала, что непременно надо колоть пенициллин и снова выписала рецепт. Только толку-то от рецепта, если в аптеках пусто. Я шел по коридору поликлиники к гардеробу, нес на руках грустную мою дочку и абсолютно не знал, что же делать дальше. Вдруг впереди я увидел врача — мужчину лет тридцати в белом халате. Он стоял с большой тряпичной сумкой в руках и смотрел на меня. Было такое ощущение, что я ужасно много раз его встречал раньше, только вот никак не мог понять — где. Еще я почему-то сразу понял, что ждет он именно меня. И еще, что самое интересное и загадочное, и что я никак не

могу объяснить, я почему-то сразу перестал волноваться за Лизу. Мистика прямо какая-то.

— Все будет хорошо, не волнуйтесь, — сказал он, потом протянул мне сумку и добавил: — Здесь пенициллин. Это вам от профкома. До свидания.

Вежливо, за локоть, он подтолкнул меня к гардеробу, а сам ушел по коридору туда, откуда пришел я.

Всю дорогу до дома я шел как обалдевший. Обалдевший и радостный. В сумке было двести флаконов! Я смотрел в этот вечер, как Танюшка делает Лизе первый укол, какая она спокойная и уверенная, что иначе и быть не могло, как рада, что помогает этому горячему маленькому созданыцу, как довольна, что есть у нее такой вот муж — одним словом, я смотрел и ощущал себя самым счастливым отцом и мужем в мире.

Даже Лиза понимала, какой это чудесный вечер, поэтому в процессе получения укола не плакала, а на вопрос, почему ты не плачешь, ответила:

— Я гыга. Я терплю.

Кто такие гыги, мы пока еще окончательно не выяснили (Лиза их сама выдумала), но, видимо, существа во всех отношениях положительные. И еще оказалось, что гыги быстро выздоравливают.

С книгами мы вам отправили 20 флаконов. На всякий случай. На всех был стерт срок годности, но вы не переживайте — пенициллин хороший. Я уверен.

Того врача в поликлинике я не нашел. Среди медперсонала там оказалось всего четверо мужчин и всем за пятьдесят. Я почему-то чувствовал, что так и будет. Хотя есть у меня и другое чувство: уверен, что мы с ним обязательно еще встретимся.

Вот вроде и все новости.

До свидания. Пишите.

Семья Авериных.

Я надеюсь, ты все уже поняла, Анечка.

Да, это был я. Не мог не помочь отцу. Вот, помог... Что тут необычного?

Ох, Анечка, Анечка! Если бы ты знала, что творится в моей голове — какие противоположные крайности умудряются одновременно сосуществовать в одном обыкновенном сознании.

Я не жалею, нет. Наоборот, я безумно доволен всем этим. С одной стороны, оказалось, что порядок вещей в этом мире неизмеримо сложнее, чем я думал (по-моему, в нем вообще нет никакого порядка).

С другой — все, оказывается, так просто. Стоит только захотеть, Анечка. Очень сильно захотеть. Очень. И все будет так, как ты захочешь.

Я уже писал тебе, что засиживался в родительских письмах до утра. Я до того увлекался их чтением, что переставал воспринимать окружающий мир и начинал жить с ними: с отцом, с матерью, с моей маленькой младшей сестренкой, с самим собой — шалопаем. Раз за разом больше, раз за разом глубже, пока в одну из таких читок я вдруг не ощутил, что вовсе, Анечка, я уже не читаю, что я хожу, дышу, смотрю и вижу в том нашем мире. По полной программе. Шүрюсь от солнца. Укрываюсь от дождя. На девушек засматриваюсь. Одеты они по чудному — но все равно красивые. Родители — вот они, рядом. Живые, молодые, счастливые. Я не вмешиваюсь — просто люблюсь. Хорошо.

А потом в том месте больно мне за отца стало. Письмо-то раньше другим было. Не нашел он пенициллина — шел домой и плакал. Без звука, без слез — чтобы Лиза не видела — но все равно плакал. Никогда: ни раньше, ни позже — больше у него такого не было. В любой беде не то что терпел, наоборот — смеялся. Разве это беда, говорил — так, мелочи. Прорвемся. А тут не смог — не от боли, от бессилия. Как войти в дом, что сказать жене, как объяснить уже все понимающему сыну, чем помочь дочери. И ведь ничего, ничего нельзя сделать. Развитаой социализм хренов.

Я раз с ним вместе прошел, два. А потом не вытерпел — потом пошел в аптеку, что с торца моего дома, взял двести флаконов (больше там не было), стер сроки годности, сумку раскопал в кладовке, чтоб к тому времени подходила, надел белый халат медицинский и сел читать письма.

Утром дети мимо пробегали (в индейцев играли) — ты чего, говорят, папа, в халате белом спишь. Жена заглядывает — тоже смеется. Надо, говорю, так. Смотрю: сумки нет, письма по кровати разбросаны. Нашел нужное, читаю — все в порядке. Начало такое же, как было, а конец уже мой — про меня то есть и по-моему. Что, думаю, гады? Выкусили? Обалдеть просто, Анечка.

С тех пор пока больше не вмешиваюсь. Хожу рядом. Чего мешать — все там у них прекрасно. Все замечательно. И ты не думай, я это не так уж и часто: два, три раза в месяц — не больше. Потому как самому жить хочется, своих дел по горло, жена у меня чудо, дети — словами не выразить, и вообще, все у меня тоже замечательно. Ничем не хуже, чем у той моей семьи Авериных.

Иногда, Анечка, я думаю, что я уже умер. Там, где-то. В будущем. Как умерли мои родители. Но оказалось, что живут. Живут в прошлом,

нашем с тобой прошлом. Но для них это самое что ни на есть настоящее. Живут они там себе и радуются.

Так и я. Живу. Работаю. Люблю. Радуюсь. И еще, Анечка, теперь я абсолютно уверен, что случись в моей жизни какая-либо беда — мне помогут. Возможно, это будет молодой мужчина с очень знакомым мне лицом, хотя не исключено, что будет это ничуть не менее знакомая красивая молодая женщина.

Надеюсь, у меня и еще будут дети.

Вот, наверное, и все, девочка, что я хотел тебе сегодня поведать.

До свидания. Пиши.

Немножко твой Иван Аверин.

Тольятти, 19.09.2003

ТЫ МНЕ НИЧЕМ НЕ СМОЖЕШЬ ПОМОЧЬ

Каждый волен любить кого угодно и что угодно. Виктор любил дорогу. Неровную и извилистую дорогу, вернее даже небольшую часть ее, что шла от обветшалого деревянного маяка до дома старого рыбака, жившего на краю безымянной деревушки под стенами портового города.

Тридцать лет каждый вечер Виктор зажигал огонь в маяке и каждое утро тушил его. Раз в месяц из города, видимо, по пути в соседний, заезжал человек и привозил денег, которых как раз хватало, чтобы скромно прокормиться до следующего месяца. И все тридцать лет, каждое воскресенье, потушив огонь в маяке, Виктор брал маленькую тележку и поднимался по пологой тропинке на свидание со своей возлюбленной — с дорогой.

Возлюбленная его, казалось, отвечала Виктору взаимностью, потому как словно готовилась к встрече и почти каждый раз надевала новый наряд — то сухой и пыльный, то приятно-свежий, то сырой и грязный, а бывало, что белый и пушистый. Виктор знал на дороге все ямы и кочки, мог на память сказать, сколько деревьев в каждой придорожной роще, какие они, в какой последовательности распускаются, цветут, желтеют и облетают. А цветы!.. Цветы были лучшим украшением его возлюбленной. Это были маленькие полевые цветы, названий большинства из которых Виктор даже не знал, но зато наизусть помнил, за каким поворотом и в какое воскресенье какие из них зацветут. И самыми любимыми его цветами были одуванчики, а самым любимым местом дороги — большая одуванчиковая поляна почти в самом начале пути, проходя мимо которой каждый раз Виктор останавливался на пять-десять минут и погружался вначале в созерцание, а потом в воспоминания о чем-то, что случилось давно-давно, когда не был он еще зрителем маяка, не ходил по этой дороге, не плакал и не улыбался, глядя на эти прекрасные цветы.

Каждый раз Виктор направлялся с тележкой в одно и то же место — к рыбаку Тому и его жене Марте, которые были так стары, что уже перестали считать, сколько им лет. Он приносил им денег — они нагружали его тележку необходимыми на неделю продуктами. Выбор и укладка продуктов занимали не больше четверти часа, но за это время старуха успевала обстоятельно рассказать, кто за эту неделю в деревне умер, кто родился, а кто женился. Старик ничего

не рассказывал, находился всегда рядом, слушал жену, печально вздыхал и иногда находил нужным вставлять что-то вроде: «Ну, старая, это уж ты загнула».

Все рассказы Марты были о людях, которых Виктор не знал, потому как никогда не ходил дальше этого дома на краю деревни. Поэтому, наверное, он пропускал почти все мимо ушей, участливо кивая и делая вид, что внимательно слушает. Тем не менее, он был рад хоть раз в неделю видеть живых людей и слышать человеческую речь, за что испытывал к старикам чувства, похожие на любовь к родителям, стараясь, правда, этого не показывать. Сами же старики со временем привыкли к Виктору, как к неотъемлемой части своей жизни, и считали его почти что за сына, тем более, что своих детей у них не было.

Когда-то у них была дочь, одна-единственная, и потому, конечно, больше жизни любимая. Как и всегда почти в таких случаях девочка выросла своенравной и избалованной, и в одну прекрасную ночь, никому ничего не сказав, убежала из дома за проезжим молодым торговцем. Что стало с ней дальше, никто не знал...

После того, как тележка наполнялась, старуха приносила кусок хлеба и небольшой кувшин молока; Виктор садился на крыльцо и не торопясь ел и пил, думая о чем-то своем, а старики садились рядом и молча смотрели на Виктора, также думая каждый о своем. Поев и поблагодарив хозяев, Виктор брал тележку и уходил по своей любимой дороге назад, к маяку. А через неделю все повторялось, повторялось вот уже тридцать лет с неизменным, но, тем не менее, приятным для всех троих постоянством. И повторялось бы еще, может быть, очень долго, но...

Она вошла во двор, когда солнце уже почти касалось горизонта. Худенькое и бледное, но вместе с тем и неопишимо красивое создание лет семнадцати в издавшем виды легком летнем платье, с небольшим холщовым мешком, перекинутым на перевязи через плечо, и висевшим на этом плече стареньким пальтишком.

Том и Марта перед крыльцом дома солили на зиму рыбу. Когда Жанна подошла на необходимое, как ей казалось, расстояние для начала разговора и хотела уже поздороваться, старуха как-то неестественно охнула, схватилась руками за виски и медленно осела на деревянную колоду, не отрывая сумасшедших глаз от гостыи. Старик сидел на другой колоде, подавшись телом вперед, наклонившись над корытом и держа в руках рыбину и нож. Он еще издали начал всматриваться в подходящую Жанну, и в тот момент, когда

вскрикнула его жена и когда девушка хотела сказать первые слова, в тот самый момент выражение лица его застыло на несколько секунд, после чего он опустил глаза, затем голову и, наконец, руки, положив беззвучно нож и рыбу на дно корыта. Так, с опущенной головой, присидел он с полминуты.

Жанна так и не поздоровалась: было уже поздно.

Когда она, узнав у прохожих дорогу, шла к рыбачьей лачуге, то волновалась тем больше, чем ближе подходила к ней. Что она скажет? Как она это скажет? Поверят ли ей, а если поверят, то как к этому отнесутся и как ее примут?... Теперь она уже не волновалась. Все произошло само собой. Видимо, права была ее мать, когда говорила, что Жанна похожа на нее в молодости как зеркальное отражение. Старики сразу узнали ее, и теперь девушка просто стояла и ждала, что же будет дальше.

Наконец, старый рыбак медленно встал и пошел к Жанне, так и не поднимая головы. Он обнял ее крепко-крепко и тихо прошептал:

— Как зовут тебя, внучка?

— Жанна, дедушка.

— Здравствуй, Жанна.

— Здравствуй, дедушка Том.

— Старуха! — крикнул дед, поворачиваясь к все еще держащейся руками за голову жене и подымая, наконец, лицо и глаза, полные слез. — Ты слышала?! Ее зовут Жанна! Жанна!.. Она наша внучка, — добавил он совсем уже тихо и лег на траву. — Она будет с нами жить.

— Дедушка, расскажи мне о нашем завтрашнем госте.

Все три дня, что Жанна провела со стариками, как только выдавалась свободная от домашних дел минутка, она приставала к ним с сотней разных вопросов. Вопросы ее охватывали буквально все стороны жизни старой четы, как во времени, так и в ближайшем пространстве. Ее интересовало, кому они продают рыбу, кто живет по соседству, когда и как они познакомились, кто проехал мимо на телеге, что они делают зимой — всего не перечесать. И если днем старые Том и Марта могли еще скрываться от ее непрекращающихся вопросов за домашними делами, то после ужина им уже деваться было некуда. Да они, в общем-то, и сами были рады удовлетворить детское еще любопытство Жанны. Они были рады всему последние три дня. Жанна очень долго шла к ним, чтобы теперь их покинуть, а обилие вопросов на бытовые темы еще более уверяло стариков, что счастье, в лице внучки, не покинет их теперь до самой смерти...

Назавтра они ждали Виктора. После ухода дочери он тридцать лет был Тому и Марте самым близким человеком в их горе. Теперь, когда в их жизнь вошла внучка и радость прямо-таки переполняла их сердца, им так хотелось поделиться этой радостью с тем, кого они любили и кому ее все еще так не хватало.

Марта и Жанна заранее готовили праздничный обед. Том, с утра еще купив вина, чувствовал свое участие в подготовке застолья завершённым, потому спокойно отдыхал полулежа на кровати, созерцал работу женщин, и, не торопясь, удовлетворял внучкино любопытство как можно более полными ответами.

— Мы со старухой, внучка, ничего почти не знаем о нем. Но все же мы знаем больше, чем другие, потому что другие вообще ничего о нем не знают.

Том замолчал, выжидая, когда Жанна, заинтересованная таким загадочным началом, попросит его продолжить дальше, что и последовало незамедлительно.

— Не думаю, дедушка, что это так. Судя по тому, как вы готовитесь к его приходу, он вам вместо сына родного, а про своих сыновей родители обычно знают все.

— Умно ты, внучка, говоришь, да не все в жизни по уму выходит. А то, что вместо сына он нам — это ты правду заметила. Стало быть, помрем мы — бог даст, и за отца тебе будет, — последнюю фразу старик сказал тихо, самому себе, и, заметив, что Жанна выжидательно на него смотрит, продолжил прежним голосом: — Он пришел в деревню тридцать лет назад, через несколько месяцев после ухода твоей матери, по той же дороге, по которой пришла ты, но только с обратной стороны, от маяка. Наш дом стоял, да и сейчас стоит первым, и он, не раздумывая, завернул к нам во двор. Он назвался Виктором. Может, на самом деле так его звали раньше, может, сказал первое пришедшее на ум имя — не знаю. Ему было тогда примерно столько же, сколько тебе сейчас — совсем еще мальчик — но говорил он как взрослый мужчина, а глядел как старик. Он был новым смотрителем маяка, и поэтому у него были деньги, а у нас была рыба, ну, за счет рыбы, и все остальное. Мы быстро договорились. Дальше в деревню он не пошел: поужинал у нас и ушел обратно к маяку. А потом он стал ходить к нам с маленькой тележкой каждое воскресенье...

— Да-а, не густо. Я бы даже осмелилась сказать, что вы с бабушкой знаете о нем ровно столько же, сколько и все другие — то есть ничего.

Тома не задело колкое замечание внучки. Наверное, он был готов к этому, так как ответил сразу, не задумываясь, а в голосе его

исчез оттенок ленивого и довольного повествования и появилась, впервые за эти три дня, неизвестная еще Жанне интонация приобретенного с годами серьезного глубокомыслия:

— Мы знаем, что это за человек — и это уже много. За старуху говорить не буду, а я порой знаю, что он чувствует и как он это чувствует... Думаю, что знаю.

Жанна помолчала некоторое время, желая убедиться, что дед сказал все, после чего спросила тоже изменившимся в серьезную сторону голосом:

— Дедушка, а почему ты думаешь, что он мог назваться другим именем?

— Потому, что после того, что с ним случилось, он перестал быть тем человеком, которым был раньше.

— Так, значит, ты все-таки знаешь, что с ним произошло?

— Нет, внучка. Не знаю. Но поверь мне — очень хочу узнать.

— А вы спрашивали?

— Нет.

— Почему?

— Я же сказал, что знаю, что он чувствует. Он не хочет, чтобы мы его спрашивали. Потому мы со старухой ждем, когда расскажет сам. И он знает, что мы ждем.

— Тридцать лет, дедушка. Не слишком ли долго вы ждете?

— У него свое понятие времени. Ему, молодому, не кажется слишком долгим столько лет жить один на один со своими мыслями и больше ни с кем. Что уж тут о нас говорить... Ладно. Пора спать, внучка. Завтра будет хороший день.

— Мама говорит, что когда она была такой маленькой девочкой как я, у нее тоже были некрасивые волосы. А потом она выросла, и волосы у нее стали красивыми-красивыми. И поэтому ее полюбил папа, — Лиза говорила, не смотря на Виктора; взгляд ее был прикован к своим маленьким рукам, которыми она ловко вплетала в венок все новые и новые одуванчики. — Она была самая красивая девушка. Ее любили все мужчины в деревне, и все хотели на ней жениться. Но она любила только папу, потому что он был самый смелый и никого не боялся. И еще он сказал, что всегда будет защищать ее и никогда не оставит одну. А потом они поженились.

Девочка доплела венок, придирчиво его осмотрела, поправила два-три цветка, после чего аккуратно и по-детски кокетливо надела его на свою голову, покрытую копной немых, спутанных волос непонятного цвета. Своей запущенностью волосы не составляли

исключения в ее внешнем облике: платье было старое, все в заплатах, руки-ноги в синяках, под ногтями грязь. Однако, это ее несколько не смущало — все деревенские девчонки были такими, а о мальчишках и говорить не приходилось. Но зато никто из подружек Лизы не мог украшать себя такими красивыми венками из одуванчиков. Их венки были жидкими и невзрачными, а она плела только ей одной известным способом пышные и прекрасные венки. Этому искусству Лизу обучила тетя Мария, младшая сестра ее отца, перед тем как выйти замуж за городского ремесленника и уехать с ним в город. Стебли одуванчиков переплетались между собой так замысловато, что все, кто бы ни пытался понять принцип сплетения их, вскоре отказывались от этой пустой затеи. Сама же Лиза в свои девять лет была не настолько глупа, чтобы делиться секретом с подружками и таким образом лишать себя приятного чувства осознания своей исключительности.

— Готово. Можешь поворачиваться.

Все время, пока Лиза плела венки, Виктор сидел к ней спиной, слушал ее милую болтовню и думал о том, как прекрасно было бы жить там, где всегда лето. Тогда он мог бы каждый день убежать с Лизой на луг, где, растянувшись на желто-зеленой поляне, они смотрели бы на бегущие над их головами облака и говорили бы о взрослых серьезных вещах. Виктор не испытывал и тени сомнения в том, что Лиза — самая красивая, самая добрая и самая умная девочка в мире. Причем он был абсолютно уверен, что не только все дети, но и все взрослые думали о Лизе так же как и он, а потому не без основания был горд собою — ведь он был единственным мальчишкой, с которым Лиза дружила.

— Когда я вырасту, — продолжила свою мысль девочка после того, как Виктор повернулся к ней лицом, — мои волосы станут красивыми как у мамы, и меня тоже будут любить все мужчины...

Лиза легла на спину, погрузившись в пушистое желтое одеяло из одуванчиков, мечтательно закрыла глаза и минут пять лежала молча. На лице ее играла счастливая улыбка. Виктор понял, что сейчас она умчалась мыслями в то время, о котором она говорила: она видит себя взрослой девушкой в красивом платье, волосы ее, длинные и густые, блестят на солнце, она бежит по зеленому лугу к реке, легко ступая ногами по мягкой траве, и смеется. Смеется не потому, что ей смешно. Нет. Она смеется, потому что светит солнце, потому что течет река, потому что трава такая зеленая, а небо такое синее, потому что она самая красивая девушка в мире, потому что поют птицы и стрекочут кузнечики... И еще много, много потому что.

Виктор смотрел на ее счастливое лицо и боялся пошевелиться, чтобы не дай бог не вернуть свою подругу обратно раньше, чем она сама этого захочет.

— И ты тоже будешь меня любить. Правда? — Лиза открыла глаза и смотрела, не улыбаясь, на Виктора.

Вместо ответа тот едва заметно улыбнулся, медленно-медленно потупил взор и негромко сладко вздохнул. Все это он проделал машинально, не задумываясь над своими действиями, и тут же понял, что отвечать уже не надо — Лиза лукаво улыбалась, ужасно довольная его реакцией и тем, что застала его врасплох. Может быть, какой другой мальчишка, будь он на месте Виктора, вот так вот просто раскрывшись перед девчонкой, счел бы уязвленным свою мальчишескую гордость. Виктора же наоборот охватило какое-то приятное волнение: ему нравилось, что он доставил Лизе удовольствие.

Девочка почувствовала, что по ее кисти ползет какая-то букашка. Она поднесла руку к глазам — это была божья коровка.

— Божья коровка, улети на небо, — девочка подняла тонкую руку вверх, нараспев читая положенную для такой ситуации песенку, — дам тебе хлеба... Расскажи мне, — почти без паузы обратилась Лиза к Виктору, как только божья коровка выполнила ее просьбу и улетела, — о чем ты думаешь, когда я вот так вот лежу с закрытыми глазами и мечтаю, а ты смотришь на меня.

Виктор снова опустил глаза в землю. Он размышлял. Мальчик не вспоминал, о чем он думает в эти моменты, он прекрасно знал это, потому как думал всегда об одном и том же. Но он размышлял о том, стоит ли говорить об этом Лизе. С одной стороны, он хотел сделать ей приятное — его мысли однозначно польстили бы девчонкиному детскому самолюбию, с другой — он боялся, что кроме этого его мысли могут еще показаться пусть даже совсем немножко, но смешными. Ему они такими не казались, но, как это будет выглядеть со стороны, он не знал.

Лиза перекатилась на бок и приподнялась на локте. Она пристально смотрела на Виктора, и лицо ее стало внимательным и серьезным.

— Я не буду смеяться, — сказала она таким голосом, что Виктор поверил — это на самом деле так. — И сердиться тоже, — добавила она. — И еще я тебе обещаю, что тоже расскажу, о чем я думаю, когда ты меня попросишь. Честно-честно.

Виктор понял, что выбора не осталось.

— Я не думаю. Я чувствую, — он говорил медленно, стараясь подобрать нужные слова. — Сначала я просто смотрю на тебя и

чувствую, как тебе хорошо. И поэтому мне тоже хорошо... А потом я чувствую, что что-то хочет сделать тебе плохо. Я не думаю, что это такое, что оно хочет сделать, и откуда оно взялось — не хочу думать. Я просто чувствую, что не дам этому тебя обидеть. Я весь напрягаюсь и как будто бы борюсь с этим — не даю ему до тебя добраться. И оно отступает... убегает... исчезает. И тогда я снова смотрю на тебя и чувствую себя еще лучше, чем в самом начале.

Оба молчали. Он старался поставить себя на ее место, чтобы понять: не смешно ли было то, что он сказал. Она же пыталась мысленно войти в его роль и почувствовать, как он: все то же, в той же последовательности.

А кругом было раннее лето, теплое солнце, синее небо и сводящие с ума своей кричащей желтизной одуванчики, четкие очертания которых все более и более стали расплываться в глазах Виктора.

Виктор вытер рукавом навернувшиеся на глаза слезы, и каждый цветок снова приобрел четкие контуры. Было свежее летнее утро, воскресенье. Солнце уже оторвалось от горизонта, и Виктор сидел на краю своей любимой дороги, опершись спиной о тележку, и смотрел на свою любимую поляну. Впереди был обычный день: не плохой, не хороший — такой же, как десять тысяч других таких же дней на его маяке, и это Виктора вполне устраивало.

То, что что-то случилось, Виктор понял сразу. Достаточно было увидеть лицо встретившей его у порога Марты. Это было лицо человека, очень старающегося до поры до времени не подавать виду, что у него есть удивительная новость, и, вместе с тем, предвкушающего произвести сногшибательное впечатление внезапным сообщением этой самой новости. Кроме того, старушку выдавал ее наряд. Нельзя сказать, что это было что-то хоть чуть-чуть красивое, но все же это был, в некотором смысле этого слова, наряд, чего на Марте никогда раньше не бывало.

Виктор не стал огорчать хозяйку лишними вопросами, демонстрируя свою наблюдательность. Он спокойно поздоровался и прошел за ней внутрь дома, приготовившись увидеть нечто неожиданное.

То, что он увидел, было больше чем неожиданно. Большая комната, всегда, сколько мог помнить Виктор, находившаяся в состоянии рабочего беспорядка, впервые была прибрана. Стол, раньше всегда стоявший в углу, был выдвинут в середину комнаты и накрыт скатертью. На столе стояли обед и вино. А за столом сидели доволь-

ный Том, старающийся делать вид, что ничего-то особенного и не случилось, и Жанна.

Виктор привык скрывать свои чувства, но тут надо было отдать должное старикам — они застали его врасплох — и теперь он стоял посреди комнаты с совершенно растерянным видом, ожидая, как же все это объяснится.

— Здравствуй, Виктор, — наконец сказал Том. — Ее зовут Жанна. Она наша внучка. Внучка самая настоящая, кровь от крови, плоть от плоти — наша, в общем, — старик начал запинаться, делая паузы между словами. — Моя и старухина. Ее бедная мама, наша дочь, — голос его начал дрожать. — В общем, это длинная история и... и мы сегодня никуда не торопимся, в общем. Так вот, мы надеялись, что, может быть, ты не обидишь нас, стариков, посидишь с нами, послушаешь о нашей радости, выпьешь с нами вина, пообедаеть.

— Да. Проходи, Виктор, присаживайся за стол, — присоединилась к мужу Марта, причем прозвучало это не как приглашение, а как отчаянная просьба, отказать в которой мог только человек безжалостный.

Виктор как раз и был таким человеком.

Он стоял и думал.

И все же он не отказал. То ли потому, что безжалостным он был больше всего к себе самому, а на других это чувство распространялось лишь по инерции, то ли потому, что, будучи безжалостным, он не был бесстыдным. А стоило ему посмотреть в не отрывающиеся от него глаза этой хрупкой девочки, уже успевшей, видимо, полюбить своих деда с бабушкой, и потому смотревшей вначале любопытно, потом просяще и, наконец, по мере затягивания разрешения им этой ситуации, с какой-то детской злобой — стоило посмотреть в эти живые и впечатлительные глаза, как Виктор понял, что если он откажет в просьбе старикам, ему будет стыдно и перед ними, и перед Жанной, и от этого стыда отделается он не скоро.

— Хорошо, — сказал он, и все облегченно вздохнули. — Здравствуй, Жанна. Меня зовут Виктором.

— Здравствуй, Виктор, — ответила девушка, быстро сменив гнев на милость. — Уже премного о тебе наслышана.

Виктор сел за стол. Марта захлопотала вокруг, выбирая гостю самые лучшие куски.

— Только давайте договоримся сразу. Вы, Том и Марта, знаете меня давно и поэтому должны меня понять, — Виктор на несколько секунд задумался, подбирая нужные слова. — Если бы я смог себе позволить сейчас пить вино и веселиться, то я не смог бы позволить себе прожить так долго на этом маяке и, вообще, быть

тем, кто я есть. Я буду очень рад вас выслушать. Скажу больше, я даже очень хочу вас выслушать. И еще я хочу, чтобы вы пили, ели и веселились, как вы того хотели. И я буду есть... И слушать... И говорить, если будет, что сказать. Вот только вина я пить не буду. Хорошо?

— Хорошо, — ответил Том веселым тоном, понимающе кивая. — Но только ешь медленно: огонь зажигать тебе еще не скоро.

Они вышли провожать его все трое. У всех троих было прекрасное настроение. Жизнь казалась одним большим и светлым праздником. Виктор тоже казался довольным.

— Спасибо за обед. Все было очень вкусно, Марта...

Виктор как-то неуютно замешкался и опустил взгляд в землю.

— Знаете... У меня к вам будет просьба. Я очень хочу, чтобы все оставалось так, как и раньше. Я буду приходить к вам и забирать продукты, а вы — угощать меня хлебом и молоком, — и после небольшого раздумья добавил. — Вот, наверное, и все, что я хотел сказать.

Виктор продолжал стоять и смотреть в землю, чувствуя себя несколько неловко, хотя и не ощущая за собой вины. С одной стороны, он сказал то, что должен был сказать, с другой — он все же хоть чуть-чуть, но обидел этих добрых людей. Неопределенность его положения ловко разрешил старый умный Том, прервав молчание спокойным голосом, лишенным всякого намека на обиду:

— Ну что ж. Тогда, наверное, до следующего воскресенья.

— До следующего воскресенья, Том. До следующего воскресенья, Марта и Жанна.

— До свидания.

— До встречи. Очень рада была с тобой познакомиться.

И Марта, и Жанна прощались с ним, как с хорошим другом, и Виктор успокоился. Он улыбнулся напоследок, повернулся к ним спиной и покатил тележку, но через несколько шагов остановился и обернулся. Том, Марта и Жанна не двигались с места и смотрели на него.

— Знаете, — теперь уже без тени неловкости промолвил он, — я все же не договорил. Я хотел сказать, что очень рад за вас, что все у вас так хорошо получилось. А за меня не беспокойтесь. У меня тоже все хорошо.

— Кто бы мог подумать, — с явной иронией пробубнил себе самому старший рыбак, глядя, как не оглядываясь уходит Виктор.

— Скажи, Виктор, вот я давно уже думаю: чувствовать себя неустранимым героем в глазах любимой девушки, это что, разве верх мужского счастья.

— Я что-то не совсем тебя понимаю, Лиза. Ты к чему это?

— А помнишь, лет пять-шесть назад, мы вот так же с тобой лежали в этих одуванчиках, и я спросила тебя, о чем ты думаешь, когда я мечтаю, а ты на меня смотришь.

— Вон ты о чем. А почему не спросила сразу, тогда?

— Тогда мне твой ответ показался естественным. Нам и было в то лето лет по девять, наверное. Не больше. Я спросила, ты ответил — ничего необычного. А сейчас, все-таки, мы постарше стали и думаем чуть по-другому. Я-то точно. А ты?

— Ну, если честно, то наполовину по-другому. А половина осталась та же. Наверное, так и должно быть.

— Наверное... Так вот я теперь ставлю себя на твое место, и эта новая моя половина начинает интересоваться — так ли ты мне все рассказывал, как чувствовал, и если так, то правда ли, что это все, о чем мечтают мальчишки и мужчины. Или ты мне что-то не договорил тогда.

— Ты знаешь, тогда я думал, что сказал все. Но сейчас я, как и ты, стал как-то глубже смотреть на вещи. И я думаю, нет — я знаю, что я не сказал тогда главного.

— Так скажи сейчас.

— Ты думаешь надо?

— Ну, если говорить твоими словами — я не думаю, я знаю, что надо.

Виктор перекатился на спину, раскинул в стороны руки и сладко потянулся.

— Ты застала меня врасплох, — сказал он, глядя в небо. — Мне, если честно, надо подумать, что я скажу. Нет. Ты не переживай, что я стану что-то сочинять. Если бы я мог передать тебе мои чувства без слов, я бы не задумывался. Но чтобы выразить чувства в словах и не ошибиться, мне надо подготовиться. Так что я полежу, подумаю. Ладно?

— Ладно. А я пока помечтаю, — вслед за Виктором Лиза перекадилась на спину, закинув руки за голову.

Виктор думал долго. Лиза его не торопила. Наконец, он перевернулся обратно на живот и приподнялся на локтях. Ему нужно было смотреть на Лизу и, конечно, чтобы Лиза смотрела на него. Она почувствовала это и перевернулась на бок, подставив руку под голову.

— Ну-у, за полную точность я не ручаюсь, но близко к правде попробую. В те моменты, когда это что-то хотело тебя обидеть, я не ощущал себя отважным героем. Мне было страшно, точнее, я заставлял себя чувствовать, что мне страшно. И еще я заставлял себя чувствовать, что, когда я борюсь с этим, оно делает мне плохо. Очень плохо. Так плохо, что мне казалось, весь мир должен жалеть меня, и хуже моего состояния ничего не может быть. И самое главное — я был на самом деле не уверен в исходе этого поединка, иначе этой боли и страха не было бы и не было бы всего дальнейшего, ради чего я все это придумывал.

— И ты специально нагонял на себя все эти напасти для того, чтобы ощутить себя человеком, который пошел на все и остался стоять до конца, как бы плохо не было, лишь бы защитить меня.

— Все-то ты знаешь... Да, так и было. И поэтому я был потом так счастлив. Но и это еще не все. Самым прекрасным ощущением было чувство того, что ты, Лиза, якобы видишь все это, видишь, через что я прошел ради твоего спокойствия, и поэтому веришь в меня и знаешь, что, что бы ни случилось, я обязательно останусь с тобой и смогу тебе помочь.

— Да-а, — помолчав немного, представив и прочувствовав услышанное, вдумчиво протянула Лиза. — Не знаю как ты, ну а я на твоём месте гордилась бы собой только за одно то, что мечтаю о таком.

Ответа не последовало. Видимо, Виктор не хотел сообщать Лизе, гордится он или не гордится за себя сам на своём месте.

— Виктор, а если опасность будет грозить мне по-настоящему.

— Она и грозила тебе по-настоящему. Наверное, где-то я сбился, и ты не все поняла.

— Теперь все, Виктор. Прости. Я просто поспешила.

— Ничего, все нормально — спокойно отреагировал мальчик, а про себя добавил: — Все равно сбился.

Немного помолчала. Пора было разбежаться по домам: работы много, и на их руки родители уже давно привыкли рассчитывать.

Лизин дом стоял первым. Уже зайдя во двор, она обернулась и посмотрела на провожающего ее взглядом Виктора.

— Знаешь, каждый раз, когда мы с тобой разговариваем, я снова и снова убеждаюсь — мне повезло с тобой. Такого мальчишки, как ты, больше нет на свете.

Не дожидаясь ответа, Лиза забежала в дом.

Прошел год. Счастливый и спокойный для стариков, обычный для Виктора. Том и Марта выполнили его просьбу — все осталось

по-старому. Он так же приходил каждое воскресенье утром к ним домой. Том так же молчал, нагружая тележку, а Марта так же тараторила без умолку, опасаясь, наверное, что, работая языком с меньшей скоростью, все выболтать не успеет. Только в рассказах ее теперь все больше места стала занимать внучка, а не посторонние люди, которых Виктор не знал. Поэтому, наверное, и слушал он их теперь внимательнее. И еще куда-то пропала прежняя безысходность во взглядах стариков, когда они сидели на крыльце рядом с Виктором, пьющим свое привычное молоко. Спокойствие и умиротворенность застывали на их лицах, когда они по старой привычке смотрели на Виктора и думали каждый о своем.

Первой умерла Марта. Старый Том в своих отношениях с ней до конца остался джентльменом и пропустил жену вперед. Она умерла во сне, никого не побеспокоив — наверное, как того и хотела. Старушка лежала в своей кровати, на боку, подсунув руки под голову, и сладко улыбалась чему-то. Чему-то, что увидела в своем последнем сне. Глаза ее были закрыты. Такой ее и нашли утром Том и Жанна.

Ни тот, ни другая не проронили ни слезинки. Жанна опустила на колени в изголовье кровати, обняла бабушку и прижалась к ее щеке своей. Том стоял рядом, теребя что-то в руках. Прошло несколько минут прежде, чем старик нарушил молчание:

— Эх, мне бы так умереть.

— Не говори, дедушка, тебе еще жить и жить, — не поднимая головы, печально сказала Жанна.

— Куда уж там, внучка. Старше нас со старухой в деревне никого нет, да и в городе, наверное. Хорошо, что хоть она первая. Что бы вы делали вдвоем без моей рыбы, умри я вперед. Эх-эх-эх.

— Смерть не спрашивает возраста, дедушка. Моя мама младше вас, а умерла раньше. Ты, может, еще и меня переживешь, не торопись.

— Что ты, внучка. Да знай я, что такое случится, я бы враз поторопился. Пряма бы сейчас и умер, заодно со старухой. Да и она-то умерла так хорошо, только потому, что знала, что осталась у нее внучка, добрая, красивая, работящая, которая скоро полюбит хорошего парня, выйдет за него замуж, родит детей, воспитает их, дети родят внуков и все повторится. И внучка ее проживет счастливую жизнь, и умрет счастливая. Ей, наверное, это и снилось, когда она умерла.

— Наверное.

— Сегодня воскресенье. Скоро придет Виктор. Как раз поможет с хлопотами.

— Даже тут бабушка подгадала, — печально улыбнулась Жанна, вставая.

Хоронили Марту во вторник на скромном деревенском кладбище. Это был первый случай в жизни Виктора, когда он был в деревне не в воскресенье. От дома до кладбища гроб везли на телеге, запряженной соседской лошастью. За гробом шли Том, Жанна, Виктор, три старушки, самые старые после Марты в деревне, и соседи: отец и взрослый сын — помочь опустить гроб и закопать могилу. Они же помогали Виктору ее выкапывать.

После похорон все вернулись к Тому в дом и, как могли, помянули его жену. Виктор был со всеми — так же ел и так же пил вино. Когда все разошлись, Жанна начала убирать посуду, а Том с Виктором вышли на крыльцо — посидеть, подумать, как всегда, каждый о своем.

— Знаешь, Виктор, — начал издавека старик, — раньше, по большому счету, не было нужды, но сейчас, после того, как Марта умерла, я считаю, что пришло время попросить тебя об одной вещи. Вот только не знаю, как начать: слова нужные в голову не идут.

— Не утруждай себя, Том, — продолжая смотреть куда-то вдаль, перебил старика Виктор ровным, спокойным голосом. — Когда ты умрешь, я позабочусь о Жанне.

— Спасибо. Я так и знал, что ты сразу поймешь, о чем я хочу попросить.

— Как не понять, Том. Я мало говорю, но я много думаю. Я думаю всю жизнь. Думаю, чего люди могут хотеть, о чем просить, о чем думать. Ты такой же, Том. Мы оба тридцать лет много думали и мало говорили. Наверное, для нас это было лучше... Ты извини, что я сейчас разговорился. Вино. Я не пил его с тех пор, как пришел в эту деревню... Кстати, как ты ожидал, я отвечу на твою просьбу?

— Я старался об этом не думать.

— Значит, сомневался. Правильно. Потому что и я сомневался, когда размышлял над этим вопросом. С тех пор, как к вам пришла Жанна, я сразу понял, что скоро вы умрете. Потому что для вас обоих лучше умереть пока все хорошо, чем потом рвать на себе волосы и жалеть — ну почему же я не умер тогда. У вас с Мартой и так была слишком тяжелая жизнь, чтобы заканчивать ее такой же тяжелой смертью. Вы оба прожили так долго, потому что хотели дожидаться, дотянуть до того дня, когда вам воздастся по вашим страданиям. И вот дождались. А потом вы перестали цепляться за жизнь. Значит — пора умирать. Сегодня умерла Марта, завтра ты. Я все это знал. И знал, что как только умрет один из вас, второй сразу придет ко мне с этой просьбой, для которой ты не нашел нужных слов. За год у меня было время подумать, как я отвечу.

Ответ мой ты слышал...

— Наверное, это переменит всю твою жизнь, чего ты так всегда не хотел.

— Переменит. Но, я думаю, ненадолго. Как только я увижу, что она сможет позаботиться о себе сама — мы расстанемся.

Какое-то время они сидели молча.

— Ну, чего еще у тебя? Говори, — нарушил молчание Виктор, чувствуя, что старьй рыбак еще не все сказал и никак не может решиться продолжить разговор дальше.

— Ну ... В общем, — старик все никак не мог себя пересилить, даже не смотря на содействие со стороны Виктора. — В общем, ты мне как сын, и, знаешь, я не хотел бы умереть, так и не узнав, чем мой сын дышит, чем живет, что у него в жизни случилось и как он дальше будет жить.

Виктор продолжал сидеть, все так же смотря вдаль. Он размышлял. Том ждал. Прошла минута.

— Я подумаю, Том.

— Хорошо. Но не думай дольше, чем я буду жить.

— Постараюсь. И все же, если так случится — и тебе не повезет, как Марте, умереть во сне — пошли за мной Жанну. Может, я и успею.

Виктор проснулся, разбуженный непонятным шумом на улице. За окном только-только рассвело. Судя по всему, недалеко от его дома суетился народ. В такой ранний час ничего хорошего это не предвещало. Быстро накинув рубашку и впрыгнув в штаны, он выбежал на крыльцо и застыл. Горел Лизин дом и горел так, что собравшиеся вокруг сельчане даже не пытались что-либо сделать — дом был обречен. Оцепенение Виктора продолжалось одно мгновение — перепрыгнув через все ступени крыльца сразу на землю, он помчался к огню.

Народа было еще не очень много: на бегу он успел скользнуть глазами по каждому. Лизы среди них не было.

Чем ближе он подбегал, тем больше и больше сельчан отворачивалось от пожара и останавливало свой взгляд на юноше. В конце концов, все лица обратились к нему, и по застывшему на них выражению беспомощного и виноватого сочувствия Виктор понял: Лиза осталась в горящем доме.

Вчера вечером ее мать уехала в город с тем, чтобы, переночевав у своей золовки, Лизиной тетки, рано утром продать на городском базаре сыр и масло. Девушка осталась дома одна, чем, конечно, с

радостью воспользовался Виктор, мило проболтав с ней до поздней ночи. Они расстались веселые и счастливые всего несколько часов назад, и, возвращаясь домой, Виктор чувствовал у себя в груди сладостный комок, который от прохладного и свежего ночного воздуха при каждом глубоком вдохе начинал так одурманивающе трепетать, что по телу пробегала дрожь, а на глазах выступали слезы. Сегодня была эта чудесная опьяняющая ночь, вчера — милое, беззаботное детство, полное прекрасных воспоминаний, а завтра — завтра была вся жизнь с любимой женщиной, жизнь непредсказуемая, но непременно счастливая. Виктор заснул, улыбаясь.

И вот это завтра настало. Виктор смотрел на языки пламени и уже не думал о вчерашней ночи. Он вообще ни о чем не думал.

— Не выбегала?

Это спросил не рассудок, уже знавший ответ. Это спросило что-то изнутри, что не могло поверить в случившееся и цеплялось за любую самую ничтожную возможность разрушить эту придуманную чьим-то больным воображением псевдореальность.

Он остановился всего на мгновение — задать этот вопрос и услышать ответ. Чьи-то пальцы мертвой хваткой сжали запястье его левой руки.

— Не выбегала, сынок, — узнал он тихий голос своего отца у самого уха.

В течение какого-то времени никто не проронил ни слова. По лицу отца Виктора текли слезы.

— Ты напоил нашу корову?

Этот вопрос, заданный Виктором самым обеспокоенным о судьбе коровы тоном, так ошарашил его отца, что на какое-то мгновение рот его непроизвольно открылся, а рука, державшая запястье сына, расслабилась. Расслабиться окончательно ей помог резкий и сильный удар в живот, который Виктор нанес свободной правой рукой. Последнее, что помнил Виктор — это истошный крик своей матери у себя за спиной, когда он бежал к горящему дому.

Когда Виктор открыл глаза и увидел Лизу, судя по всему, уже долго смотревшую на него спящего, он понял, что если бы даже никогда раньше ее не знал и не видел, то и тогда полюбил тут же бы только за один этот взгляд. А потом она улыбнулась, и Виктор захотел всю свою оставшуюся жизнь вытаскивать ее из огня, чтобы затем приходить в себя, видя эту улыбку.

— С возвращеньцем тебя, милый, — полушутливо, полунежно промурлыкала, как показалось Виктору, Лиза, присаживаясь на низ-

кий табурет у его кровати.

— Ты раньше никогда так не смотрела... И не улыбалась так... И не называла меня милым, — ошарашенный вконец Виктор делал паузы между фразами, пытаясь сообразить, что он, собственно, хочет сказать.

— Да и ты раньше никогда не бил отца.

— Сердится?

— Да нет. Наоборот — смеется. Все твою корову вспоминает.

— Какую корову?

— Мне нравится с тобой с таким разговаривать. Чувствую себя такой умной — страх. Как тебя зовут-то, помнишь?

— Раньше Виктором звали, теперь вот милым, — в тон Лизе ответил Виктор, наконец-то сумев совместить нахлынувшие на него новые чувства со старой привычкой не выглядеть в разговоре дураком. — Но про корову, честно, не помню. Мне, вообще, сейчас кажется — не сном ли все это было. Смутно так все. Сколько времени-то прошло?

— Сутки. Я пришла в себя вчера вечером, ты — сегодня утром.

— Значит, ты все-таки была в доме?

— Значит была.

— И я тебя вынес?

— Вынес.

Виктор хотел что-то сказать, но в последний момент передумал и, как бы застыдившись своих слов, отвел на пару секунд взгляд в сторону. Когда он снова посмотрел на Лизу, та, не утруждая себя словами, слегка кивнула глазами, что, видимо, означало ее намерение дослушать то, что он не договорил.

— Я хотел сказать, что это значит, что я тебя не обманывал. И себя тоже. И в жизни все получилось так же, как в мечтах.

— А-а-а! — хитро и довольно прищурилась Лиза. — Так значит, ты сомневался?!

— Ну-ну. Вот и откровенничай с тобой. Конечно, не сомневался... Тогда... Точнее я думал, что я не сомневаюсь. А теперь не думаю, теперь знаю. Знаю, что пока можно будет что-то сделать, чтобы помочь тебе — я буду это делать, чем бы мне это не грозило. Кстати. У тебя в жизни тоже что-то сложилось как в мечтах.

— Это ты про что?

— Про волосы. Ты знаешь, я, дурак, только сейчас разглядел, ты уж меня прости — у тебя самые красивые волосы, какие я когда-либо видел. Даже красивее, чем у твоей матери.

— Честно-честно?

— Честно-честно.

Лиза от удовольствия зажмурила глаза.

— Спасибо... милый.

Виктор улыбнулся. Ему нравилось это новое слово. Он смотрел на Лизу — она на него. Затянувшиеся молчание не тяготило ни того, ни другого.

— Так значит, да? — тихо спросил Виктор.

— Значит, да, — так же тихо ответила Лиза.

— Ты понимаешь, о чем я?

— Надеюсь, что понимаю. Но если даже это не так, то все равно, да... милый.

Оба не замечали, что на пороге комнаты вот уже несколько минут стоят родители Виктора и мать Лизы. Под ногами кого-то из них скрипнула половица. Юноша и девушка одновременно повернули головы на звук, и только тут поняли, что они не одни, что, впрочем, их несколько не смутило. Виктор как ждал этого. Не раздумывая и секунды, он сразу ошарашил всех троих:

— Тетя Эльза, Лиза только что согласилась выйти за меня замуж. Мои родители, — он на секунду перевел взгляд на своих родителей и, видимо, посчитав, что отсутствие отрицательной реакции есть реакция положительная, продолжил, — не против. А ты?

Вместо ответа мать Лизы подошла к кровати, наклонилась и поцеловала в лоб вначале Виктора, а потом Лизу. Когда она выпрямилась, по щекам ее текли слезы.

— Спасибо тебе, сынок, за мою дочку. Будь с ней счастлив.

Этот день был самым счастливым в жизни Виктора. В их доме побывала, наверное, вся деревня. Отец с матерью разместили рядом с его кроватью два стола, оставив их кувшинами с вином. Гости приходили, пили вино и уходили, освобождая место другим гостям. И всем отец Виктора рассказывал про события вчерашнего утра, не пропуская ничего, и про то, что сын его скоро женится. Все поздравляли Виктора, жали ему руки, выражали свое восхищение его поступком. А когда, время от времени, в комнату заходила Лиза, садилась рядом с Виктором на край его кровати и они, не сводя глаз друг с друга, начинали, улыбаясь, говорить о чем-то, чего гости слышать не могли — тогда Виктор чувствовал, что ему сейчас завидуют все мужчины, а Лизе — все женщины, которые на них смотрят.

Виктор заснул уставшим, но счастливым. Осенью, после сбора урожая, решено было сыграть свадьбу.

Скрип наружной двери и приближающиеся шаги по винтовой лестнице выдернули Виктора из созданного им мира далекого прошлого, богатого событиями самыми разными, как радостными, так и печальными, в однообразную повседневность четырех стен его комнаты. Гадать, кто бы это мог нарушить его уединение, не приходилось. Виктор лишь отметил про себя, что не был готов к тому, что это произойдет так скоро: всего лишь три недели назад похоронили Марту.

— Еще жив? — спросил он вошедшую Жанну.

— Был, когда уходила. Сейчас — не знаю. Нужно торопиться.

— Что случилось? — этот вопрос Виктор задал, уже спускаясь по лестнице впереди Жанны.

— Позавчера вечером он попал в шторм. Домой вернулся только вчера утром: мокрый, синий, со стучащими от холода зубами, без рыбы и без лодки. А сегодня ночью он горел, как огонь, и кашлял кровью. Всю ночь бредил, все больше про тебя, ну, и про меня тоже. А на утро, уже ближе к обеду, чуть пришел в себя, сразу отправил за тобой.

Виктор глубоко вздохнул.

— Быстро они, — сказал он печально, и больше за всю дорогу не проронил ни слова.

Еще издали они слышали редкие удары топора, доносившиеся из-за крайнего дома. Подойдя, они застали Тома на заднем дворе за рубкой дров. Он не заметил их сразу и продолжал свое занятие, вкладывая в него не сколько всю душу, сколько всю оставшуюся силу. Руки и ноги его тряслись в ознобе, при каждом замахе тяжелого теперь топора старика заносило в сторону, и ему стоило большого труда, переступая шаткими ногами, привести себя в равновесие, чтобы потом, прицелившись, ударить по полену. Судя по размерам кучи лежавших рядом уже наколотых дров, Том принялся за это занятие сразу после ухода внучки.

Такое неожиданное зрелище шокировало и Виктора, и Жанну. Первых несколько секунд они стояли, не двигаясь, пораженные увиденным. Опомнившись, Жанна сделал шаг вперед из-за плеча Виктора и открыла было уже рот, чтобы что-то сказать, но в последний момент Виктор повернул к ней голову и приложил палец к своим сомкнутым губам.

— Ему осталось ударить два раза. Пусть закончит, — шепотом сказал он девушке и, видя немой вопрос в ее глазах, также шепотом пояснил: — В мыслях он уже справился с этим поленом. Ему будет досадно, если на деле окажется по-другому.

Дождавшись нужного момента, Виктор громко кашлянул. Старик повернул голову на звук.

— Здравствуй, Том.

— Здравствуй, сынок... А я вот тут, — старик не нашелся, что сказать дальше, и лишь безмолвно развел в стороны дрожавшие руки.

— Со смертью воюешь, — не то вопросительно, не то утвердительно закончил за него Виктор.

— Да. Да и вообще... дрова все же... зимой пригодятся, — слова давались Тому с трудом: челюсть дрожала вместе со всем телом.

— Пошли в дом, старина. Жанна, намочи холодной водой полотенце.

Жанна побежала выполнять поручение, но, сделав несколько шагов, остановилась, обернулась и нерешительно открыла рот:

— А я... я тоже хочу послушать...

— И ты тоже. Но вначале намочи полотенце.

Жанна, успокоившись, побежала дальше.

— Ох уж эта молодежь, — проворчал беззлобно Виктор, беря старика под руку и направляясь медленным шагом к дому. — Сами ничего не видят, все им надо словами объяснять.

— Ты-ты... про что?

— Да неужто я буду это два раза рассказывать.

— А-а...

— Так ты перевернулся?

— Да.

— Как же ты выплыл в такой шторм?

— Те-тебя послушать хо-хотелось.

— Да-а, — протянул Виктор. — Выбора ты мне не оставил. Вино есть?

Старик кивнул.

— Ну, тогда ложись, и ждем Жанну.

Сразу после сбора урожая Лиза, ее мать и мать Виктора отправились на неделю в город — на осеннюю ярмарку — продать часть выращенного и собранного, и заодно купить все необходимое к свадьбе. Виктор с отцом занялись домашними делами.

Еще никогда время не тянулось для Виктора так медленно. Часы и минуты в каждом последующем дне казались длиннее, чем в предыдущем, и чем меньше дней оставалось ждать, тем меньше оставалась у Виктора уверенности, что когда-нибудь он дождетя. Вече-

ром он убежал на их любимую поляну, уже потерявшую свою желтизну, ложился на спину и предавался самым сладким своим воспоминаниям, все до одного из которых были связаны с той, кто через несколько дней должна была стать его женой. Он помнил много Лиз: Лизу восьмилетнюю, одиннадцатилетнюю, пятнадцатилетнюю. Все такие разные, и в то же время вся такая одна. Одна неповторимая, с неповторимым пышным венком из одуванчиков на голове, секрет плетения которого она так и не раскрыла никому. Один за другим выдергивал он из прошлого в настоящее свои любимые разговоры с Лизой, прокручивал их в мыслях туда-сюда по несколько раз, то любуясь ей, то гордясь за себя, то просто наслаждаясь их счастливой беззаботностью, а то и пересматривая их значение теперь уже с новой позиции мужа, мужа той, которая из-за своего чудовищного обаяния всегда казалась Виктору такой недосягаемой и недоступной даже не смотря на самую тесную дружбу между ними. Теперь, за время прошедшее с пожара, Виктор немного свыкся с мыслью, что Лиза — его будущая жена, и это несколько смыло с нее ореол той самой недоступности, что Виктора, впрочем, только радовало. Сейчас, лежа на поляне, он не только перебирал прошлое, но и временами пытался заглядывать в будущее, позволяя себе уже иной раз представить Лизу обнаженной, или целующейся с ним, или и то и другое вместе. Не смытый еще окончательно ореол дальше его воображение не пускал, но и этих новых ощущений хватало для того, чтобы чувствовать — время стоит на месте.

И вот, в один из таких застывших в бездействии вечеров, случилось то, что пустило дальше время сумасшедшим неудержимым галопом.

Виктор уже поднялся с травы, отряхнулся и собрался идти спать, как заметил, что со стороны города двигается одинокая тень. Насторожило Виктора то, что тень двигалась не по одной единственной дороге, проходящей через деревню, а по лугам, в обход построек, явно старалась оставить селение в стороне. Даже если предположить, что человек этот держит путь дальше и на ночлег останавливаться не хочет, все равно, идти по дороге было бы гораздо короче. Заинтригованный и отчасти обеспокоенный таким на первый взгляд непонятым поведением одинокого путника, Виктор решил подождать со сном и снова присел на траву: тень должна была пройти мимо него. Так и случилось. Когда между ними оставалось шагов пятнадцать, Виктор поднялся. Тенью оказался молодой мужчина в зимнем тулупе с переброшенным через плечо не очень тяжелым мешком. Увидев юношу, он остановился.

— Ты кто? — спросил Виктор не то чтобы грозно, но давая

понять, что хозяин ситуации здесь он.

— Я думаю, что мое имя или род занятий ни о чем тебе не скажут, — спокойно ответил мужчина.

— Хорошо. Тогда почему ты идешь столь странной дорогой?

— Я не хочу встречаться с людьми.

— Почему?

— Это может для них плохо кончиться.

— Ты постоянно не договариваешь.

— Трудно сразу сказать кому-то о смерти близкого человека.

— Надеюсь, ты не меня имеешь ввиду, — Виктор почувствовал легкий приступ тошноты.

— Это все зависит от тебя. Если сейчас ты и твои родные быстро соберете все самое необходимое, что можно унести на руках или увезти на повозке, и уйдете вслед за мной — все вы останетесь живы. Если нет — все умрете.

Холодный пот выступил на лбу Виктора. Не смотря на всю абсурдность услышанного, он сразу поверил путнику — решительный и уверенный голос не позволяли ему не верить.

— Объясни до конца, только быстрее, — повторил Виктор, чувствуя, что, возможно, вскоре дорога будет каждая секунда.

— Слышал ли ты когда-нибудь о черной смерти? Арабы называют эту болезнь «джумма».

— Слышал, но мало.

— Тогда послушай меня. Плохое судно пришло в город. Сегодня умерли несколько горожан. Через две недели треть города будет мертва, треть больна, что значит тоже мертва, треть разбежится. В большинстве своем люди либо глупы, либо жадны, либо и то и другое вместе. Мало кто захочет, как я, бросить все, что наживал целую жизнь, из-за того, что в соседнем переулке кто-то заболел и умер. Каждый будет думать, что его обойдет стороной, и будет сидеть на своем скарге до последнего — сидеть и смотреть, как смерть подбирается все ближе и ближе. И когда до самых умных из глупых дойдет, что они так же не смогут укрыться от болезни, как все те, кто уже умер, а до самых жадных — что жизнь все же ценнее всего — вот тогда они побегут. Побегут вон из города. А следом за ними побегут самые глупые. Не потому, что поумнеют, а из-за боязни остаться в дураках. Но и те, и другие побегут поздно. Большинство из них уже будет заражено, и они понесут эту заразу дальше. Стены соседних городов и предупрежденная стража могут не дать им проникнуть туда, но все окрестные деревни и твоя в первую очередь — обречены.

Мужчина прокашлялся и продолжил:

— А те, кто поймет, что бежать уже поздно, что болезнь уже внутри них, что уже никуда от нее не деться и жить им осталось несколько дней, так вот, многие из тех потеряют тогда страх смерти, потеряют любой страх, а вместе с тем потеряют вообще все человеческое. Они выйдут на улицы, они выволокут туда столы из пустых домов и уставят их вином и едой из таких же пустых лавок. И они будут есть, пить, спать за этими столами, ржать как лошади над какой-то глупой шуткой, прелюбодействовать прилюдно с кем ни попадя, ну и, в конце концов, умирать. А оставшиеся в живых будут тянуть жребий, кому тащить очередного мертвеца до ближайшей канавы, и находить это увлекательной игрой. Вот, вкратце, все, чего я — как ты сказал — постоянно не договаривал.

В ушах Виктора стоял звон. Он не отнес опасность смерти конкретно к себе, или к родителям, или к Лизе. Он верил, что все будет у них нормально, что они все вместе сегодня ночью соберутся и уедут отсюда. Но другие... Он понимал, что почти никто не последует за ними — все, как и предсказывал незнакомец, останутся, надеясь, что обойдется. Масштаб человеческой трагедии и вместе с тем чувство того, что с этого момента вся жизнь полетела кувырком — новая деревня, новый дом, новые соседи, друзья, отсрочка со свадьбой — все это на какое-то время парализовало его рассудок.

— Я пойду, — спокойно сказал прохожий. — Я и так потерял много времени.

— Подожди, — вдруг опомнился Виктор. — Скажи, откуда ты все это знаешь. Почему описываешь в таких ярких и точных деталях то, чего еще не было, причем описываешь так, что я верю — так и будет.

Незнакомец задумался на мгновение.

— Ты знаешь, прошлый раз я жил далеко-далеко отсюда. И я был жаден. Поэтому я и узнал воочию, как ведет себя черная смерть, когда она пришла в мой город. За это знание и за свою жадность я заплатил семьей... А как поведут себя люди — не каждый отдельный человек, а люди в большинстве своем — чтобы ответить на этот вопрос, достаточно просто быть не очень глупым. Ведь ты же поверил мне и не за красивые глаза, а потому, что сам понимаешь — именно так они себя в такой ситуации и поведут. Прощай. Не откладывай до завтра, уходи сейчас.

Мужчина пошел быстрыми шагами в обход Виктора.

— А как ты выжил?

Незнакомец ответил, не замедляя шагов и не поворачивая головы:

— Не подходи к больным и не трогай руками ничего, что могли бы трогать они.

Шорох гнущейся под ногами травы начал удаляться.

— А жизнь все-таки не ценнее всего, — наконец выкрикнул Виктор то, что его тактичность не позволила сказать, перебив рассказчика, сразу.

На этот раз мужчина остановился и повернулся. Луна хорошо осветила довольную улыбку у него на лице.

— Но все-таки ценнее скарба, — сказал он, чуть помедлив, и зашагал, уже больше не останавливаясь.

Обеих лошадей взяли женщины, когда повезли продукты на ярмарку. До города было не так близко, чтобы ночная прогулка туда пешком могла показаться приятной. Но выбора не оставалось.

Разбудив отца, Виктор кое-как объяснил ему ситуацию.

— Давай, сынок, действуй. Иди и приведи их всех сюда. Но только убедись вначале, что этот прохожий не пошутил с тобой. Да. И не думай, что мы отсюда куда-нибудь побежим. Бог милостив. Глядишь — все обойдется.

«Вот оно, начинается», — подумал Виктор, но не стал спорить раньше времени — на ходу закинул в рот остатки ужина, запил водой и отправился в город.

Далеко за полночь добравшись до места и найдя дом Лизиной тетки, юноша был удивлен тем, что из-под ставен все еще пробивается свет. Дверь ему открыл Лизин дядя. Сухо поздоровавшись, он пропустил Виктора внутрь.

Никто не спал. Большая комната вся была перевернута вверх дном. Под руководством тети Марии и ее мужа женщины выбирали самое необходимое и ценное из имущества и складывали в дорожные мешки. Приходу Виктора никто не удивился.

— Сразу, как соберемся, уезжаем отсюда, куда глаза глядят, — объяснила происходящее тетя Мария, продолжая складывать вещи. — Как все закончится — вернемся.

— Это они, сынок, куда глаза глядят, — вмешалась в разговор мать Виктора. — А мы до дома.

— И мы с Лизой тоже, — прибавила мать Лизы.

— А где она? — спросил Виктор, только сейчас поняв, что девушки в комнате нет.

— В соседней комнате. Только вряд ли она тебя к себе пустит, — ответила за всех тетя Мария, стараясь не глядеть в сторону Виктора.

Обеспокоенный таким ответом Виктор не стал вытягивать объяснения со стороны, предпочтя узнать все от самой Лизы. Дверь в

соседнюю комнату действительно была заперта. На его стук никто не ответил.

— Лиза, это я — Виктор. Что с тобой?

— А, милый, это ты, — отозвалась Лиза из-за закрытой двери. — Это хорошо, что ты пришел. Я по тебе соскучилась. Вот только пустить я тебя пока не могу. Ты уж извини.

В ее голосе звучали радость и грусть одновременно.

— Что случилось? — повторил свой вопрос Виктор.

— Да пока ничего, милый. Но случиться еще может. Это деньги, Виктор. Злые, но так нужные всем деньги. Зачем я их взяла — сама не знаю. Хотя нет, знаю. Как не знать. Зачем же еще берут деньги. Так заведено: ты даешь товар, тебе дают деньги. Тут никто не виноват, и я не виновата. Может все еще обойдется.

Виктор понял, что Лиза не отвечала на его вопрос, а просто разговаривала сама с собой. В голове у нее явно что-то было не в порядке — он впервые слышал ее такую.

— Может, мне кто-нибудь все это объяснит, — обратился юноша ко всем сразу.

— Если ты успокоишься, то я попробую, — ответила тетя Мария, откладывая в сторону мешок с вещами и присаживалась на другой.

— Я спокоен, — ответил Виктор, стараясь на самом деле стать таковым.

— Так вот. В городе — черная смерть.

— Это я знаю. Я ведь к вам сюда среди ночи тоже не за солью пришел.

— Не перебивай и не умничай. Если знаешь — сиди, слушай дальше. Вот. Привезли ее матросы с торгового судна. Пришло оно неделю назад, и вначале, вроде бы, все было спокойно. А вчера-позавчера половина матросов, да и торговцев с корабля тоже, отдали богу душу. И теперь с каждым днем все у большего числа горожан появляются черные пятна, узлы и язвы на коже.

Тетя Мария сделал паузу, собираясь с мыслями.

— Кто-то из матросов позавчера утром покупал у Лизы сыр и расплатился, разумеется, деньгами — несколькими монетами. А вечером того же дня стало известно про черную смерть. И теперь Лизе кажется, что от этих монет у нее горят руки. Но ты не беспокойся раньше времени. Я знаю, что это за болезнь и как она начинается. И это пока не она. Руки горят у нее от страха. Она очень боится заболеть, потому что очень не хочет умирать. Тем более сейчас, перед свадьбой. Если она успокоится, а помочь ей в этом сможешь ты, то все у нее пройдет.

— Тетя Мария, скажи, а эти деньги, они все же могут принести с собой болезнь?

— К сожалению, могут. Я говорила со знающими людьми, они сказали — если за неделю болезнь не начнется, то уже не начнется и после. Прошло три дня. Осталось подождать совсем чуть-чуть. Я думаю — все обойдется.

Тетя Мария снова взялась за работу.

— Не думай о худшем загодя. Лучше помоги мужу загрузить вещи в телегу.

— Хорошо.

Виктор вышел на улицу.

Через два часа все было готово. Уже светало.

Все разместились на двух телегах. Виктор направился за Лизой. На его стук в дверь снова никто не ответил.

— Лиза! Это я — Виктор. Мы готовы. Выходи, и поехали отсюда быстрее.

— Ты один, Виктор?

— Один.

— Позови, пожалуйста, мою маму. И сам возвращайся тоже.

Виктор молча пошел выполнять Лизину просьбу. Вернувшись вдвоем, они снова постучали.

— Мама?..

— Да, дочка.

— Виктор тут?

— Тут, — ответил Виктор.

— Хорошо, — Лиза за дверью откашлялась и продолжила твердым голосом. — Мама и Виктор. Вы — два самых близких и дорогих мне человека. Это, может быть, будет мешать вам выполнить мою просьбу. Но вы оба люди умные, и поэтому, я надеюсь, меня, все-таки, послушаетесь. Я не могу ехать в деревню. Возможно, я заболею, и тогда получится, что именно я принесу беду в свой дом, туда, где все меня любили и делали мне только хорошее. Я слышала на ярмарке, что это за болезнь. Заболеет один — заболеют все вокруг, и спасения никому не будет. Я не могу так поступить с теми, кого люблю. Поэтому я остаюсь здесь. Вода в доме есть. Оставьте мне еды на четыре дня. Если через четыре дня ничего не случится — я вернусь в деревню. А пока до свидания. Надеюсь, что до свидания.

По звуку шагов за дверью стало понятно, что Лиза ушла в другой конец комнаты.

— Я останусь с ней, — не задумываясь и на секунду, заявил Виктор.

— Я тоже не смогу оставить ее здесь одну.

— Не одну, тетя Эльза — со мной. Поверь: и ей и мне так, то есть без тебя, будет лучше, чем бы все это не закончилось.

— Я все это понимаю, Виктор. Но я, все же, мать, а она моя единственная дочь. Если она на самом деле заболела, получится, что я бросила ее умирать, а сама убежала от беды подальше.

— Ничего подобного. Во-первых, все будет хорошо, и мы вернемся вместе. Ну а если даже и нет, то я прибегу за тобой. И у тебя будет еще много времени, чтобы вернуться сюда. А сейчас ты только будешь мешать нам.

Мать Лизы стояла и думала. Виктор ждал.

— Обещай мне, что, как только станет ясно, что Лиза заболела, ты сию же минуту побежишь за мной. Обещаешь?

— Обещаю, тетя Эльза.

— Хорошо. Я буду ждать вас двоих через четыре дня.

— И дождешься. Но, все же, мой вам всем совет — и родителям передай тоже — уходите из деревни все как можно дальше.

— Это вряд ли, сынок. Нас, стариков, смертью не запугаешь. Да и как же мы без детей то уйдем. Ну ладно, пойдем — проводишь.

Виктор попрощался со всеми, объяснив своей матери в двух словах, что ему надо остаться. Вернувшись в дом, он снова постучался в дальнюю комнату:

— Лиза, я остался. Можешь открыть дверь — все уехали.

— Нет, милый. Даже тебе я не открою. Твоей смерти я хочу меньше всего, даже меньше своей.

— Послушай, Лиза. Давай уйдем отсюда. Не в деревню, нет. Совсем уйдем, далеко. Я не буду подходить к тебе близко, и мы будем сторониться людей. Никто из-за тебя не умрет, и тебе не в чем будет себя винить. А узнав, что ушли мы, уйдут и наши родители. Все останутся живы и счастливы. Ты же не знаешь, что тут будет через неделю-другую. Город обречен, и наша деревня тоже. Мне это один человек сказал, ему нельзя не верить.

— Я ему верю, милый. Но давай поспим. Ты ведь не спал сегодня?

— Нет еще.

— Я тоже. Давай ляжем. Ты там, я тут. Времени у нас впереди еще много.

После того, как они остались вдвоем, голос Лизы изменился. Он перестал быть твердым и строгим, и звучал теперь нежно и грустно. Спорить с таким голосом Виктор не мог.

— Спокойной ночи... любимая. Какое странное слово.

— Ничего странного, — голос Лизы дрогнул, Виктор понял, что она плачет, — красивое слово. Спокойной ночи... любимый.

Прошло три дня, в течение которых Виктор наговорился с Лизой, наверное, обо всем на свете, так ее ни разу и не увидев. Они сидели целыми днями на полу, упершись спинами в дверь, каждый со своей стороны, и находили это очень удобным. Дверь открывалась в Лизину сторону. Несколько раз девушка отодвигала щеколду, слегка приоткрывала дверь, и Виктор просовывал в ее комнату еду и воду.

Лиза больше не плакала, так, по крайней мере, казалось Виктору. По какому-то немому соглашению оба они говорили большей частью о вещах отвлеченных от злой действительности, стараясь не касаться этой темы. Закончился третий день. На улице темнело.

— Помнишь, ты говорил, что в жизни у меня все сложилось, как в мечтах — волосы стали красивые, как у мамы.

— Я говорил красивее, чем у мамы.

— Жалко, что вторая моя мечта так и не сбылась. Я думала: вот, вернусь с ярмарки, и в день перед свадьбой мы с тобой пойдем на нашу поляну и будем как всегда лежать на спинах в мягкой траве и разговаривать обо всем на свете. А потом, когда наговоримся, я встану и побегу по пушистому лугу к реке, и ты побежишь вслед за мной. Я буду бежать и смеяться. Смеяться не потому, что мне смешно, а потому что светит солнце...

— Потому что течет река, — продолжил Виктор.

— Потому что трава такая зеленая...

— А небо такое синее...

— Потому что поют птицы и стрекочут кузнечики...

— Потому что ты самая красивая девушка в мире...

— И потому что завтра я выхожу замуж за тебя, — голос Лизы снова дрогнул.

— Ну, это ты уж только сейчас придумала, — Виктор постарался перевести разговор в веселый тон.

— Жалко, что не сбылось, — как будто не услышав последнюю фразу юноши, медленно сама себе сказала Лиза.

— Да почему же не сбылось, Лиза? Завтра еще денек отсидим тут и вернемся домой. А послезавтра будем бегать по лугу. Все будет, как ты мечтала!

— Ничего не будет, Виктор. Ничего, — голос девушки вдруг стал хриплым и надрывным. — Я решила, что пора тебе сказать. Все кончено, милый. Я больна. Я больна еще с того вечера, когда ты пришел сюда. Я молчала об этом только потому, что хотела, чтобы эти последние дни у нас с тобой были такими, какой должна была бы быть вся наша несостоявшаяся жизнь: счастливая и спокойная, и

с верой, что дальше все будет только лучше. Если бы я сразу открылась тебе, то твоя жалость ко мне испортила бы эти мои последние три дня. Теперь я начала умирать. Мне очень плохо, и я чувствую — смерть скоро придет за мной. Поэтому я и решила, пора тебе все знать... Вот и все, милый... А как все должно было быть хорошо.

Виктор сидел, слушал и неслышно плакал. Так плохо ему еще никогда не было, и он знал, что не будет.

— Послушай, Лиза. Может, ты пугаешь? — попытался зацепиться он за последнюю соломинку. — Тетя Мария говорила, что у тебя могут гореть руки от страха заболеть. Может быть, ты просто боишься и поэтому чувствуешь себя плохо.

— Нет, Виктор. Я уже давно перестала за себя бояться. Я лишь жалею саму себя. И руки от страха не покрываются язвами и черными пятнами. Это черная смерть.

Какое-то время сидели молча.

— Лиза, скажи — ты хочешь?.. Я думаю, ты понимаешь, о чем я.

— А ты понимаешь, что ты тогда умрешь тоже.

— Рано или поздно я все равно умру. Пусть уж лучше умру с тобой. Сейчас мы пойдем и найдем священника, он нас обвенчает. Потом, если у тебя не будет сил, я на руках донесу тебя до нашей поляны. Уже ночь — нас никто не увидит и не помешает нам. Мы проведем с тобой на ней нашу первую и последнюю ночь. А завтра, когда ты станешь умирать, я перережу себе вены и мы умрем вместе. Ты и я. Поверь — я буду счастлив сделать это.

Снова воцарилась тишина.

— Я подумала, Виктор. И я верю, что ты будешь счастлив сделать то, о чем говоришь. Но тогда несчастна буду я. Я никогда не смогу простить себе ни здесь, ни там, наверху — а в том, что я попаду туда, я не сомневаюсь — я не смогу простить себе, что так поступила с тобой. Помнишь, ты говорил, что пока можно будет хоть что-то сделать, чтобы помочь мне — ты будешь это делать, чем бы тебе это не грозило. Так вот. Если бы ты сгорел тогда в доме, или, к примеру, на меня напал медведь, а ты бы погиб, защищая меня — я бы не винила себя за это. Ты бы рисковал и знал ради чего. А здесь... Здесь, к сожалению, ты мне ничем не сможешь помочь. Давай спать, милый. До утра я доживу. Обещаю.

— Спокойной ночи... любимая. Какое горькое слово.

— Это судьба горькая. Спокойной ночи, Виктор.

Этой ночью сон не шел к Виктору. Около часа он слышал тихий плач Лизы. Потом она заснула. Утром, наконец, тревожным полусном забылся и он.

— Какие чудные вещи творятся на нашей площади, — эта фраза Лизы вывела Виктора из состояния болезненного полусна.

Он осмотрелся кругом и понял, что уже полдень.

Дом тети Марии стоял косо по отношению ко всем другим домам, на самом углу рыночной площади, и смотрел на нее своей задней стеной, как раз той, где находилась Лизина комната. Чтобы узнать самому, что так заинтересовало Лизу, Виктору пришлось бы выходить на улицу и огибать весь дом со двором, чего ему делать не хотелось.

— А что там? — спросил он, стараясь говорить так, будто не было вчерашнего разговора.

— Какие-то люди, большей частью молодые и среднего возраста мужчины, расставили посреди площади столы, обильно их накрыли и теперь сидят за ними, едят, пьют вино и смеются. Там есть и несколько женщин.

— Это последний пир тех, кто уже болен. О нем тоже рассказывал тот человек. Эти люди решили, что так уйти из жизни будет лучше. И легче. Может, они в чем-то и правы.

— Забавно, — негромко произнесла Лиза и после короткого молчания добавила: — Виктор, сходи, пожалуйста, за мамой. Она никогда не простит ни тебе, ни себе, если вдруг не успеет со мной проститься. Я вскоре пойду вам навстречу, встретимся на дороге между городом и деревней. Там я и умру.

— Хорошо, Лиза. Но ты уверена, что сможешь идти?

— Ну, из этого поганого города как-нибудь выползу. Поторопись — я тебя хочу еще увидеть.

— Только дождись, — умоляюще произнес Виктор. — Я так люблю тебя.

И он выбежал из дома.

Лиза рассказала Виктору не все, что любопытного увидела она на площади из окна. Как раз то, о чем она умолчала, произвело на нее самое сильное впечатление. Под его воздействием она и отослала Виктора из города, хотя рано или поздно она бы отослала его все равно. Спустя пятнадцать минут она шла на площадь, уверенная в правильности своего решения.

В это время Виктор, уже успевший отбежать некоторое расстояние от городских ворот, внезапно остановился. Его вдруг осенило, что Лиза не захочет допустить, чтобы близкие ей люди видели страшную картину ее смерти. Тогда она, скорее всего, попытается спря-

таться и умереть где-нибудь незаметно, заодно избавив его, Виктора, и свою мать от соблазна похоронить ее по-христиански, после чего они, конечно, заболеют.

Раздираемый сомнениями, он побежал обратно в город.

Лиза подошла к пирующим. Несколько человек — пьяных, обезображенных гноящимися язвами мужчин, еще недавно бывших молодыми красавцами — приветствовали ее.

— Привет, подружка, — пьяным хриплым голосом окликнула ее одна из женщин, сидевших за столом. — Садись, выпей с нами. Мы угощаем всех.

Лиза не ответила. Она смотрела на молодого священника, задумчиво склонившего голову над чашей вина. Он, казалось, не видел и не слышал ничего, что творится вокруг, полностью поглощенный созерцанием своей чаши. Легкий толчок в бок вывел его из состояния задумчивости.

— Я думаю, по твою душу, святой отец, — подмигнул ему сосед, показывая глазами на Лизу.

— Что ты от меня хочешь, дочь моя? — спросил священник, не вставая, голосом, в котором чувствовалась готовность помочь.

— Я хочу выйти замуж, — громко сказала Лиза и все, кто сидели рядом, умолкли.

— Ого-го, — многозначительно произнес сосед священника. — До этого мы еще не додумались.

— А за кого ты хочешь выйти, дочь моя?

— За любого, святой отец, за этим столом, у кого еще остались силы выполнить свой супружеский долг.

Лиза пошатнулась. Сил стоять почти не оставалось. Вокруг было все так же тихо.

— Ты знаешь, — чуть подумав, ответил священник, — я, наверное, уже не святой отец. По возрасту я скорее похож на твоего брата, а святым я перестал быть, когда сел за этот стол.

— Для церемонии, брат мой, не надо быть святым отцом. Достаточно быть просто священником.

— С тобой трудно спорить, сестра. Наверное, потому, что ты права... Эй, братья мои! — крикнул он, обращаясь ко всем вокруг. — Кто сможет стать мужем этой настойчивой девушки...

Когда Виктор вбежал на площадь, он увидел Лизу, лежавшую на спине поперек стола с распростертыми руками и повернутой в его сторону головой. Глаза ее были открыты, но она уже ничего не видела. Ее ноги держало на весу в руках что-то мужеобразное, равномерно раскачивавшееся взад-вперед.

— Леонард, — раздался пьяный мужской голос, — у больного у

тебя это получается гораздо лучше, чем у здорового. Смотрите, он же уходил ее насмерть.

Кругом раздался пьяный хохот.

«Когда я вырасту, мои волосы станут красивыми, как у мамы».

— Выпьем за черную смерть, она делает нас мужчинами.

— Выпьем.

— Выпьем

Раздался стук чаш. Мужчина закончил свое дело и наклонился ухом над Лизиной грудью, слушая стук сердца.

«Я встану и побегу по пушистому лугу к реке».

— Ну как? — поинтересовался кто-то из женщин.

— Вроде мертва.

— Ты ее муж, тебе и хоронить.

Снова пьяный хохот прошел по столам. Тот, к кому относились эти слова, не стал долго раздумывать. Он схватил Лизу за одну ногу, потянув, сбросил ее со стола и так же, за ногу, поволок по мостовой к сточной канаве, проходящей по двум сторонам площади.

«Это хорошо, что ты пришел. Я по тебе соскучилась».

Никого абсолютно происходящее не шокировало.

— А она молодец, — задумчиво и тихо сказал мужской голос.

— Если бы смерть не пришла в наш город, у ней все сложилось бы лучше, чем было у нас с тобой, — с печальным вздохом отозвался голос женский.

— Несомненно, — согласился мужской.

Раздался плеск и затем слабый стон. Это Лизино тело упало в канаву.

«Мне повезло с тобой — такого мальчишки, как ты, больше нет на свете».

— Жива что ли? — удивился «вдовец». — А, ладно. Все равно недолго осталось.

И, махнув рукой, он вернулся к столу.

Голова стучала так, что казалось, вот-вот она разорвется на тысячи мелких осколков.

Обхватив ее руками, Виктор побежал прочь. Как выбрался из города, он не помнил.

Тому становилось все хуже и хуже, но он, казалось, не замечал этого, весь поглощенный рассказом Виктора.

— И что же было дальше? — стуча зубами, выпытывал старик.

— Дальше? — Виктор задумался. — Дальше умерли все. Вся наша деревня. Но я не помню, как это было. Не помню, где я был в

это время, как жил и что делал. Я помню только этот стук в голове. А когда он прошел, все уже было конечно. Я пошел к морю и искупался. А потом, сидя на берегу и смотря на играющие в лучах солнца волны, я думал. Думал, нужно ли жить дальше, и если да, то как. И когда надумал, то встал и пошел направо вдоль берега. Ваш город был третьим. Здесь я нашел то, что искал.

Некоторое время все молчали. Ни Том, ни, тем более, Жанна не считали себя вправе обсуждать рассказ Виктора. Тишину нарушал лишь надрывный кашель старика.

— Мне хуже, — наконец сказал Том. — Я чувствую, что скоро снова впаду в забытие, как этой ночью. Не знаю, переживу ли я этот приступ, но на всякий случай, Жанна, внучка, я хочу, чтобы сейчас ты пообещала мне выполнить одну мою просьбу.

— Какую, дедушка?

— Я хочу, чтобы ты пообещала, что будешь жить долго и счастливо, что выйдешь замуж за хорошего парня и нарожаешь ему кучу детей. Именно кучу. Потому что иногда дети умирают, а иногда насовсем уходят из дома. И тогда, наедине со своей старостью, жизнь становится пустой, бессмысленной и мучительной. А смерть тоскливой. Мы с Мартой поскупились на детей, и если бы не чудесное твое появление... Да что говорить, сама все видишь. В общем, обещай мне, что у тебя все будет, как я хочу.

— Обещаю, дедушка. Будь за меня спокоен. Я буду счастлива.

Том перевел вопросительный взгляд на Виктора.

— Будет, — подтвердил тот.

— Хорошо. Верю. Теперь и умирать легко, — старик улыбнулся и снова закашлялся.

Виктор встал.

— Я, видимо, слишком долго рассказывал. Солнце уже скоро зайдет. Мне нужно идти зажечь маяк, потом я сразу вернусь.

— На всякий случай, прощай, Виктор.

— Прощай, Том. Ты хороший сосед.

Виктор пожал старику руку и вышел, но через секунду вернулся назад.

— Я хочу, чтобы ты знал, Том. Если ты вдруг умрешь, я положу наколотые тобою сегодня дрова отдельно, и в самые тоскливые зимние вечера я буду бросать в печь по одному твоему полену и вспоминать тебя, смотря, как оно сгорает.

Виктор вышел, не дожидаясь какого-либо ответа.

— Нет, право, у меня хорошая смерть, внучка, — тихо сказал старик, вытирая рукавом слезу.

Когда Виктор вернулся, Том был уже в бреду. Ночью он умер.

На двоих денег Виктора хватить не могло. Земли у Тома и Марты не было, домашней живности тоже. Старики жили только уловами Тома.

— Нам ничего не остается, Жанна, как научиться ловить рыбу.

— Справимся, Виктор. Дед мне много об этом рассказывал. Видно, знал, что пригодится.

Жанна переехала жить к Виктору. Вдвоем с ним они продали часть нажитого стариками имущества и купили неплохую рыбацкую лодку. В сарае осталось достаточно снастей, и скоро у них уже стало неплохо получаться ими пользоваться. В море они выходили вдвоем, не имея достаточного опыта, чтобы справиться со всем в одиночку. Продавала рыбу все время Жанна: Виктор считал, что так она быстрее познакомится с кем-нибудь из молодых деревенских или городских парней.

Вопрос замужества Жанны с каждым днем становился для Виктора все более насущным. После тридцати лет затворничества такая новая жизнь не могла ему не нравиться. Это и не давало ему покоя.

— Ты неважно выглядишь, Виктор. Тебя что-то беспокоит?

— Да, Жанна. Меня беспокоишь ты. Я, конечно, далек от мысли, что завтра ты выйдешь замуж, но ты хотя бы с кем-то познакомилась, подружилась.

— Нет.

— Весной, я думаю, будет смысл начать тебе ходить в море одной. Как только это станет у тебя получаться настолько, чтобы себя прокормить — мы расстанемся.

— Хорошо. Вот весной и поговорим.

А до весны еще была целая зима, хотя и короткая в этих краях, но, тем не менее, достаточная на взгляд Виктора, чтобы выбить его из привычной колеи.

Практически все время они проводили вместе. Виктор старался оставаться молчаливым и задумчивым, как это было всегда, но живость и непоседливость характера Жанны преобладали над ее тактичностью, и Виктору волей-неволей приходилось подолгу разговаривать с девушкой, отвечая на ее многочисленные и большей частью интересные вопросы. Иногда Жанна сама рассказывала о разных, более-менее значимых или просто занимательных событиях из своей жизни, точнее из того ее отрезка, который она провела вместе с матерью.

С каждым днем Виктор все больше и больше привыкал к присутствию в своей жизни этой красивой и умной девочки. И, вместе с тем, он с каждым днем все больше и больше ждал наступления

весны, а потом и лета — того времени, когда они, наконец-то, расстанутся.

Тот вечер мало чем отличался от других. Маяк уже горел. Жанна закончила ужин раньше и пересела в деревянное кресло у стены, откинувшись на спинку и краем глаза наблюдая за Виктором, продолжавшим неторопливо ужинать.

— Становится уже достаточно тепло, Жанна. Завтра, я думаю, тебе можно будет выйти в море.

— Не боишься отпускать меня одну?

— Немного боюсь, но что поделаешь — надо. Тебе надо научиться жить самостоятельно.

— Зачем ты меня гонишь? Разве тебе было плохо со мной этой зимой?

— Нет, Жанна. Мне было даже слишком хорошо, но вот это-то как раз и плохо. Я не должен так жить, и ты знаешь почему. Да и тебе надо жить с людьми, потому что молодым девушкам надо влюбляться, выходить замуж и создавать семью. Тем более, что это ты и деду обещала.

Виктор посмотрел на собеседницу, ожидая, чем она сможет возразить. Жанна застыла в нерешительности. Наконец, она приняла какое-то решение и заговорила, сильно волнуясь, отчего голос ее дрожал.

— А ты никогда не думал, Виктор, что я могла бы влюбиться в тебя, захотеть выйти за тебя замуж и быть с тобой одной семьей. С тобой и нашими детьми.

Последние два слова как бритва резанули по слуху Виктора. Только сейчас, впервые за свою жизнь, он подумал, что у него могут быть дети.

— Это правда? — спросил он, и голос его звучал серьезно.

Жанна спрятала глаза в пол.

— Не знаю. Я никогда никого не любила, поэтому мне не с чем сравнивать, но мне нравится быть с тобой рядом, разговаривать, делать что-либо вместе, и мне хочется, чтобы так было всегда, — Жанна подняла глаза и встретилась взглядом с Виктором. — И еще я чувствую, что смогла бы стать твоей женщиной. Я не знаю еще, что это такое, поэтому не говорю, что хочу этого, а говорю, как есть на самом деле... И еще я хочу, чтобы моих детей мы растили вместе.

— А ты понимаешь, девочка, что если бы я очень хорошо постарался, а потом то же самое сделал бы мой сын, то ты могла бы быть моей внучкой, — спокойно, как будто бы рассуждая вслух с самим собой, произнес Виктор.

— Ну, во-первых, ты преувеличиваешь. Ты старше меня всего

на тридцать лет, поэтому годишься лишь в отцы, а не в деды. Ну а во-вторых, так уж получилось, что этим человеком стал ты. А сколько тебе лет, мне все равно.

Долго сидели молча. Виктор думал, что сказать, а Жанна ждала, что скажет Виктор.

— Ты знаешь, Жанна, мне казалось, после того, как я рассказал тебе и твоему деду мою историю, вы оба должны были понять, почему я делаю то, что делаю. Теперь я не уверен, что ты поняла все правильно.

— Давай проверим. Ты считаешь себя виноватым перед Лизой в том, что не смог ничем ей помочь. Еще ты считаешь, что с приходом смерти все не заканчивается, а лишь начинается, и что откуда-то оттуда, сверху, Лиза видит каждый твой шаг. И ты все эти тридцать лет таким вот суровым образом вымаливаешь у нее прощения. И, видимо, считаешь, что еще не вымолил. Я вижу вещи так.

— Значит, ты видишь их неправильно.

— Тогда скажи, как есть на самом деле.

— На самом деле я не считаю, что с приходом смерти все только начинается. Я лишь предполагаю, что это возможно. По крайней мере, мне хотелось бы, чтобы так было. Ну и по всему по этому я вымаливаю прощения не только у Лизы, и даже большей частью не у Лизы, а у самого себя. В тот день, на берегу моря, я мог просто умереть, но этого было бы недостаточно, чтобы я простил себя. То, что я выбрал, гораздо труднее, и мне было, конечно, очень тяжело все эти тридцать лет. Тяжело так вот тратить это драгоценное время молодости, время, которое до смерти Лизы я так умел и любил ценить. Но чем тяжелее мне было, тем одновременно было и легче. Легче наедине перед самим собой, перед моей памятью и совестью. Легче потому, что этой тяжестью я день за днем искупал свою вину. Иногда меня охватывала гордость за самого себя, но я тут же вспоминал тот Лизин стон в канаве, когда она пришла в себя. Вспоминал и понимал, что сделано мной пока еще так мало, и что если даже я сделаю все, что смогу, чтобы простить себя, все равно, Лизе в тот момент, когда она умирала в грязи, как собака, не станет легче, потому что тот момент уже прошел.

Виктор встал и подошел к ведру, чтобы выпить воды. Жанна молча ждала. Сделав несколько глотков, Виктор сказал твердым, решительным и не терпящим возражений голосом:

— Я не могу быть твоим мужем, потому что я должен закончить то, что начал. В конце лета — это крайний срок — мы расстанемся. За это время ты должна научиться обеспечивать себя сама, поэтому завтра ты идешь в море. Я все сказал.

Виктор сел на место и стал смотреть в сторону.

— Зато я не все еще сказала, — выпрямилась в кресле Жанна. — Знаешь, я не хотела тебе этого говорить, потому что знала — ты не согласишься, будешь смеяться или, что еще хуже, рассердишься. Но теперь ты не оставил мне выбора — это мое последнее средство отвоевать тебя у прошлого. Я тоже верю, что со смертью наша жизнь не заканчивается и наши души живут вечно. Еще я верю, что души умерших могут общаться с нами в наших снах. Я очень прошу, чтобы ты поверил сейчас тому, что я скажу.

Жанна сделала паузу, ожидая, что ответит Виктор.

— Попробую, но не обещаю. Смеяться не буду точно.

— С тех пор, как мы стали жить вместе, мне стал часто сниться один и тот же необычный сон. Лето. Теплый вечер. Я сижу на крыльце моего дома в деревне. И вдруг откуда-то сверху опускается такое яркое сияние. Оно очень яркое, но не слепит. Оно висит перед крыльцом. И откуда-то изнутри моей головы я слышу шепот молодой девушки. Она просит меня все время об одном и том же — чтобы я сказала тебе, что ты ни в чем не виноват. Она говорит, что просто так получилось, и ты на самом деле ничем не мог ей помочь. Вот и все, что я хотела тебе сказать.

Как всегда, когда нужно было сказать что-то важное, Виктор на некоторое время задумался. Через минуту он начал неторопливо отвечать:

— Я не скажу, что не верю тебе. Может быть, все так и есть, как ты говоришь. Но верить тебе я тоже не могу — слишком много для тебя зависит от этого, поэтому ты можешь и обмануть, не смотря на свою порядочность. Но если даже это так и ты говоришь правду — все равно это не говорит о том, что ты общалась с Лизой. Просто ты хочешь, чтобы все так было, поэтому это тебе и снится. И ты зря не говорила об этом мне раньше. Я не могу смеяться, когда речь идет о Лизе, и не могу сердиться на юную девушку только за то, что она хочет быть счастливой и для этого старается представить события чуть-чуть по-другому, чем они есть на самом деле.

— Ну а если бы ты мне вдруг поверил, смог бы ты переменить свою жизнь и оставить меня с собой?

— Если бы даже и поверил, все равно все осталось бы прежним. Это Лиза могла бы считать, что я ни в чем не виноват. А я знаю, что виноват. Очень виноват. Виноват, что послушал тогда ее и не сделал по-своему. Ведь у меня была целая ночь, чтобы подумать и все взвесить. И сделать все так, как нужно было сделать, чтобы было лучше и ей и мне, а не так, как она просила. Достаточно было просто сломать дверь, взять ее на руки и унести на нашу

поляну. И сделать все так, как я ей предлагал. Я не боялся умереть с ней — я боялся ее послушаться. Просто мне надо было быть чуточку смелее... и чуточку умнее. Тогда нам не было бы так больно обоим. Так что, Жанна, если ты говоришь правду и Лиза меня простила, то сам себя я не простил. Давай спать. Завтра тебе рано вставать.

Глубоко вздохнув, Жанна встала и пошла в свою комнату. Виктор проводил ее взглядом. Когда за ней закрылась дверь, он вдруг понял, что только что впервые посмотрел на Жанну как на женщину, произвольно оценив достоинства ее фигуры.

— Черт возьми, — выругался он про себя, убирая со стола посуду. — На деле это гораздо сложнее.

Прошло четыре месяца. Лето было в самом разгаре. За это время ничего не изменилось в отношениях между Виктором и Жанной. Он оставался непреклонным в выборе своего решения. Она же понимала тщетность всех дальнейших разговоров на эту тему, поэтому больше к ней не возвращалась. Со стороны могло показаться, что вообще того разговора между ними не было. Жанна так же приставала к Виктору с разными вопросами, отвлекая его от переживаний прошлого, и так же, старалась не умолкать, рассказывая разные занимательные истории из своей жизни, которые с каждым днем становились все более интересными, так что Виктор уже начал подумывать, не сочиняет ли она их на ходу, чтобы только хоть как-то развлечь его. Сам же он, как и раньше, время от времени ходил гулять по своей любимой дороге, каждый раз отдыхая на желтой поляне. В общем, все шло по-старому.

Жанна стала неплохо самостоятельно справляться с дедовым ремеслом и теперь довольно много дней проводила в море. В один из таких дней человек из города в который раз привез Виктору деньги за прошедший месяц. Ничего необычного в этом визите не было: человек отдал деньги, Виктор их пересчитал, после чего они сразу расстались — Виктор поднялся в свою комнату, а визитер поехал дальше по своим делам.

Жанна вернулась в этот день поздно, с хорошим уловом и почти сразу же легла спать, зная, что рано утром ей предстоит везти наловленную рыбу в город на продажу. Продажей рыбы и покупкой необходимых продуктов по-прежнему занималась Жанна — Виктор все еще надеялся, что, может быть, она успеет до конца лета если не выйти замуж, то хотя бы сделать в этом направлении какие-то шаги. Оставаться с ней дольше Виктор боялся, боялся не только привык-

нуть к хорошей жизни, но и большего. После того разговора четырехмесячной давности, как он ни старался, все же все чаще и чаще он стал заглядываться на Жанну, как на женщину, и поэтому считал нужным торопиться.

На следующий день, по привычке, Виктор проснулся с восходом солнца. Погасив огонь в маяке, он выглянул на улицу. Тележки не было, значит Жанна уже ушла. Не торопясь умывшись и позавтракав, Виктор занялся приготовлением обеда, а заодно и ужина. Когда Жанна была дома, этим занималась она, но теперь чаще и чаще эту проблему приходилось решать Виктору самому.

В теплое время года, то есть весной, летом и осенью, а иногда даже и зимой, они оба любили готовить еду на улице, во дворе перед маяком. Виктор сидел на перевернутой корзине перед костром и задумчиво смотрел на кипящее в котле мясо, когда услышал, что кто-то спускается с дороги по тропинке. Он слегка повернул голову на звук и увидел Жанну, аккуратно спускающую нагруженную тележку.

— Почему так рано? — спросил он девушку, когда та подошла к костру.

Вместо ответа Жанна откинула с тележки холстину. Под ней была рыба.

— Я понял. Ты продала нашу рыбу и купила эту.

— Не до шуток, Виктор, — сказала Жанна как можно серьезнее. — Это наша рыба.

— Правда?! Тогда, может быть, ты мне все-таки скажешь, что случилось.

— Я не продала ее и не купила ничего, потому что не хотела ничего брать из города. Там стали умирать люди. Говорят — это черная смерть.

Не вставая, Виктор повернулся лицом к морю, запрокинул голову и закрыл глаза. С моря дул легкий ветер, освежая лицо и играя волосами. Виктор чувствовал, что так хорошо ему уже давно не было. Наконец, через минуту-другую он улыбнулся и открыл глаза.

— Видишь, девочка, как все славно получилось, — сказал он с нескрываемым удовольствием. — С чего началось, тем все и закончилось.

— Не вижу причин радоваться. А потом еще ничего не закончилось. Все только началось.

— Закончилось, Жанна. Закончилось. Я чувствую это. Вчера приезжал из города человек, он привез мне деньги. Лиза назвала их тогда злыми. Теперь они стали добрыми. Это судьба, девочка, это бог, это... это какая-то высшая справедливость. В общем, так долж-

но было быть, и теперь я знаю, что она ждет меня там и простит. Мне осталось теперь только одно последнее испытание.

Голос Виктора звучал спокойно и умиротворенно. Сам он продолжал сидеть на корзине, купая лицо в порывах ветра.

— Ты опережаешь события, — слушая Виктора, Жанна незаметно для самой себя успокоилась, перестала глядеть на вещи так трагично, как раньше, и поэтому голос ее снова зазвучал так же, как всегда, — это обычные деньги. Больных и умерших в городе пока не так много, и вряд ли эти деньги прошли через их руки. Это просто совпадение, и ты придаешь ему слишком много значения. Все обойдется. Мы не будем пускать сюда никого, пока все не закончится. Да и никто сюда не придет: кому мы с тобой нужны, кроме нас самих. Вот только одна беда — есть мы теперь будем только рыбу. Но ты не переживай, я буду ловить тебе разную.

— Это хорошо, что ты шутишь. Но, все же, я прав. Я чувствую это. Будет так, как говорю я, потому что так должно быть. Вот увидишь.

— Посмотрим.

— Хорошо, не будем спорить. Время покажет.

— Согласна.

— Но как бы там не было, ты должна быть теперь подальше от меня. Я буду жить на улице — ты в доме. Огонь в маяке зажигать будешь ты. Если через неделю, точнее уже через шесть дней, ничего не случится — ты победила. Но это вряд ли. Да. Мясо это буду есть я один, — Виктор кивнул головой на котел. — Так что иди, начинай готовить себе разных рыб, как ты это называешь.

Вечером на третий день Виктор понял, что заболел. Гадать, что это за болезнь, он считал глупым — ему все уже было ясно.

— Видишь, Жанна, все случилось по-моему.

— Ты просто простыл на морском ветру.

— Я всю жизнь на этом ветру. Я забыл, как на нем простыивают... Ты должна уходить. Прямо сейчас. Мне осталось несколько дней, и я хочу прожить их так же, как и всю жизнь — один.

— Ты хотел сказать — с Лизой.

— Может быть... Прости, что прогоняю тебя.

— Ничего.

— Ты со всем справишься, ты выживешь — ты это умеешь. У тебя впереди вся жизнь.

Жанна задумалась.

— А если...

— Без всяких если, девочка. Иди, собирайся. Лучше уплывай вдоль берега на лодке: она тебе еще пригодится. Да и вещей нужных с собой увезешь больше. Не ленись, уплывай от этой заразы. А за меня не беспокойся, не переживай — я получу то, что хотел.

Жанна стояла, не двигаясь.

— Иди, не отнимай у меня время. Его и так осталось немного.

Все еще раздумывая над чем-то, девушка повернулась и медленно пошла к маяку.

Через час лодка была готова к отплытию. Жанна тоже. Она стояла на морском песке, держась за нос лодки, и все никак не решалась столкнуть ее в море. Виктор, по щиколотки в воде, засунув руки в карманы засученных по колено штанов, молча смотрел в морскую даль шагах в двадцати от Жанны. Его знобило.

— Виктор, мне все кажется, что я повторяю ту твою ошибку, за которую ты до сих пор расплачиваешься. Ты говоришь, у меня впереди вся жизнь. Она и у тебя была, когда умерла Лиза, но что ж с того. Может, мне все же не стоит покидать тебя?

— Ты все делаешь правильно, Жанна. Теперь совсем все по-другому — не как у нас. Во-первых, ты не любишь меня так, как я любил Лизу, поэтому сможешь пережить эту потерю...

— Об этом можно еще поспорить.

— Не стоит. Потому что есть во-вторых. Во-вторых, Лиза прогнала меня лишь потому, что не могла себе позволить быть виновницей моей смерти. Я же гоню тебя по другой причине.

— Так значит, ты мог бы позволить себе быть виновником моей смерти.

— Мог бы. Ты же знаешь, насколько, — Виктор усмехнулся, — я эту жизнь «ценю». Кроме того, ты сама этого хочешь. Ну и, наконец, надо сознаться, что ты мне тоже безразлична.

— Безразлична?

— Это мягко сказано. Что ты хочешь? У меня до сих пор не было еще ни одной женщины, а тут является юная красавица, год живет по соседству, потом год со мной, очаровывает всем: головой, речью, руками — а потом еще заявляет, что жить без меня не может. Чего же ты от меня ожидала?

— Я счастлива слышать это, Виктор. Но, — Жанна замолчала, ожидая продолжения фразы, как приговора.

— Но сейчас ты сядешь в лодку и уплывешь. А я останусь здесь. И тогда я смогу простить себя, — и, подумав, добавил: — И она меня простит. Теперь я вижу, что тогда, на берегу моря, я принял правильное решение.

— Значит, все? — спросила девушка дрогнувшим голосом, ког-

да пауза затянулась слишком долго.

— Все, — печально кивнул Виктор.

Жанна столкнула лодку в море.

— До свидания, Виктор.

— Нет, Жанна, прощай.

— До свидания. Это всего лишь ветер.

Виктор отвернулся и пошел к маяку. Пора было зажигать в нем огонь. Подниматься на самый верх так не хотелось. «А какое мне теперь до этого дело», — подумал Виктор, но тут же в мыслях всплыл образ старого больного Тома, рубящего дрова за несколько часов до смерти. Вдохнув, Виктор начал отсчитывать ступени.

«Боже, как болит голова. Какая адская боль. Сколько же она может продолжаться, и когда все это закончится? Может, попробовать открыть глаза. Хуже, наверное, не станет, потому что не может быть хуже. Надо попробовать. Медленно. Еще медленней. Почему все желтое? Что это? Где я? Какая адская боль — я ничего не вижу. Нет... вижу... Это одуванчики. Много, много одуванчиков. И солнце. Яркое желтое солнце. И девочка. Странно. Откуда здесь девочка?»

— Что с тобой, дяденька?

— Мне плохо, девочка. Я умираю. Кто ты?

— Я Лиза.

«Правда. Это же Лиза. Почему я не узнал ее сразу? Это все боль. Я не могу из-за нее ни думать, ни видеть».

— Что ты здесь делаешь, Лиза?

— Я жду моего друга. Мы живем рядом, и в это время наши мамы отпускают нас гулять. Он скоро придет сюда. Это наше любимое место.

— Как его зовут?

— Виктор.

— Хорошее имя.

— Да... Он и сам хороший. Только я ему об этом не говорю, чтобы не зазнавался. И ты не говори, дяденька. Не будешь?

— Не буду.

— Он клянется, что никогда не оставит меня одну. Ты ему веришь?

— Верю. А ты?

— Еще не знаю. Ты, дяденька, не умирай. Не надо. Это плохо, когда люди умирают. Мой папа тоже умер, и я так плакала. И мама тоже плакала. Ты не умрешь?

- Нет, не умру.
- Честно-честно?
- Честно-честно
- Ну, тогда я побегу. Слышишь? Он зовет меня.
- Слышу, Лиза. Беги.

«Странно. Это не мой голос. Это голос ребенка. Хотя чего же тут странного — я и есть тот ребенок. Это все боль. Она мешает мне думать. Я что-то забыл сказать Лизе. Что? Что же? Что-то очень важное. Так хотелось сказать. Не помню. Ничего не помню. Какая адская боль. И как хочется пить. Пить. Что это? Я пью? Действительно — пью. А боль. Она проходит, проходит. Боже, спасибо, спасибо. Как мне хорошо! Но кто это рядом?»

Виктор пришел в себя и открыл глаза. Головная боль отпустила, жар спал и пить больше не хотелось. Он действительно лежал на одуванчиковой поляне и действительно сияло яркое желтое солнце. Только поляна была не та, детская, а эта, рядом с маяком. Перед ним на траве, скрестив под собой ноги, сидела Жанна и смотрела на него так, как заботливая мать смотрит на захворавшего ребенка: нежно, внимательно и с едва заметной счастливой улыбкой.

— Не говори ничего, пожалуйста, пока я не скажу все, — голос Жанны звучал нежно как никогда. — Да, я знаю, я тебя ослушалась. Но на то были причины. Точнее, они появились.

Жанна откинула со лба волосы, тихонько укусила нижнюю губу, после чего продолжила тем же голосом.

— Мы расстались с тобой позавчера вечером, и я честно и добросовестно выполняла твое желание — уплывала вдоль берега все дальше и дальше, пока... Пока после бессонной ночи не пристала к берегу, чтобы поспать несколько часов. Я заснула почти мгновенно. Ты помнишь, конечно, про сны, о которых я тебе рассказывала. Не торопись перебивать меня, пожалуйста. Дослушай. На этот раз ты поверишь, что я говорила правду... Меня разбудила девушка моего возраста с длинными густыми волосами, красивее которых я никогда не видела. «Пойдем со мной, Жанна — это нужно нам обоим», — сказала она, и я сразу поняла, кто она такая. Мы поднялись по тропинке и дошли до опушки небольшой рощи. Здесь она остановилась. «Я хочу, и ты, я знаю, тоже, — сказала она, — чтобы ты вернулась к Виктору и провела с ним его последние дни. И еще я хочу, чтобы он себя простил. А за меня пусть будет спокоен — я никогда не считала его виноватым. Я скажу тебе, что надо сделать, чтобы он поверил каждому твоему слову». И она сказала. И еще сказала, что будет ждать тебя там. А я проснулась в лодке и поняла, что все это был сон. Такой же, как много других, ему подобных, про

которые я тебе говорила. Было только одно отличие — теперь я знала, что надо сделать, чтобы ты поверил мне. Держи.

С этими словами Жанна вынула из-за спины и вложила в руки Виктора необычно прекрасный и пышный венок из ярко-желтых одуванчиков. Много лет Виктор не видел такого венка. Все еще не воспринимая всерьез услышанное, он поднес венок к глазам и отогнул несколько цветков в сторону. Под ними стебли сплетались тем же замысловатым порядком, разгадать последовательность которого он так долго и так безуспешно пытался в детстве.

Осознание случившегося накатилось внезапно.

— Это... это она тебе дала?

— Нет. Это я сплела только что. Но она научила меня этому.

— Во сне?

— Да. На опушке той рощи недалеко от берега. Там тоже росли одуванчики.

— Значит, все это правда?

— Конечно, правда. Я всегда тебе это говорила.

— И с приходом смерти все только начинается?

— Да, милый. Как ты и хотел.

— И она никогда не считала меня виноватым?

— Никогда.

Виктор медленно обвел взглядом все вокруг, как будто пытаюсь навсегда запомнить: по-летнему синее небо, легкие прозрачные облака на нем, ослепительное, но не жгучее солнце, зеленые деревья невдалеке с щебечущими в их ветвях птицами, желтые одуванчики со стрекочущими кузнечиками и жужжащими пчелами. И еще море, которого с поляны не было видно, но его шум и его свежесть тоже были тут. И все это только им двоим.

— Не слишком ли это много для одного человека?

— Для одного человека — много, для тебя — нет.

— Постой, а как же Том. Ведь ты обещала ему жить. Он так на тебя надеялся.

— Я и буду жить. Там. Он не знал тогда всего. Теперь он меня не осудит.

— Наверное, ты права.

— Так я правда тебе не безразлична? — улыбнулась Жанна.

— Смейся, смейся, девочка. Теперь можно. Теперь нужно смеяться. Мы так долго этого не делали. Я не мог сказать тебе раньше — теперь скажу. Ты самая лучшая девушка на этом свете. И самая красивая.

— Без одежды я еще красивее.

— Ничуть не сомневаюсь.

- Как ты думаешь, сколько нам осталось?
- Дня два, три — не больше.
- Больше не надо. Эти наши три дня будут больше, чем вся прошлая жизнь.
- Гораздо больше.
- Я буду ухаживать за тобой, когда ты ослабеешь.
- А я покажу тебя все цветы на моей дороге.
- Наверное, я люблю тебя, Виктор.
- Наверное, теперь и я тебя тоже.

Стук-стук-стук. Глухо стучат по пыльной дороге копыта украденной лошади.

«Нужно торопиться — ему осталось так мало. Третий город налево по берегу моря. Меньше суток с перерывом на отдых. Рыночная площадь. Дом на углу, стоит косо по отношению к другим домам. Трудно ошибиться. Тетя Мария. Нет. Бабушка Мария. Вряд ли жива. Но дети, внуки — может кто-то знает. Кто-то должен знать! Жива? Неужели!? Как все просто».

«Юная запыхавшаяся красавица с мешком одуванчиков в руках, как ты удивлена. Ты думала, я буду задавать вопросы. Нет. Я покажу тебе так. Я вижу, что тебе это надо. Ну, может быть, один. Ты его дочь? Нет? Тем лучше — вы стоите друг друга. Запомнила? Через раз каждый третий цветок пропускаешь. Теперь попробуй сплети сама. Почему я не спрашиваю о нем? Зачем. Я вижу, кто с ним, больше мне ничего знать не надо... Беги, спеши к нему. Возьми мою лошадь — твоя устала. Я очень рада за вас. Скажи ему это... Лиза».

Стук-стук-стук.

«Лиза. Она назвала меня Лизой. Всего одно слово, но сколько смысла она в него вложила, сколько сердца. И все это мне. Как хорошо! Теперь я вижу, чувствую, знаю — я все делаю правильно. Я успею... И ты за все простишь меня, Лиза».

Сахалин, 06.03.1999

СЛУЧАЙ В ГАЛАКТИКЕ 36-80

Год две тысячи какой-то. Территория ООН. Центральная Африка.

— Вы готовы, господин профессор?

— Вполне.

— Что ж, — по лбу генерального секретаря Организации Объединенных Наций Луи Бартеза скатилась капля пота. — Уважаемые президенты, позвольте представить вам: профессор Мицлав Краевский — экспериментальная вирусология.

Охнуло в зале сдержанное негодование. Предсказуемо. Выдернуть президента крупной индустриальной державы из четко спланированного графика жизни страны, чтобы послушать какого-то польского ботаника — чего же вы хотите. А учесть, что президент один не появляется — советники, охрана; а добавьте, что это не в соседнем штате, а на другом континенте; а теперь помножьте все на сорок восемь — здесь, в джунглях Африки, в самом охраняемом бункере в мире, собралось сорок восемь президентов — так чего же вы, в самом деле, хотите. Конечно, предсказуемо. А вот что будет, когда Краевский закончит — одному богу известно. Но что-то обязательно будет.

Генеральный промокнул лоб носовым платком:

— Прошу вас. Начинайте.

Краевский, игнорируя крытые бархатом ступеньки, ловко оперся рукой о спинку одного из пустующих перед ним кресел и легким прыжком перенесся из второго ряда в центр зала. Шестидесят пять лет. В очках, но не хлюпик — скроен прекрасно. И прыгает здорово — молодец, подготовился. В руках ничего нет — все в голове. Президенты от неожиданности притихли. Пока все по плану.

— Начну без предисловий, господа, — он сделал паузу, обвел всех внимательным взглядом. — Через сорок пять суток погибнет одна шестая часть населения земного шара. По-другому — каждый шестой. Еще по-другому — один миллиард человек. Эта ситуация абсолютно непоправима и от нас уже ничего не зависит. У вас минута, чтобы прийти в себя, после чего я продолжу.

Краевский щелкнул таймером на запястье и с безучастным видом принялся разглядывать потолок.

Все!.. Самое страшное позади.

«Каждое лето, когда приходит долгожданная пора летних каникул, мой папа берет на работе отпуск и мы втроем, вместе с бабушкой, отправляемся отдыхать к другой нашей бабушке — в Москву.

Раньше, надо признаться, я боялась летать в самолете, а теперь меня за уши из него не выгатишь. Во время полета папа очень любит смотреть в окно, а я, как видно, вся в папу. Словом, каждый раз мы садимся в одно кресло, папа держит меня на коленях, и мы всю дорогу смотрим вниз на разные реки, горы и поля или просто на облака.

В Москве бабушки целыми днями болтают друг с другом, смотрят телевизор и вяжут носки, а мы с папой катаемся на метро и посещаем всякие необыкновенности. В этом году мы побывали с ним в цирке, зоопарке, лунопарке, шести музеях, а еще ходили на Красную площадь и были на концерте группы «Абырвалг».

У бабушки есть дача в Подмосковье и одну неделю этим летом мы жили там. Рядом с дачей красивое озеро и мы с папой ловили в нем рыбу и варили на костре уху. А потом пекли в углях картошку и ели ее вместе с кожурой. Папа говорит, что это ничего, что я девочка — все равно он меня любит и всему научит.

Так я провела это лето.

Так хочу проводить и остальные».

Учительница захлопнула тетрадь и посмотрела на Лену. Класс, заодно с директором, в ожидании молчал.

— Скажи, Сидорова, тебе никто не помогал писать это сочинение?

— Никто, — холодно отрезала девочка.

— И слово «необыкновенности» ты сама придумала?

— Да.

— Зачем?

— «Достопримечательности» звучит нудно.

— Что ж. Очень неплохо для ребенка одиннадцати лет. Очень. Мы с Николаем Ивановичем, — учительница бросила взгляд на директора, — думаем послать тебя на областную олимпиаду в Южно-Сахалинск. Поедешь?

— Поеду.

— Это хорошо. Мы уверены, что ты сумеешь там победить. Тогда ты продолжишь борьбу дальше и сможешь на самом деле побывать в Москве, — на секунду учительница задумалась, а потом серьезно добавила: — Только, пожалуйста, Лена, не разбивай там никому носы. И не таскай за волосы. Хорошо?

Девочка посмотрела на ребят, директора, учительницу, пожалала плечами, потом ответила:

— Это уж смотря что они будут говорить про моего папу.

Утро это было много лучше других: Андрея не успело начать колотить. Он открыл глаза под сладостные звуки — в граненые стаканы, позвякивающие друг об друга на замызганном обедками табурете, чья-то трясущаяся рука с приятным бульканьем разливала красно-коричневую жидкость. Чья — не важно, что — не важно, главное успеть выпить. Взял. Ага. Уже скоро. Уже у рта. Пошло. Хорошо, черт, пошло. Портвейн. Какой? Какая разница — все они одинаковы, но сегодня колотить не будет... Если, конечно, удержится в желудке.

Андрей вернул пустой стакан на место, закинул в рот горсть ботвы с табурета, проглотил, почти не жуя. Теперь можно осмотреться: место — подсобка Калюжного, время — вроде зима (на окошках иней), люди — Опарыш, Колька-хромой и сам Калюжный, скрючился на кровати, держится за живот. У него язва, да и черт с ним. Лишь бы у самого удержалось.

— Еще есть?

— Откуда.

— А эта откуда?

— Какая хрен разница. Где еще брать будем? — Опарыш неуютно поежился.

— Еще бы пару таких, — вздохнул Колька.

Лицо Калюжного внезапно начало краснеть, щеки надуваться. Он выпрыгнул с кровати и бегом, прямо в носках, выскочил в сени. Еще через секунду скрипнула наружная дверь, и в морозном воздухе отчетливо прозвучал шлепок толстой струи об ледяные ступеньки крыльца.

Не удержал. Язва.

Дверь из сеней открылась, и в комнату ввалилось нечто в измятой и изгаженной полевой военной форме. На погонах звезды. Прапорщик. Трясет его по полной, глаза умоляющие.

— Мужики, налейте, а?

— Ты кто?

— Васька я. С вами же вчера пил!

— Не помню, — Опарыш крутил в руках пустой стакан. — Может и пил. Может не пил. Но сейчас нет ничего.

Андрей не помнил тоже. Из сеней ввалился хмурый Калюжный и устался на гостя.

— Че пришел? — подумав, спросил он. — Вали отсюда, пока в лоб не дали. Самим пить нечего.

Прапорщик заметался от одного к другому, просяще заглядывая в глаза и тряся за одежду:

— Налейте, налейте, мужики. Я же вчера с вами пил.

Андрей ударил его кулаком по виску и, когда тот упал, стал пинать ногами. Колька с Опарышом смотрели и зубоскалили. Калюжный равнодушно прошел мимо и лег на кровать, снова схватившись за живот. Потом, когда Андрей устал, прапорщик отполз и забился в угол. Все сидели и молча ждали. Если повезет, кто-нибудь заглянет. С чем-то.

Сколько прошло времени, никто не знал — часов не было. Вместо их тиканья тишину нарушало равномерное хлюпанье разбитого носа из угла. Когда стало невмоготу, вышли на улицу все пятеро. Холодно. Мерзко. Но надо что-то делать. Где-то искать...

Вечером все ужасы утра были забыты. Пили не только портвейн — была и водка. Была закуска, были бабы. Синячки, конечно, местные, но все равно бабы. Калюжный больше не блевал, Колька-хромой отплясывал кренделя почище здорового, а у прапорщика прошел нос и лицо стало таким светлым, что, глядя на него, вполне можно было поверить, что это настоящий защитник своего отечества. Он оказался, кстати, неплохим мужиком, первым начал бить у магазина того чахлого студента, у которого, лежащего на льду, они потом выпотрошили карманы и на чьи деньги теперь пили. А еще этот самый Вася-прапор шепнул Андрею и Калюжному по секрету от других, что живет он сейчас в одной служебной квартире с военным врачом, отбывающим через неделю на материк, на гражданку, и есть у этого самого врача красная икра в хорошем количестве, готовая к отправке. Ключи есть, вынести несложно, продать еще легче — словом, за ближайшие три-четыре дня можно не беспокоиться.

В самый разгар веселья Андрей выбежал в морозную тьму. Шоколад и пепси купил в ларьке, там же и портвейн на утро. Уже сильно качало, но дорогу он находил в любом состоянии: пятнадцать минут ходьбы, третий подъезд, четвертый этаж, направо.

Он не успел нажать на звонок — дверь открылась раньше.

— Как хорошо, что ты пришел, папа, — Лена обняла его. — Мы тебя очень ждали.

— Ага, — добавила из кухни мать. — Очень. Только иди сперва отмойся, пьянь подзаборная. И потом шагом марш ужинать.

— Группа пикорнавирусов, — спокойно докладывал Краевский. — Однонитчатый, РНК-содержащий, без белковой оболочки, семь нанометров в диаметре. Я догадываюсь, господа президенты, что не всем это о чем-то говорит, поэтому поясню сразу: это в пять раз тоньше вируса СПИДа. А если учесть, что вирион способен

обратимо расплетаться из третичной структуры в первичную, то преград для него, собственно, и нет. Этот вирус проходит сквозь бетонную стену, оконное стекло, стальную пластину. Есть пара редких материалов, не пропускающих его, но толку в них теперь мало.

— Почему?

— Потому что поздно. Все население планеты уже заражено. Вы. Я. Господин Бартез. Все шесть миллиардов. Тотальное заражение произошло в первые двое суток после выхода вируса из-под контроля.

— Из-под чьего контроля?

— Хороший вопрос, но обо всем по порядку, — Краевский сел рядом с генеральным, налил минералки. — Уважаемые господа президенты, у вас у всех сейчас масса вопросов. Это понятно. Я уверен, что когда я закончу, их будет меньше. Поэтому убедительно прошу вас не перебивать меня и позволить мне вести беседу по сценарию, спланированному мною, господином генеральным секретарем и специалистами по поведенческим реакциям из группы анализа и прогнозирования.

«Во загнул, — мысленно улыбнулся Бартез. — Интересно: домашняя заготовка или импровизирует на ходу».

— Прежде, чем искать виноватых, — продолжил поляк, — давайте до конца уясним последствия случившегося. Итак, заражены все. Инкубационный период пятьдесят суток, пять из которых уже прошли. Вирус работает точно, как часы: сейчас он только размножается в каждом из нас, не причиняя вреда. Но через названный мною срок он вплетется в ДНК каждой клетки каждого человеческого организма и начнет синтезировать свой, а не человеческий белок. Не обольщайтесь — космических монстров из нас не выйдет. Просто все умрут. Все люди. Животные и растения, к счастью, к этому невосприимчивы.

— Вы говорили каждый шестой.

— А еще я говорил не перебивать меня.

— Не забывайте, вы разговариваете с президентом!

— Это вы не забывайте — президентов здесь сорок восемь, а толковый вирусолог один. Так вот. Через полтора месяца, когда болезнь начнется, спасти кого-либо будет невозможно. Лечения от этой дряни нет, но есть заблаговременная профилактика. Четкая, проверенная, стопроцентно эффективная. Введение определенной сыворотки со специфическими антителами убивает все не вплетенные в ДНК человека вирусы и создает иммунитет к повторному заражению еще на полгода. Хорошая сыворотка. Дельная. Стоящая... Жаль вот только мало: пять миллиардов доз. И никакие современные технологии не позволят синтезировать недостающий

миллиард, да и вообще хотя бы еще одну дозу, раньше, чем через те же сорок пять суток. А тогда это уже будет незачем. Поздно.

Краевский выдержал паузу, повернул голову к Бартезу и еле заметно кивнул. Генсек понимающе кивнул в ответ и ослабил узел галстука.

— Я думаю, — явно нервничая, вытянул он, — что настала пора послушать виновников создавшейся ситуации.

Сун Жии, президент Китайской Народной Республики, уже спустился вниз по проходу. Он прекрасно знал, что все события в этом мире нейтральны — это люди сами придумывают себе чувства, с которыми они хотят относиться к этим событиям. Поэтому Жии старался не переживать и не тянуть время с признанием своей вины.

— Этот вирус дело рук моих военных ученых, — спокойно сказал он, присаживаясь рядом с Бартезом и Краевским. — Я, как глава государства, ничуть не пытаюсь снять с себя ответственность за все случившееся, но пробую оправдать себя как человека — о возможности развития такой катастрофы я не знал.

Жии подождал, когда улягутся смешки в зале и продолжил:

— У меня не Франция, а Китай — за всеми не уследишь. Совершенствование и разработка новых видов оружия массового поражения, в том числе и бактериологического — нормальное явление для любой уважающей себя державы, имеющей сильную армию и развитую экономику. И чем смертоноснее каждое новое изобретение, тем выше оценивается работа ученых. Другой вопрос удерживание оружия под контролем, но это техническая сторона, я в ней не компетентен, поэтому считал достаточным для себя просто быть информированным, что все там у нас в порядке. Тем более, что так оно и было, пока не вмешались американцы.

Зал снова оживился. Президент Соединенных Штатов Америки, Фил Блэкмор, встал из кресла первого ряда и занял место в президиуме на достаточном расстоянии от президента Китая.

— У меня тоже экономически развитая держава, — без тени раскаяния на лице объяснил он. — И тоже хорошая армия. А ведение военной разведки с целью обеспечения обороноспособности — это тоже нормальное явление для всех уважающих себя государств. Кто же знал, что ваша зараза проходит через герметически запаянные пробирки. Ваши люди знали, господин Жии, а если знали, то или бы не синтезировали этот вирус, или бы очень хорошо охраняли. Так что вся вина на вас.

— Они и охраняли, пока ваши люди их не убили.

И так далее, и тому подобное. Могли и до бесконечности, но дорого время. И нервы. Нервы сорока шести остальных президентов должны быть спокойны. Может они не самые умные и не

самые гуманные в мире люди, но теперь им выпало решать судьбы даже тех, кто умнее и гуманнее их. Пусть решают спокойно.

Бартез посмотрел на скучающего Краевского, на часы, на сидящих в зале, едва заметным жестом позвал охранника, вытянул из под его пиджака пистолет и выстрелил вверх.

— Хватит, — бросил он онемевшим от неожиданности Жи и Блэкмору. — И так все ясно. Идите в зал. И вы, профессор, наверное, тоже.

Пока Краевский занимал свое место во втором ряду, а двое обиженных пытались подобрать слова возмущения, генеральный, придерживав большим пальцем, аккуратно опустил курок, поставил пистолет на предохранитель и вернул охраннику.

— Больше не буду, — пообещал он все еще хранящему тишину залу, — и знаю, что мог бы прекратить спор без этого. Но прощения за бестактность просить не стану. Этим выстрелом я хотел довести до вас две вещи. Первая: мы здесь с вами не на светском рауте. Мы решаем судьбу миллиарда людей. Даже больше, потому что у этого миллиарда есть дети, жены, матери и так далее. И если мы тут с вами будем любезничать и соблюдать все дипломатические ритуалы, то ни к чему хорошему это не приведет. Общаться будем коротко и ясно, без вводных слов, хвалебных речей и без затаенных задних мыслей, вроде: что же подумает Европа, если я предложу то-то и то-то для Азии. Предлагайте то, что логично и конструктивно. А кто и что про это подумает теперь уже не имеет значения... И второе в моем выстреле. Знаете, хотел лишний раз напомнить, что хотя обсуждать и решать что-либо мы будем коллегиально, главный все же здесь я. Это для любителей тянуть одеяло на себя. Хватит. Двое, вон, уже натянулись.

Бартез откинулся на спинку стула. Жи и Блэкмор молча пошли на свои места.

То ли от уюта, то ли от тепла Андрея накрыло больше, чем от водки: отключился в ванной прямо под струей воды. Засыпал сладко, спал еще слаще. Он проспал бы так спокойно до утра, а может, и всю жизнь, если бы не строгая мать. Ледяной ливень вернул Андрея к реальности — мать провернула синий кран до отказа и нещадно поливала сына душем, не давая подняться. Сперва ему показалось, что вот он — конец, но потом неожиданно стало лучше, а потом совсем хорошо.

— Давай, мать! Давай! — хохотал Андрей. — Врубай кран на полную!

Хмель как рукой сняло. В толстом махровом халате на голое тело Андрей появился на кухне. Лена наливала борщ в его тарелку.

— Как ты вовремя, папа. Как раз тебе наливаю.

— Хорошая ты у меня, дочка. И хитрая...

Есть особо не тянуло. Хотелось просто сидеть за столом в маленькой кухне с матерью и дочкой, никуда не торопиться и разговаривать, разговаривать. А еще хотелось выпить, особенно после внезапно наступившей от холодного душа трезвости.

Мать перехватила его ищущий взгляд, достала из холодильника уже налитую большую рюмку водки, поставила перед сыном.

— На уж. Для аппетита. Первая и последняя.

Андрей посмотрел на мать благодарными глазами, потом с наслаждением выпил и заработал ложкой.

— Холодная водка, горячий борщ — что еще нужно мужчине, чтобы спокойно встретить старость, — с трудом выговорил он набитым ртом.

— Это не про тебя, — поправила мать. — Тебе и одной водки хватит.

— Не надо так, бабушка, — заступилась Лена. — Он обязательно бросит. Правда, папа?

— Правда, дочка. Обязательно.

Горячая волна удовольствия уже прошла по телу, было чертовски хорошо, и Андрей, в самом деле, верил в то, что говорил. В этот вечер к спиртному его больше не тянуло. Долго и неторопливо сидел он на кухне, пил чай и слушал, слушал, слушал. Мать хвалилась школьными успехами своей внучки, жаловалась слегка на бытовые трудности. Лена рассказывала веселые истории про одноклассников, прятала, как могла, содранные в кровь костяшки пальцев.

Когда чай перестал помещаться внутрь, Андрей неожиданно щелкнул дочь по носу:

— Ну что? Морской бой?

Лена не менее неожиданно щелкнула отца в ответ:

— А то как же!

Мать застелила им две кровати в разных концах комнаты, включила светильники в изголовьях. Полусидя на высоких подушках с тетрадным листом и твердой книгой в руках Андрей старательно отбивался от геометрически выверенных нападков своей дочери. На е-четыре-мимо он заснул.

— Итак, начнем, — Бартез стукнул пальцем по клавише ноутбука, раскрытого перед ним. — Чисто с математической точки зрения нам легче определить, кому не давать сыворотку, чем кому давать. Один меньше пяти. Логично?

— Логично, — согласился из зала президент Российской Федерации Николай Камышин, — но это не самый убедительный довод в пользу такого решения. Дело не в математике. Просто мы не найдем критериев отбора для пяти миллиардов. Если бы мы спасали сто тысяч, то легко отобрали бы для сохранения цивилизации самых талантливых ученых, самых способных организаторов, производственников, специалистов и тому подобное. А в пять миллиардов затешется столько скучнейшей посредственности, что определить, кто из них более достоин выжить будет невозможно. Потому нам ничего не остается, как действовать от противного — определять, кто выжить не достоин.

— Спасибо, — вернул себе слово Бартез. — Именно такие инициативные мысли я буду рад выслушивать в процессе нашего диспута. То есть с этим моментом определились?

Послышались нестройные, но однозначно утвердительные ответы.

— Хорошо. Тогда вот мои начальные мысли по этому миллиарду. Да, сразу замечу, — генеральный поднял вверх указательный палец, — когда я говорю «мы», «я» или «мои», я имею ввиду не только себя, но и всю широчайшую систему, весь отлаженный механизм Организации Объединенных Наций. Мы подготовили список категорий населения нашей планеты, которые по тем или иным причинам более других претендуют на печальную роль. Давайте будем для ясности называть их группами смерти. Например, больные неизлечимыми формами раковых заболеваний, да и вообще, больные любимыми хроническими заболеваниями в терминальной, то есть предсмертной стадии.

— Очень шаткая граница, — раздалось из зала. — Где гарантия, что стадия терминальная.

— Гарантии нет, но лучше обделит сывороткой больного с прозрачными шансами на выздоровление, чем вполне здорового человека. Нам, господа, надо укомплектовать миллиард, а по моим данным, — Бартез покосился на экран ноутбука, — даже с сомнительной терминальностью больных набирается лишь на пятьдесят миллионов. Так что вопрос о гарантиях, я думаю, излишен.

— Огласите, пожалуйста, весь список.

— Разумеется. Только, чтобы не было преждевременных негодований и возмущений, предупреждаю: это список всего лишь претендентов, поэтому он достаточно широк и включает в себя населения гораздо больше миллиарда. Выслушайте его спокойно до конца, потом его выведут на ваши компьютеры с приблизительным количеством населения по каждой группе, а уж потом начнем обсуждать, кого оставить, а кого нет. Я могу начинать?

Зал одобрил.

— Итак. Кроме умирающих больных, существуют инвалиды той или иной степени выраженности, которые будут жить еще долго-долго, но вопрос как счастливо. Слепые, безрукие, безногие, разные. Самых тяжелых из них, я думаю, тоже можно рассматривать как кандидатов. Далее возрастной ценз. Вполне логично отдать предпочтение в сыворотке тридцатилетнему мужчине, чем семидесятилетнему старику. Планку возраста тоже можно обсудить. Господин Краевский, кстати, недавно продемонстрировал нам, что слишком низко опускать ее не стоит. Следующие: дикие нации. Пигмеи центральной Африки, индейцы бразильской сельвы и прочие народности, ведущие нецивилизованный образ жизни. Их и отыскать-то для прививки будет сложно, но, тем не менее, считаю своим долгом заметить, что даже первобытный охотник-туземец зачастую бывает чище и нравственнее многих цивилизованных ублюдков. Кстати, это тема следующей группы. Назовем ее по научному «асоциалы», а для ясности просто — дерьмо. Группа тоже очень разношерстна. Сюда, конечно, нужно включить заключенных, отбывающих наказания за особо тяжкие преступления, но вот с менее тяжкими — вопрос спорный. Они тоже за решеткой, но кто-то мог просто оступиться, кто-то совершил преступление непредумышленно, есть много еще разных кто-то. Сюда же, к дерьму, можно отнести бомжей, попрошайек и хронических пьяниц, ведущих асоциальный образ жизни. Заодно генофонд прочистится. Ну и последнее, — Луи Бартез сделал паузу, — как это не жестоко звучит, но за свои поступки надо отвечать. Поэтому я предлагаю включить в рассматриваемый список определенный процент вполне здоровых и нормальных людей, вся вина которых состоит лишь в том, что они родились гражданами двух не самых хороших государств: США и КНР.

— Дайте сначала цифры, — зло огрызнулся Сун Жии.

— Держите, — Бартез щелкнул по клавишам. — Пятнадцать минут на ознакомление. Потом обед. В тринадцать по Гринвичу начнем обсуждение.

Генеральный секретарь ООН покинул зал заседаний. Сразу за ним вышел и Краевский.

Обсуждали долго: до вечера и весь следующий день. Считали, спорили, сортировали калек, пигмеев и уголовников, запрашивали статистические данные, снова считали, снова спорили, снова сортировали.

К вечеру второго дня четко определились с безнадежными больными, дикими народностями, махровыми преступниками и теми, кому за семьдесят. Итого шестьсот миллионов. Претендентами на недоста-

ющие четыреста остались китаеамериканский «альянс», группа «шестьдесят шесть тире семьдесят» и дерьмо, то есть асоциалы. Причем как-то так совпало, что две последние группы по статистике набирали ровно по четыреста миллионов. Ну а китайцев с американцами подогнать под эту цифру тоже труда не составило бы. Разумеется, не поровну, а пропорционально народонаселению этих стран.

Три раза проводили тайное голосование с неизменно смешным результатом: по шестнадцать президентских голосов за каждую группу. Бартез голосовать отказывался. Словом, бред, как и вся ситуация изначально. И решение, в конце концов, приняли бредовое. Но тут уж какое приняли...

Проснулся Андрей поздно. Дочь давно была в школе, мать на работе. В кухне на столе нашел он завтрак и записку: «Папа, дождись меня, пожалуйста. Лена». За окном мороз. Еще солнце.

— Дождусь, конечно, — сказал он сам себе, спускаясь за портвейном, спрятанным в сугробе.

— Дождусь, — не сомневался он, допивая первый стакан.

И после второго он тоже был уверен, что дождется. Но потом вспомнились халявная икра, грозящая ему не достаться, хитрый Калюжный, всегда готовый прибрать общие денежки себе, Нинка-заика, баба хоть и глупая, но после водки веселая и безотказная. Да и вообще — просто портвейн кончился.

Андрей оделся и вышел на улицу. Ноги сами собой понесли к ларьку, а потом в подсобку к Калюжному. Где-то на полпути с неба упал вертолет и завис над дорогой. На тросах вылетели люди в камуфляжах и масках. Дальше память дала трещину. Основательною.

Приход в себя был, мягко сказать, жутковатым. Не физически — информационно.

Три группы по пять человек. Первая китаеамериканская. Четыре плюс один. В смысле гражданства. Три плюс два в смысле пола, обе китаянки. Возраст от двадцати до сорока. Физически развиты. Социально значимы. Материально обеспечены. Лучшая группа.

Вторая — старики. От шестидесяти шести до семидесяти, тоже две женщины. Подобрали, конечно, хороших. Дай бог всем старикам так выглядеть. Гражданство — с бору по сосенке, но китайцев с американцами нет.

Третья — дерьмо откровенное. Но физически крепкие, к мордобою привыкшие. Тоже пятеро: Нинка-заика, Люська Опариха, Анд-

рей, Калюжный и Вася-прапорщик. Словом, повезло доктору — икра целая будет.

Ооновские переводчики на нескольких языках объясняли пятнадцати участникам вначале всю создавшуюся ситуацию, а потом, что, собственно, от них хотят, и почему у них нет альтернативы. Можете не участвовать. Ваше дело. Но сыворотки вы тогда не получите. Не получите лично и подставите четыреста миллионов людей, подобных вам: китайцев, американцев, стариков... ну и прочее.

Участники слушали, понимали, верили. Китайцы, увидев своего президента, даже спели национальный гимн. Сотни миллионов жизней твоего народа — это повод перестать обижаться, что тебя, без твоего ведома, самым бесцеремонным образом выдернули из повседневной жизни. Старики тоже были полны амбиций за своих сверстников и рвались в бой.

Что же касается Андрея Сидорова, то ему было абсолютно наплевать на всех алкашей планеты, включая тех, что были с ним рядом, но сам оставаться без сыворотки он не собирался. Поэтому слушал внимательно и тоже был готов действовать.

Утром вертолет высадил их в джунгли.

— Красотица, — зло прошипел Калюжный, сняв с глаз повязку и раздавив армейским ботинком полуметровую сороконожку, пытавшуюся залезть к нему на ногу. — Влажные экваториальные леса, мать иху тудыть.

— Больше похоже на джунгли, — глупо озираясь, пролепетал прапорщик.

— А это, Вася, одно и то же, — Андрей подтянул потуже ремень. — С чего начнем?

Нинка с Люськой, обняв друг друга со страху, молча стояли в сторонке. Обоих колотила дрожь.

— Мне дубина нужна, — практично определился Калюжный. — Да и вам не помешало бы. Пока крокодилы не набежали.

Все согласились, занялись работой. А вообще дел предстояло много. В трехстах километрах от места высадки находилась горная цепь Вирунга. Высшая вершина цепи — вулкан Карисимби, четыре с половиной тысячи метров над уровнем моря. Кратер вулкана конечная точка пути для всех трех групп — последняя группа проигрывает, а с ней и все ее четыреста миллионов. Зачет в дохождении по первому из группы, потому что... потому что вряд ли все дойдут. Без карты, без компаса, без оружия, еды, воды, огня. Это по джунглям-то! А потом на гору без альпинистского снаряжения. Со-

вет президентов решил, что в таких страшных условиях факт дохождения до цели хотя бы одного представителя будет лучшим обоснованием права остаться на планете всей его четырехсотмиллионной компании.

Дубины наломали быстро — хоть влажный экваториальный, но лес все-таки. Бабам тоже сделали по одной — на всякий случай.

— Куда идти-то? Куда? — не переставая, ныл прапорщик.

Вопрос был сложный и главный. Дополнительным элементом сложности было то, что ни одной из групп не сказали, ни где находится Карисимби, ни где их высадят. Исходное топографическое данное одно — до вулкана триста километров. Куда хочешь, туда и иди.

— Это вам не портвейн лопать, — чесал затылок Калюжный. — Надо было географию в школе учить.

Полчаса прошло впустую. Первые минут пять обсуждали, кто что помнит про горы Африки — оказалось никто ничего не помнит. После просто сидели, молчали. Потом Андрея осенило.

— Джунгли не могут окружать эти горы со всех сторон. Потому что тогда все группы пошли бы наугад — никто не знает, в каком месте их высадили. Но вряд ли нам дали задание на везение — кто угадает, правильнее было бы дать на знания — кто умнее, тот и выживет. Горы только с одной какой-то стороны от джунглей, а джунгли от гор. С севера там, востока, юга или запада. Наверняка эти сволочи китайцы и стариканы знают географию и знают, что с какой стороны, а президенты знают, что они знают, поэтому не сказали никому, где высадят и куда идти. Дескать, те найдут, а мы хренушки. Скоты они эти президенты, да не на тех напали.

— Ну а дальше-то что? Что все это значит?

— Это значит, что всем идти в одну сторону, к одному вулкану и всем триста километров. То есть все три группы высадили рядом, я думаю, километрах в пяти друг от друга по одной линии, перпендикулярной к направлению на вулкан. Поэтому и глаза закрывали, чтоб других висящих вертолетов не видели.

— Ну и что из этого?

— А то, что вертолеты все три, во-первых, должны были отлететь в одну сторону одновременно, чтобы шумы винтов слились и каждая из групп не догадалась, что рядом другой вертолет высадил другую группу, а во-вторых, отлетать они должны не вдоль той линии, по которой нас выстроили, а поперек, чтобы не попасть в зону видимости или слышимости другой группы.

— Это верно только для среднего вертолета, остальные могут отлетать в три стороны из четырех — все равно их не увидят.

— Да. Но услышат шум другого вертолета, если они будут разлетаться в разные стороны. Услышат, поймут, где их искать, и ночью тихонечко найдут, — Андрей кивнул глазами на дубину. — В общем, все должны были отлетать в одну, куда и наш. Назовем это западом. Судя по солнцу, так оно и есть. Значит группы выстроились в ряд с севера на юг. Значит Карисимби точно не на севере и не на юге.

— Либо на западе, либо на востоке, — согласился Калюжный. — Это уже лучше. Пятьдесят процентов, что угадаем.

— Девяносто, — не согласился Андрей. — А может все сто. Очкарикам этим из ООН ни за что в голову бы не пришло, что мы так много сможем продумать. Они, наверняка, посчитали, что мы понятия не будем иметь, куда идти, и от отчаяния можем на дурку пойти за вертолетом — там, если не горы, то хоть люди какие-то жить должны. Поэтому в сторону гор вертолеты лететь не имели права.

Последние слова Андрей говорил, уже двигаясь на восток. След в след, поигрывая дубиной, шел Калюжный. Вася-прапорщик с женской диаспорой логический ход мыслей поняли не сразу (а может, и вообще не поняли), поэтому слегка поотстали и теперь семенили позади, потихоньку нагоняя.

Джунгли оказались не такими уж непролазными, как пугали в школе, хотя все равно не Бродвей. Минут через пятнадцать, не замедляя темпа движения группы, Калюжный сменил Андрея на передовом рубеже.

— Обсудим? — спросил он негромко, слегка повернув голову.

— Сколько хочешь, — ответил Андрей. — Времени у нас достаточно.

— Вода?

— Не Сахара. Будут реки и ручьи. Дожди. Это влажные экваториальные леса.

— Еда?

— Живности много. Не пуганная. Надо не зевать, все, что движется, сразу дубиной хрясь и есть сырое, пока теплое.

— Хищные животные.

— Это как повезет.

— Какие?

— Я тебе что — ботаник? Гориллы сами не нападают, медведей не должно, вроде, быть, тигры в Индии, львы по саваннам бегают. А вот пантеры или ягуары какие-нибудь могут, наверное, сверху прыгнуть. Так что смотри. Бежать бесполезно. Бей на лету дубиной в лоб. Впятером, глядишь, и отмашемся.

Новость о хищниках Калюжному не понравилась. Он остановился, дождался, когда подтянутся остальные, и вытолкнул Люську вперед себя.

— Иди первая, и поживей давай. Те гады тоже не прохлаждаются. Люська покорно пошла.

— Дубину в две руки на замах для удара, — скомандовал Калюжный.

Люська выполнила.

— А теперь, Опариха, слушай внимательно и остальные тоже, — Калюжный был настроен решительно. — Мы тут не у меня в подсобке, и церемониться с вами я не буду. Добыча мелких животных для еды — задача каждого, но в первую очередь бабская.

— Это еще почему? — возмутилась Нинка.

— Потому что если никто ничего не добудет и сильно захочется жрать, то жрать будем одну из вас.

Нинка, не замедляя шага, перевела дубину в боевое положение. Вася-прапорщик тоже последовал ее примеру.

— Сколько идти? — совсем другим, нормальным, даже слегка заискивающим голосом спросил Калюжный Андрея, когда убедился, что трое остальных всерьез занялись поисками еды.

— Если все будет нормально, то по джунглям дней шесть-пять. Потом, я думаю, начнутся предгорья — станет легче. А как уж там на сам вулкан забираться — на месте посмотрим.

— Посмотрим... Если из джунглей выйдем.

Звук был отличный: микрофоны вшиты в одежду каждого. С изображением хуже: хорошие спутники, хорошие камеры, хорошее разрешение — джунгли плохие. Сквозь них не видно.

— Ничего, — успокоил Бартез президентов. — Боулинг, теннис, бассейны, книги, фильмы, музыка. В бункере есть все. А дней через пять джунгли кончатся, можно будет не только слушать, но и смотреть. На тех, кто останется.

О том, чтобы разбегаться не могло быть и речи — это понимали все. И не только до конца этой безумной игры — это только цветочки. Предстояло собрать и ягодки. Распределить сыворотку и развести ее по континентам, а кроме того и вколоть всем достойным нужно будет тоже не выходя из бункера. Только так можно быть уверенным, что люди не узнают правды. Иначе паника, всеземная паника. И бог с ним, что парализуется вся мировая экономика — ненадолго, вырвется. Хуже, что соседи по улице начнут резать друг друга семьями, уменьшая количество претендентов на прививку.

Если тайну знают трое — это уже не тайна. Если сорок восемь, тем более. Но пока все тут, все под контролем. Мобильники не работают. Вся другая связь с разрешения генерального секретаря

ООН, по одному и, можно сказать, с пистолетом у виска: решай внутренние проблемы своего государства, но не сболтни лишнего.

Там, в сорока восьми странах, да и во всем остальном мире тоже не дураки. Они понимают, что просто так на такое время столько президентов не уединяется. Что-то серьезное. Но что — пусть остаются в неведении. Даже когда начнут колоть прививки, есть шанс не дать всем понять этой пропорции пять из шести. Поставлять дробно, с перерывами в несколько дней, заранее не озвучивая конечных объемов поставки. Контингент прививаемых озвучивать тоже постепенно: вначале, к примеру, детей до семи лет, потом работников легкой промышленности, потом женщин фертильного возраста — каждые два-три дня кого-то нового и без всякой видимой системы, чтобы запутать окончательно и дать уверенность, что в итоге привьют всех, хотя и непонятно от чего.

А пока боулинг, книги, музыка. Ходит слух, что есть и площадка для гольфа. Надо будет проверить.

Первый ручей преградил путь через час. Ширина — метров пять. Глубина — черт его знает. Мутно. Обходить можно вечно — а время не ждет. Калюжный долго не думая (видно все было продумано заранее) просунул дубину под ремень, схватил обеих женщин за шиворот и, ведя их чуть спереди и сбоку от себя, пошел в воду. Андрей, понимая, что крокодилов дожидаться долго не стоит, двинулся сразу вслед. Сзади его прикрыл прапорщик.

Оказалось, чуть выше пояса. Дай бог всегда так. И тварей зеленых не было. Нинка чуть-чуть поплакала, Люська сказала Калюжному, что в жизни больше в подсобку к нему не придет, тот дал ей слегка по зубам — словом, обошлось.

Следующие три речушки в этот день переходили так же. Вечером, когда желание есть превысило чувство отвращения, перекусили убитыми грызунами и лягушками. Последние оказались приятнее — на них не было шерсти. Когда совсем стемнело, Калюжный уложил женщин в траву и лег между ними. Василий, не долго думая, отодвинул Люську и лег тоже. Калюжный не возражал: хоть так, хоть так — все равно не крайний. Пусть их жрут первыми.

Тьма стояла полнейшая. Все вокруг шуршало, пищало, стрекотало, хрипело, чавкало и рычало. Кто-то ел, кого-то ели. Андрей понял, что выставлять дежурного нет смысла — бабы под эти звуки по любому не заснут, вот пусть и охраняют. Он отодвинул Нинку.

— И ты, гнида, такой же, — равнодушно отреагировала она.

Андрей не стал спорить, лег между ней и Калюжным, который перед сном провел краткий инструктаж:

— Чтоб завтра быстро идти, надо выспаться. Кто будет почем зря из-за пауков голосить — убью.

Все промолчали. Трое знали, что так, если что, и будет, Андрей знал, что к нему это не относится. Он лежал и думал, почему он отодвинул Нинку на край: просто ли из желания выжить или следуя логике соревнования, что подняться до кратера Карисимби сможет только сильнейший — он или Калюжный — и потому их в первую очередь надо беречь.

Спал Андрей в эту ночь плохо.

В начале четвертого дня пути Люська Опариха подвернула ногу. Дальше идти в темпе группы она не могла — только ковылять. Все были изрядно вымотаны, три дня невыспаны, уже хронически голодны, но все же двигались пока бодро. Стоя на траве на одном колене и держась за большую ногу, Люська ждала решения Калюжного.

— Придется тебя, милая, съесть. Не пропадать же такому добру, — только и успел сказать тот.

В следующее мгновение дубина в руках Опарихи со свистом описала дугу и ударилась о висок Нинки-заики. Та схватилась за голову обеими руками. Второй раз Люська била уже стоя на ногах, со всей силы, по темени. Кости треснули, Нинка просела. Не давая никому опомниться, Опариха бросилась на подругу, вцепилась зубами в шею и заработала челюстями. Нинка не реагировала — слишком силен был второй удар. Мужчины не реагировали тоже — было поздно.

Через пару секунд, перекусив сонную артерию, Люська оттолкнула агонизирующее тело, повернула измазанное кровью лицо:

— Жрите ее, суки. Двоих вам все равно много.

— Дура ты, Люся, — спокойно сказал Андрей. — Он же пошутил.

— Может быть. А может и нет. Мне гадать не хочется. Так надежнее.

— А что? — заговорил молчаливый обычно Вася-прапорщик. — Шерсти на ней нет, и бегать за ней по кустам не надо. Вы как хотите, а я поем.

Он опустил на четвереньки перед еще не совсем мертвой Нинкой и стал зубами вырывать куски мяса из раны на шее, старательно их разжевывая. Андрей с Калюжным не стали его ждать — молча и быстро двинулись на восток. Следы человека в джунглях кричаще ясные — догонит.

На следующий день Васю съел крокодил. Была двенадцатая переправа, и все одиннадцать до этого прошли без сучка и задоринки. Защитник отечества расслабился и не считал опасным идти вброд первым, в двух шагах перед Калюжным.

Четырехметровая туша всплыла как торпеда на полном ходу слева от цепочки из трех человек. Было это так неожиданно, стремительно и рядом, что казалось — никуда Калюжному не деться. Так оно и вышло — никуда он не делся, где стоял, там и остался. Только в самый последний момент успел он зацепить за воротник Васю-прапорщика и рвануть его резко на себя и влево — прямо в пасть крокодилу. Не было фонтанов крови, растерзанных кусков плоти, леденящих душу воплей. Зеленая торпеда с не успевшим рта раскрыть прапорщиком тихо и быстро ушла на дно.

Уже позже, когда Василий захлебнулся и обмяк, крокодил вытащил его на берег чуть ниже по течению и, не торопясь, обстоятельно съел вместе с одеждой. Но Андрей с Калюжным этого не видели: выйдя из воды, они, не останавливаясь ни на секунду, сразу устремились дальше. Джунгли редели.

Президент России Николай Валерьевич Камышин лежал на кровати в своем уютном пятикомнатном номере и читал Анну Каренину. Льва Толстого он не любил, но понимал, что стыдно и даже преступно главе российского государства иметь такую большую дыру в своем образовании. Настроение, не смотря на всю эту свистопляску с пикорнавирусами, было хорошее. Днем он с удовольствием поспал после обеда — роскошь совершенно недоступная президентам, потом искупался в бассейне, посмотрел хороший футбол, под контролем ООН пятнадцать минут прообщался с Россией. Да и Каренина, как ни странно, оказалась не так ужасна, как он рассчитывал. Хотя, конечно, все равно не сахар.

Постучавшись, вошел помощник.

— На первом экстренный выпуск.

Пока глаза дочитывали абзац, свободная от Толстого рука нашла пульт и включила телевизор.

— Здравствуйте, — серьезным тоном с серьезным лицом сказала ведущая. — В эфире общественное российское телевидение с экстренным выпуском новостей. Буквально несколько минут назад к нам поступили сведения из официальных источников, что сегодня около двух часов по московскому времени в поселке Сокол Долинского района Сахалинской области были захвачены в заложники

двадцать восемь учеников пятого класса средней школы вместе с учителем. Их захватила и удерживает ученица этого же 5 «А» класса одиннадцатилетняя Елена Сидорова. Не смотря на всю абсурдность этой ситуации, положение крайне серьезное: в распоряжении Сидоровой находятся десять ручных противопехотных гранат F-1, радиус разлета осколков которых составляет двести метров. По оценкам специалистов, при разрыве даже одной такой гранаты в помещении школьного класса могут погибнуть все заложники, в случае же детонации остальных девяти гранат шансов на выживание хоть кого-нибудь не останется абсолютно. Юная террористка выдвигает два требования. Первое: чтобы ей вернули ее отца, похищенного, с ее слов, пять дней назад неизвестными людьми в масках на вертолете. Второе: чтобы информация о захвате ею заложников была показана по центральному телевидению. Судя по всему, второе требование является частным моментом в достижении удовлетворения первого. По словам учителей школы Лена Сидорова отличается повышенной агрессивностью и весьма высоким для своего возраста уровнем интеллектуального развития. Ее отец, Андрей Петрович Сидоров, последние три года, после смерти своей жены — матери Лены, ведет асоциальный образ жизни, не работает, пьет и почти не появляется дома. Вызывает некоторое сомнение достоверность данных о его похищении — никто, кроме самой девочки похищения не видел. В настоящий момент собственный корреспондент общественного российского телевидения в Южно-Сахалинске Дмитрий Сполохов въезжает в поселок Сокол. В самое ближайшее время ожидайте наше прямое включение и репортаж с места событий.

Без стука вошел телохранитель.

— Бартез.

Камышин кивнул, вставая. Телохранитель широко открыл дверь, пропуская гостя...

Через двенадцать часов двадцать семь пятиклассников уже пили чай по домам с родителями. Двадцать восьмой, Сашка Литовкин, стоял в углу кухни с не по-детски напоротым задом. Его отец, начальник корпусного склада боеприпасов, тут же на кухне, не торопясь, глушил водку с икорочкой, прогонял тоскливые мысли, закравшиеся утром, и в тайне радовался, что сын растет решительным парнем и не полным идиотом. По крайней мере, хватило ума и смелости в общей суматохе при эвакуации забрать назад промаркированные гранаты у Сидоровой, незаметно вынести в школьном портфеле и вернуть отцу. На складе-то они давно списаны. Глядишь, может все и обойдется.

А девочка Лена в кабине ооновского истребителя быстро уносила с родного Сахалина в джунгли Центральной Африки. Все

страны мира на пути давали ей свободный воздушный коридор. Рядом, в соседнем кресле, сидел лучший вирусолог планеты Мицлав Краевский. Как оказалось, он умел хорошо разговаривать не только с президентами.

Предгорья были без леса, небо без облаков. Когда сквозь дымку у горизонта стал прорисовываться массив, идти стало веселей. Когда четко нарисовались все восемь вершин, Калюжный засмеялся и хлопнул Андрея по плечу.

— А ты умный, Андрюха.

— Ты про что? — он знал про что.

— Про вертолеты, — он знал, что он знает. — Ведь вилами на воде было писано, а ты взял и угадал.

— Угадывают случайно. Я дошел мозгами.

— Ладно, — Калюжный прищурился, глядя вперед. — Третья слева выше всех.

— Согласен. Хотя возможно потому, что ближе.

— Все равно выше — это она. Опять забыл, как зовут эту дуру.

— Карисимби.

— Красиво, черт... Сколько, ты думаешь, еще до нее?

— Километров пятьдесят. А может и семьдесят.

— Мы можем быть впереди хоть кого-нибудь?

— Можем... А можем и не быть.

Они долго шли молча. Горы не хотели приближаться, накатывала смертельная усталость. Два последних дня, после выхода из джунглей, есть было нечего. Тухлая теплая вода, набранная в желудки из последней заболоченной речки, тоже себя исчерпала. Время привала определилось само — ноги перестали идти. Тела жадно провалились в траву, мысли заволокло туманом.

— А могло это дерьмо, — засыпая, услышал Андрей, — встретиться и перебить друг друга?

— Нет, — из последних сил ответил он. — Потому что дерьмо — это мы. А они хорошие люди.

Калюжный не стал возражать. Он уже спал. Через секунду заснул и Андрей.

Сколько прошло времени, они не знали: часов на старте не выдавали, а солнце днем почти не двигалось — висело, противное, где-то в зените. Ноги отдохнули и могли двигаться, но в голове засела от этого сна какая-то сладкая и вязкая нега: вставать, определенно,

не хотелось. Казалось, катись оно все ко всем чертям: и китайцы, и американцы, и стариканы, да и, вообще, весь этот мир, только дайте полежать вот так спокойно, сколько душе захочется, и, належавшись, еще раз уснуть. А потом уж можно и не просыпаться вовсе.

Казалось. Но как только сквозь шелест травы пробился до уха шум автомобильного мотора, оба перекатились на живот и устались друг на друга. Шум приближался.

— ООН?

— Смеешься? У них вертолеты.

— Может эти, — Калюжный задумался, — ну, суки, в общем?

— Мы долго спали. Они, скорее всего, впереди.

Калюжный согласно кивнул. Шум приближался со стороны джунглей.

— Кто-то местный, — попытожил Андрей. — Живут же здесь люди. Негры какие с охоты возвращаются. А может, ботаники хреновы. Или археологи.

Калюжный быстро соображал. О том, чтобы встать и попросить подвезти не могло быть и речи: во-первых, не знают языка, во-вторых, нет денег, в-третьих — что-то уж больно страшно они оба выглядят. Не возьмут.

— Выгляни, пока далеко. Потом опасно — заметят.

Андрей приподнял голову над травой, резко опустил.

— Открытый джип. Два человека. Едут медленно. Пройдут там, метрах в пятидесяти.

Калюжный быстро пополз в указанную сторону.

— Наверняка у них ружья, — Андрей слабо попытался уйти от неизбежного.

— У нас нет выбора, — услышал он в ответ.

«А ведь, действительно, нет», — осознал Андрей и пополз за Калюжным.

Высокая густая трава была полностью на их стороне: хорошо скрывала и не давала джипу быстро пронестись мимо. Они выскочили как кошки с двух сторон, били с легу, наотмашь — Калюжный по водителю, Андрей по пассажиру. В последний момент Андрей понял, что перед ним девушка, но остался спокоен — опустил дубину метко и сильно.

Машина остановилась. Калюжный несколькими ударами добил водителя, после чего найденным в машине ножом перерезал ему горло. Андрей обыскал оглушенную девушку и выкинул ее из машины в траву.

— Поехали, — бросил он закончившему дела на своей половине Калюжному. — Надо торопиться.

Тот посмотрел на Андрея, сощурился от удовольствия все лицо.

— Красивая, — прошипел он. — Ботаничка, — и полез к ней через салон машины.

Пришлось задержаться. Она пришла в себя, но все равно не сопротивлялась. Калюжный вертел ее, как хотел, бил, кричал и громко смеялся. Восторгу его не было предела.

— Иди помогай! — зывал он то и дело товарища.

Андрей не пошел. Не вместе, не после. Все зверства последних дней ударили в голову разом. Перед глазами возник Вася-прапорщик на четвереньках — во рту кусок мяса из Нинкиной шеи. Крокодил с ползающими по нему сороконожками, Люськина морда в крови... Андрея начало рвать. Пустотой — в желудке ничего не было.

Закончили вместе. Андрей сел за руль и завел двигатель.

— Зачем? — равнодушно спросил он Калюжного, застывшего в раздумье с ножом над девушкой.

— Как скажешь, — согласился тот, запрыгивая в машину. — Да и вправду: зачем теперь это...

Впереди маячили восемь вершин. Третья слева звалась Карисмби.

Два охотничьих ружья, два ножа, два бензобака (один совсем полный) вселяли уверенность в победе. Еще нашлись семь банок тушенки, сухари, спички, холодная вода в объемном термосе и фляжка бренди. Не останавливая машины, ели, пили, приходили в себя и наполнялись желанием жить. На ходу же, вперемешку с мясом, водой и сухарями, обсуждали, как действовать дальше.

— Давай к ядерной матери расстреляем их всех, — не долго думая, предложил Калюжный. — Мы вооружены, они нет. Патронов немерено. Подъехали, отстрелялись, как в тире, и полезли спокойно на гору. А может, и лезть не придется — ооновцы досрочку нам засчитают, соревноваться-то уж не с кем будет.

— Ботаники тоже были вооружены, — возразил Андрей.

Сейчас он делал четыре дела сразу: ел, говорил, вел машину и внимательно вглядывался в траву по ходу движения. Широкий охотничий нож лежал наготове под правой рукой.

— Они были не начеку, — гнул свою линию Калюжный, — а я сейчас добыю эту банку и встану с ружьем наизготовку. Да и ты, я вижу, не спишь.

— У них уже тоже могут быть ружья.

— Да? — Калюжный задумался. — Я как-то это упустил.

Он отставил консервы, перелез на заднее сиденье, взял ружье.

— И что предлагаешь?
— Следить за травой и за горизонтом. Если увидим их издали — объедем. Дальше по обстоятельствам. Посмотрим, что за гора. Если залезть не сложно и будет запас времени — просто залезем первые. Если крутая и придем с ними впитык — устроим там засаду. Из укрытия перестрелять их на горной тропе всяко легче. Даже вооруженных.

Они заметили крошечные точки впереди раньше, чем те услышали звук машины или увидели ее — на затылке глаз нет. Сколько точек не ясно — далеко, а когда стало близко, те залегли: может, чтобы спрятаться, может, чтоб напасть. Андрей гадать не стал, отвернул руль слегка в сторону, как и планировал.

— Пошли их на хрен, только погромче, — попросил он Калюжного. Тот старательно исполнил: много раз и с вариациями.

— И пальни на всякий случай в воздух.

— Зачем добро переводить?

— Пусть знают и пусть боятся.

— Согласен. Но не в воздух — в их сторону. Вдруг попаду.

Потом еще час ехали до Карисимби — по счетчику двадцать четыре километра — и у подножия уперлись в полосу джунглей. Калюжный грустно окинул взглядом все величие возвышавшейся перед ним громады.

— Надо делать засаду, — сделал вывод он.

— Зачем? У нас часов шесть в запасе. Они голодные и уставшие, мы сытые и выспанные.

— Да ты глянь, сколько нам еще топать. Как пить дать догонят. Андрей понял, что Калюжный врет. Посмотрел в глаза.

— Тебе просто хочется их убить?

Калюжный не отвел взгляд.

— Конечно хочется. Этих желторожих китайцев, этих ублюдочных стариков и особенно этого американца: молодого, сильного и, наверняка, богатого. Я их, сук, ненавижу! — Калюжный распался с каждым словом. — Ты видел, как они смотрели на нас там, в бункере. С надменностью, с пренебрежением. Как же! У них по два высших образования, деньги, виллы, семьи, положение в обществе. Они высшая каста, краса земли, а мы так, дерьмо подзаборное. Завтра я покажу им дерьмо. Стрелять будем по животам. Если повезет, некоторые сдохнут не сразу. Потом я буду подходить и добивать их. С наслаждением. Особенно американца. Вот тогда я посмотрю, как они станут на меня смотреть и куда денется их хренова надменность... И за-

меть — все безнаказанно: правил-то в этой игре нет. Сам бог велел их тут всех замочить, а ты заладил: догонят, не догонят.

Солнце село. Стало темно.

— Пошли спать, — сказал Андрей. — До утра нам все равно в джунгли не сунуться. А там решим. Завтра.

Они спрятали джип в зарослях и легли в нем на откинутых передних сиденьях. Ружья в руках, ножи на поясе, ужин и бренди в желудке — как тут не спать спокойно. Но Калюжному долго еще не спалось: его мучил вопрос, что все-таки скажет Андрей завтра. До этой поры он слушал своего напарника как старшего в группе, но не потому, что считал его главнее или сильнее. Просто все его решения были логичными и верными. Но если завтра Андрей откажет в засаде, что тогда делать. Идти с ним? Остаться? Убеждать? Драться? Ведь нельзя же просто так отказаться от такого счастья. Он повернул голову — Андрей давно уже спал на соседнем сиденье. Ровное, глубокое дыхание. Спокойное лицо.

— Все-то для тебя ясно и просто, — подумал Калюжный и с грехом пополам начал проваливаться в беспокойный сон.

Проснулся Калюжный от толчка холодного металла ниже подбородка. Сквозь листву над головой струями пробивалось утреннее солнце. Перед машиной стоял Андрей, и лицо его было спокойно, как вчера во сне. В руках ружье, палец на спуске.

— Знаешь, Калюжный, я решил тебя убить. Тс-с, — Андрей приложил палец к своим губам, — говорить буду пока только я. А ты слушай... Проще, конечно, было убить тебя во сне, но тогда я лишился бы удовольствия еще тридцать дней до своей смерти сознавать, что ты, прежде чем сдохнуть, все о себе, о себе подобных и о вашем коротком будущем выслушал. Дело в том, Калюжный, что ты говно. И ты, и Вася-прапорщик, и Люська с Нинкой, и даже я говно, и ничем тебя не лучше. Доказывать я тебе это не буду, ты сам и все мы за последние дни друг другу это лишний раз доказали. Так что правильно смотрели на тебя китайцы с пенсионерами — по-другому смотреть на нас нельзя.

Андрей улыбнулся.

— Словом, я принял решение, один за четыреста миллионов. Такому говну, как мы, на земле не место. Через полминуты я тебя убью, а через несколько часов встречу здесь обе группы и скажу им: «Здравствуйте, мои хорошие. Идите спокойно. Побеждайте. Говно из игры выбывает». Ну вот и все, Калюжный... Пока.

Андрей снова улыбнулся и хладнокровно выстрелил. Он хорошо знал, что делает.

Возрастная и двухнациональная группы не задумывались куда идти. Вопросов, где в Африке находятся влажные экваториальные леса, а где горная цепь Вирунга, у них не возникало. Мужчины не били женщин, не страховались ими от крокодилов, не угрожали людоедством. Все делалось дружно и рационально, поэтому лучше спали, больше ели, дальше шли. Это было выгодно всем.

Выгодно было обзавестись дубинами: для защиты от хищников, для охоты, для встречи с другой группой. Выгодно было заранее просчитать, что в случае такой встречи очень неправильно было бы вступать в бой: во-первых, неизвестно, кто станет победителем, во-вторых, даже победители могут понести потери в два-три человека, а это обречет их на поражение при встрече с агрессивно настроенной третьей группой. Проще объединиться, а уж десять с пятерыми справятся. Да и в плане хищников спокойнее.

Словом, и те, и те искали встречи и шли одинаковыми темпами в одном направлении. Разумеется, встреча состоялась.

Умение и стремление извлекать выгоду из всего и всю свою жизнь — обязательная черта характера почти всех преуспевающих в этом мире людей. В обе группы из своих категорий были отобраны самые преуспевающие, так что у сахалинских алкашей изначально никаких шансов не было... Кто ж мог рассчитывать на этот проклятый джип.

Прячась в траве, с большого расстояния трудно было точно разглядеть, кто же их обгоняет, но русский мат Калюжного сомнений им не оставил. Выгода дальнейшего совместного пребывания кончилась.

Шестидесятисемилетний крепко сложенный главный тренер футбольной команды английской премьер-лиги и не менее хорошо выглядевший для своих шестидесяти шести крупный землевладелец из южной Италии одинаково сильно влюбились за последние несколько дней в молодую китайскую телеведущую. Вместе галантно за ней ухаживали, вместе помогали ей идти по джунглям и перебираться через реки, вместе залегли с ней в траву при появлении джипа, вместе, услышав Калюжного, ее придушили.

Двигаясь по саванне, обе группы сильно растянулись, и они втроем метров на сто оторвались от идущих сзади.

— Что дальше? — волнуясь, спросил один другого, когда тело девушки перестало биться и обмякло.

— До гор далеко — перебьют тех, потом нас догонят. Шанс один: неожиданность. Впятером наскоком, может, четверых и одолеем.

Оба, не забыв дубины, стремительно поползли назад, навстречу своей гибели. Шансов у них не было. Два молодых китайца, китаянка и американец соображали так же быстро. Они уже убили оставшихся с ними пожилых мужчину и женщину, оглушили вторую и теперь, будучи моложе и сильней, еще и вдвое превосходили соперников количеством.

Уже давно стих звук обогнавшей их машины, но четверо выживших все никак не хотели подняться. Не хотели смотреть друг на друга, не хотели разговаривать, даже думать не хотели — просто лежали на спинах с закрытыми глазами. Только девушка дошла до своей подруги, проверить — вдруг еще дышит, но потом вернулась и легла с остальными. Торопиться было некуда. Даже больше того: хорошо было бы поотстать, чтоб не дай бог не натолкнуться на первую группу — пристрелят от нечего делать. Надо тихо и спокойно занять второе место, остаться в живых и спасти четыреста миллионов своих сограждан. А то, что сейчас здесь было... Ну, что ж. Было.

Через полчаса стали потихоньку приходить в себя. Разговаривать. Думать. Пришедшую в сознание пожилую известную писательницу из Дрездена решили взять с собой. Не из жалости, из холодного расчета: если с асоциалами что-либо случится, то старики станут вторыми — у двоих китайцев родители были в этом спорном интервале. Ее хорошо связали, продуманно запасенными в джунглях лианами, после чего улеглись спать — первый раз за эти дни надолго, первый раз без дозорного.

Посвежевшими, отдохнувшими, хотя все равно голодными, тронулись на следующий день в путь. Через шесть часов подошли к джунглям. На опушке сидел улыбающийся русский и приветливо махал им рукой. Видимо, он давно ждал их.

Группа остановилась. Сколько, кроме этого уцелело — никто не знал: казалось, что на джипе ехало двое, но было далеко, точно не разглядеть, а может, и специально кто пригнулся. Значит, еще четверо могли сидеть в джунглях с ружьями и ждать их приближения. Хотя, с другой стороны, зачем выставлять этого и отпугивать: мог бы тоже сидеть в джунглях и ждать.

Стоять в нерешительности можно было вечно — русский первый поднялся и пошел к ним, показывая пустые руки. На ловушку не похоже, но все же американец с пленной немкой отошли подальше в саванну — если что, ломать ей шею, вычеркивая напрочь эту группу. Русского языка никто не знал, а русский, судя по всему, не знал никакого другого, но жесты сами по себе говорили о многом.

— Я один, — показывал он, простодушно улыбаясь и заверяя все тарбарской речью, — остальные погибли. Я не хочу идти в горы. А вы идите.

— Не пойму, зачем ему это, — спросил молодой капитан океанского лайнера молодого управляющего банком.

— А я и не хочу понимать, — ответил тот, поудобнее беря дубину.

Спитое, морщинистое лицо с синими мешками под глазами, высушенная, сутулая фигура, сиплый, противный голос, глупые, заискивающие глаза. Не человек — чудовище.

Бросив друг на друга не оставляющие сомнений взгляды, оба ударили одновременно. Тело упало в траву. Через мгновение, визжа от испуга и размахивая выхваченной у американца дубиной, к нему уже неслась пожилая немка. Ей сегодня выпал джек-пот.

Краевский полюбил Сидорову за экстренный выпуск новостей. Она его — за умение говорить убедительно. В бункере они нашли друг в друге еще много интересного и стали друзьями не разлей вода: вместе ходили в спортзал, вместе обедали, вместе следили за разворачивающимися в предгорьях событиями.

— Цвет цивилизации, — сказала девочка, посмотрев расправу со стариками. — Элита.

— Цель оправдывает средства, — поспорил с ней Краевский.

Он хорошо говорил на русском, в Польше этим не удивишь.

— Возможно, но, по-моему, они делали это очень уж злобно. Я слегка начинаю переживать за папу.

— Они его не догонят.

— Надеюсь.

Выстрел в Калюжного прозвучал, как гром среди ясного неба. Изображения не было — мешали джунгли, но даже звуковая трансляция приговора Андрея и его решения отказаться от игры подеста вала на президентов так, что все вскочили с мест. В такой суматохе, никто не обратил внимания, как польский вирусолог и русская девочка быстро вышли в боковую дверь. Ни тот, ни другая не сомневались, чем закончится встреча Андрея с цветом цивилизации.

Лена знала, что у Краевского есть свой прогулочный вертолет, свободный доступ к нему и круглосуточное разрешение на вылет. Она знала его максимальную скорость, координаты Карисимби, скорость движения вышедшей час назад группы и расстояние, которое ей оставалось пройти до встречи с отцом. В задаче — кто будет раньше — не хватало только одного данного: место расположения бункера по понятным причинам было ей неизвестно.

— Тысяча семьсот километров, — бросил ей через плечо Краевский, зная, о чем она думает.

— Нам нужен истребитель, — тут же сосчитала девочка.
— Бартез не даст. И вертолет отнимет.
— Но мы не успеем.
— Успеем. Эти пятеро не торопятся. Двадцать километров пешком, на голодный желудок — не шутка. Будет пара привалов, да и поймать еду нужно время.

Очень хотелось во все это верить.

— На охоту, — по-свойски кивнул охранникам Краевский, запрыгнул с девочкой в вертолет и сразу же отключил прибор связи. — А пошли они все...

— Правильно, — согласилась Лена, доставая из-под сиденья карабин и патроны. — По пути научите меня этим пользоваться.

Зашумели винты. Вертолет пошел вверх. Впереди была тысяча семьсот километров жестокого ожидания. Столько ребенок выдержать не мог — научившись стрелять, она заснула. Во сне она ловила с отцом рыбу и пекла картошку, летела с ним на самолете в Москву и ходила на Красную площадь. Он был всегда большой, сильный, добрый, и от рук его исходило тепло. Он все знал и все умел, и главное, он всегда был рядом. Больше ей ничего не было нужно.

Краевский мягко толкнул ее в бок. Глаза открылись — впереди гряда Вирунга. Восемь вершин, третья слева — Карисимби. Лена проверила карабин.

— Только с моего разрешения, — предупредил ученый.

— Хорошо, — скользя биноклем по кромке джунглей, кивнула девочка. — Только с вашего.

Бинокль остановился, задрожал, упал на пол. Краевский все понял, перегнулся через сиденье, взял карабин. Лена не возражала.

Большого труда ей стоило оставаться сидеть в вертолете, пока он отгонял всех на безопасное расстояние. Потом она медленно пошла к тому месту. Старая немка постаралась на славу: ноги, тело, шея... Дальше то, что когда-то было головой. Когда-то. Хотя трудно было себе это представить.

Лена присела. Погладила руку.

— Прогоните их, — не оборачиваясь, попросила она.

Краевский прогнал. Понурой вереницей потянулись они к полюсе джунглей у подножия вершины. Била мелкая дрожь, на душе скребли кошки. Так плохо ученому никогда не было.

Прошло время.

— Здесь водятся опасные хищники? — непонятно к чему спросила Лена.

— Только эти пятеро, — вылетело само собой.

— Ну а кроме них?

Дрожь остановилась. Где-то в животе стало зреть что-то родное, теплое, но пока еще очень призрачное и ненадежное.

— Черные горные гориллы, но они первые не нападают на людей.

— И все?

— И все.

Лена повернула голову, прищурила глаз, скривила угол рта.

— Ну, вот и хорошо, профессор. Это ж ни хрена не папины руки, — и, выждав паузу, пока он приходил в себя, добавила: — Только не смейте ржать лицом к джунглям — они еще могут нас видеть.

Краевский, не долго думая, развернулся. Вместе с ним тихо, но от всей души хохотала и Лена. Почему-то в этот миг им было ничуть не жаль потерявшего голову Калюжного.

Бодрым уверенным шагом, с каждой секундой все больше отрываясь от противников, шел по Африке к вершине Карисимби русский мужик Андрей Петрович Сидоров. За спиной гремели четыре банки тушенки и термос с водой, в руках ружье, за поясом нож, на губах «прощание славянки», в голове четкое знание того, что он победил. Победил не в гонке — его еще могла укусить гадюка, победил в игре. Потому что цель, выданная им на старте, без сомнения была простым обманом, необходимым для достижения настоящей цели: выявления, кто же на этой планете есть кто. Ну а уж если все оказались одинаково плохи, то уходить из жизни справедливее тем, кто больше пожил.

И еще, кроме игры, он победил в жизни. Сам себя. И теперь все должно было стать в этой жизни по-другому.

На следующий день он поднялся на вершину. На кромке кратера сидели, улыбаясь, его дочь и его президент. Андрей обнял запрыгнувшую на шею одну и пожал руку другому. А потом они еще долго, от всей души и во весь голос кричали «... твою мать» всей красоте, раскинувшейся под ними. Только вначале раздавили спрятанные на Андрее микрофоны, потому что другие президенты вряд ли бы когда их поняли.

Тольятти, 14.11.2004

КАЖДЫЙ ИЗ ПЯТИ МИЛЛИАРДОВ

Всегда, да — всегда, всегда и каждому привычно представлять себе в мыслях последний предсмертный кусочек жизни безвременно ушедшего от нас любимого человека и горевать, и жалеть, и плакать, и сходить с ума от этой, казалось бы, страшной несправедливости: ну почему, Лешка (Андрюшка, Сережка, Анютка), так у тебя не сложилось — но никогда никому не приходит в голову поставить на стол (а лучше спроецировать на всю стену) на поминках старую институтскую фотографию Лешки, стоящего в обнимку со своими друзьями, взглянуть в нее и осознать: «Вот тут тебе девятнадцать, Лешка, и я знаю, что впереди у тебя еще четырнадцать (семнадцать, одиннадцать, двадцать пять) лет прекраснейшей жизни. Четырнадцать... И прекраснейшей... Как ты должен быть счастлив, Лешка! Все у тебя, мой друг — мой самый хороший друг — все у тебя сложилось».

*Я — та звезда,
Что сорвалась и падает:
Жизнь для меня —
Ослепительный миг.
(надпись на памятнике)*

— Слушай, Серега, мне интересно: в Москве все такие вежливые или ты один. Уже который раз разливаешь и все время мне первому.

— Ты, Володь, не в том направлении мыслишь. Как твой тезка, Ульянов-Ленин, идешь не тем путем. Просто густое пиво в канистре книзу оседает, так что я каждый раз себе погуще, чем тебе наливаю.

Володька ответил мне здоровым искренним смехом, что, впрочем, было вполне естественно для любящего жизнь деревенского парня, еще почти засветло заканчивающего допивать шестилитровую канистру разливного пива в компании со старым и не менее жизнелюбивым городским другом, то есть со мной. Но главной причиной такого его смеха и, вообще, нашего отличного настроения было не количество влитого в нас алкоголя, а сама обстановка, в которой он вливался. Так совпало, что вчерашней ночью мы оба закончили наши короткие и в этот раз успешные романы с юными зазнобами.

Я — по причине ее отъезда из села в Пензу, к родителям, он — просто потому, что так видел мир и считал, что нельзя пока еще подолгу останавливаться на достигнутом. И теперь, в десять вечера, довольные вчерашним, свободные сегодня, мы пили пиво, шутили и смеялись, настраиваясь на большую «концертную» программу. Через полчаса в сельском клубе по случаю субботы начиналась дискотека, и мы оба чего-то да ожидали от ее посещения. А завтра планировалась еще одна, и вообще, только закончился июнь и впереди было еще почти все лето, так что пиво мы пили с большим воодушевлением и мир воспринимали в радужном цвете, чего он, впрочем, и до сих пор заслуживает.

Нам было по семнадцать: мне, Володьке, Вовке, Санче и четверем Лехам — всей нашей деревенской компании, собиравшейся в то лето, да и в другие лета тоже, каждую ночь у меня на «фазенде». Возраст наш нам нравился, доставшийся при рождении пол — тоже. Володька и Вовка по своим паспортам были Владимирами, Санча — Александром, а Лехи, разумеется, Алексеями. Но между собой мы привыкли называть друг друга именно так, иногда добавляя к имени Леха уточняющую фамилию.

Фазендой мы называли однокомнатную мазанку, стоявшую в огороде рядом с домом моего деда, хоть и маленькую, но зато с отдельным проходом через калитку в заборе. Внутреннее убранство: старые кровать, диван, стол и пара деревянных скамеек со спинками — позволяло, покидая фазенду, оставлять ее открытой в ожидании кого угодно из нашей компании и не переживать, что непрошеные гости смогут что-то из нее унести. Ценных вещей было две: иностранная пожарная мигалка красного цвета, вращение которой можно было легко застопорить обычной спичкой, создав в половине комнаты мягкое красное освещение, и длинная гирлянда «бегушек» — бегающих огней с реостатом, позволяющим менять как скорость, так и направление их бега. Обе диковинки вызывали дикий восторг у слабого пола и поэтому в целях безопасности были так тщательно прибиты к потолку, что унести их можно было только с фазендой вместе. Были, конечно же, у нас и магнитофон, и кассеты, и даже две гитары — на которых, кстати, играли все, кроме Санчи — но они хранились в большом доме, у деда, и добраться до них могли только свои.

Иногда, когда спиртное было куплено заранее и на всю компанию, мы все собирались у меня с самого начала ночи, кто хотел — с подругами. Большею же частью первую половину ночи каждый начинал самостоятельно или, как в этот раз мы с Володькой, мелкой группой, а потом потихоньку все стекались опять сюда же. Спиртное, в итоге, все равно находилось, о чем поговорить мы всегда

находили тоже, девушки фазенду любили, мы любили девушек — в общем, лето в селе сияло алмазами.

Пиво и копченой палтус закончились одновременно, видимо, согласно какому-то внутреннему подсознательному расчету. Сыграв разбитым на соло и ритм дуэтом очередную Володькину инструментальную новинку, еще не представленную обществу, мы нашли нашу сыгранность достаточной для премьеры, спрятали гитары, умылись и тронулись в путь. До клуба, находившегося в центре села, самым неторопливым шагом мы дошли за десять минут, скрашивая дорогу веселыми и добрыми подковырками. Народу там было уже порядочно.

— Ну что, Володь. С богом, что ли.

— Ага, Серега, с ним самым. Тебе, гад, легче будет: у тебя с густого пива язык лучше развязался.

— Зато у тебя мысля четче работает.

Поздоровавшись с курившими у центрального входа парнями, мы зашли внутрь. Никого наших еще, а может и уже, не было. Ну, в общем-то, мы и не за ними пришли. Как-то само собой и совершенно незаметно для нас самих мы разделились, влившись с приветствиями в разные, преимущественно женские, компании. Долго ждать приключений не пришлось: через десять минут большая концертная программа с ловкой подачи Володьки началась.

Он вышел покурить на улицу и наткнулся на совершенно неизвестную ему личность мужского пола, пытавшуюся конфликтовать с местным «армейцем» — парнем, уже отслужившим в армии. На вид личности было лет двадцать пять, и размерами она на полголовы превосходила и Володьку, и нашего «армейца». Видя такое неравенство в весовых категориях, а также то, что агрессия в разговоре исходила со стороны незнакомца, Володька, заведенный пивом, не стал вникать в причину конфликта, а решил сразу же прекратить его или, если не получится, пустить его дальше по своему сценарию. Он вклинился между ссорившимися лицом к обидчику.

— Слышь, земляк, давай, замыкай. Все в порядке.

Надо сказать, что произнесено это было отнюдь не успокаивающим или примиряющим тоном, но и не агрессивно, а так — середина на половину, что было достаточно тонким ходом со стороны моего друга. В случае, если незнакомец утихомирится, Володька получал большой плюс в глазах не только стоявших вокруг местных парней и девчонок, но и в глазах всех тех, кому они потом расскажут, как смело он успокоил такого амбала. Именно такие, пусть не особо значительные, но зато достаточно многочисленные плюсы, получаемые на самых разных поприщах нашей деятельности, создавали нашу популярность, помогали удачно развивать свои романы, да и просто

давали нам повод быть довольными жизнью и самими собой. В случае же обратном Володька опять был бы в выигрыше: во-первых, сейчас они вдвоем с ним одним справятся, а во-вторых, если будут какие-либо отдаленные последствия в виде разборок с целью восстановления справедливости, то у него совесть чиста — он хотел помирить, а этот товарищ его не понял и первый начал драку.

Выпал второй вариант.

Незнакомец, накаченный чем-то спиртосодержащим поболее Володьки, посчитал себя обиженным до глубины души тем, что какой-то сопляк таким вот бесцеремонным образом прервал его нравоучительную речь. Не расходуя свой воинственный пыл на лишние слова, он молча схватил обидчика левой рукой за грудки, а правую по пьяному медленно и даже как-то картинно занес для удара.

Ударить он не успел. Володька первым нанес ему два коротких прямых удара в нос правой и левой. Удары были без размаха, поэтому цели достигли так быстро, но по этой же причине они были несильные. Значительного вреда такому большому организму принести они не могли, тем не менее, парень был на пару секунд обескуражен и отпустил левую руку от Володькиной одежды. Из носа его засочилась кровь. Не отвлекаясь на разговоры, Володька тут же нанес ему еще четыре таких же удара по тому же месту, потратив на них максимум полторы секунды, и только после этого обернулся назад, чтобы призвать «армейца» в помощь. Каково же было его недоумение, когда он увидел, что тот, за кого он заступился, уже успел прикурить сигарету и стоял в стороне в кучке девчонок и нескольких ребят, хоть и своих, местных, но не считавших, видимо, себя настолько дружными с Володькой, чтобы лезть ему помогать. А незнакомец уже успел прийти в себя, и теперь, используя уже фактор неожиданности, мой друг явно уступал ему в раскладе сил.

Тем временем я в гуще дискотеки вел «светскую» беседу в одной из неплохих разнополых компаний, краем глаза высматривая по залу объекты, достойные внимания. В ходе этой беседы я узнал одну весьма заинтересовавшую меня новость. Она не носила еще достоверного характера, но все же: якобы два Лехи и Санча обнаружили где-то на горе (это такой район села) целый выводок приезжих девчонок, окрутили уже им мозги и собираются вести их на фазенду отмечать знакомство. Что за девчонки и сколько их, никто не знал, но чтобы это уточнить, достаточно было на позаимствованном у кого-нибудь мотоцикле всего лишь за пару минут слетать на гору и там увидеть все своими глазами. Учитывая, как громко — хотя вместе с тем и приятно — смеется Леха Ромашкин, найти их там было бы несложно.

Я пошел на выход, надеясь по пути найти еще и Володьку, когда на меня налетела самая сообразительная свидетельница его инцидента.

— Сергей, быстрее! Володьку бьют.

Выбежав из клуба, я увидел их сразу и продолжил бег, не снижая скорости. Володька стоял, прижатый к стене, метрах в пятнадцати от центрального входа, прикрывая голову поднятой вверх и согнутой в локте левой рукой от однообразных боковых ударов противника правой.

— Сер-р-рега! — раскатисто и задорно закричал он, увидев быстро приближающегося меня, и это не было криком о помощи.

Это был крик азарта, бурный выплеск положительных эмоций, сконцентрировавшихся в его организме вместе с пивом и палтусом за два часа пребывания в моем обществе на фазенде. Этим криком он заводил и себя, и меня и как бы хотел сказать, что посмотри, мол, Серега, как сейчас все весело будет.

И вправду — стало весело. Я быстро приближался к незнакомцу слева и сзади. Сказать откровенно, амбалом, в полном смысле этого слова, он не был. Да — на полголовы выше нас, но комплекции самой что ни на есть обычной — не худой, не толстый — килограмм на девяносто с хвостиком. У меня не было времени сосчитать на бегу, что в нас двоих с Володькой все сто двадцать, не было времени оценить скорость движений незнакомца и понять, что мы оба гораздо проворнее, но как-то интуитивно мне уже стало немного жаль обладателя левой почки, по которой я еще издали наметил нанести удар ногой в прыжке. Может поэтому, может потому, что на меня смотрело много народа и было как-то неудобно на глазах у всех бить непредупрежденного человека сзади, а может просто потому, что мне стало весело, я закричал. Это было что-то грозное и, вероятно, нецензурное, но в любом случае однозначно дающее понять, что сзади слева приближается неприятность. Будь он трезвее, должен был бы развернуться, но трезвее он не был, поэтому совершенно меня проигнорировал, увлеченный отыскиванием бреши в Володькиной обороне.

Четко, без помех, как по мешку на тренировке в Москве, я осуществил запланированный удар строго в намеченное место, но, то ли из-за азарта, то ли из-за того, что был слегка нетрезвым, совсем чуть-чуть опоздал оттолкнуться в прыжок и потому не успел вовремя разогнуть в полете ударную правую ногу. Сильного удара как такового не получилось, но получился сильный толчок ногой, да и вообще всей моей разогнавшейся массой, так что парень тут же оказался на земле, а я, незамедлительно, на его спине сверху.

— Ага, попался, голубчик, — чувству внутреннего удовлетворения Володьки не было предела. — Ну, держи.

С этими словами он без злости, но от этого не менее сильно, нанес удар ногой, обутой в нетяжелый резиновый сапог, по лицу парня, пытавшегося подняться на четвереньки и сбросить со спины меня. Не дожидаясь последующих ударов, парень снова принял исходное положение на земле, закрыл одной рукой голову сразу с двух сторон, а вторую закинул себе за спину, схватил меня за свитер и стал тянуть его под себя, видимо, надеясь таким образом скинуть меня со спины. Затрещали швы.

— Отпусти свитер! Убью, — кричал я несколько раз ему в ухо, едва сдерживая смех.

Но парень был упрямый во всех своих начинаниях и моих советов слушать не хотел. Пришлось спасти одежду силовыми методами: раза три ударить ему сверху по затылку локтем правой руки. Правда меня все время отвлекал Володька, бегавший с задорным смехом вокруг нас и то и дело требовавший от меня рабочего пространства для своих ударов ногами.

— Серега, дай по почкам ударю. Серега, убери голову, мешаешь.

Для стоявших вокруг человек пятнадцати это было забавное зрелище. Для нас тоже. В пылу воодушевления Володька все же умудрился промахнуться и захватить сапогом мне в челюсть, отчего всем, и нам, в том числе, стало еще веселее.

— Володь, да це жь я.

— Прости, Серег — вы похожи.

Вразумленный ударами локтем по затылку парень все же отпустил мой свитер, после чего стал уже совсем пассивным и потому неинтересным противником.

— Земляк, ты, как утихомиришься, скажи. Мы хорошие — долго бить не будем.

— Все, все. Не надо, — скапитулировал он.

Поднимаясь, я довольно подмигнул Володьке.

— Начало хорошее, — улыбнулся он.

В это время у меня за спиной, метрах в десяти, остановились, заглушив моторы, два «Минска». Парень продолжал лежать. Посвящая ему всю ночь мы не собирались, а вот воспользоваться одним из подъехавших мотоциклов, чтобы слетать с разведкой до горы, было пора. Я повернулся и пошел навстречу двум мотоциклистам в красных шлемах, в какой-то подозрительной спешке устанавливавшим машины на подножки, и одному пассажиру в таком же головном уборе, уже выдвинувшемуся вперед.

По пока еще не понятной мне причине подъехавшие поспешили в нашем направлении, не сняв шлемов, так что я не смог узнать их сразу. На «Минсках» в красных шлемах в селе ездил человек

восемь, все моложе меня на год-два, и со всеми я был в неплохих отношениях, поэтому я даже как-то удивился, когда правая рука первого из них вместо того, чтобы вклиниться в мою раскрытую и протянутую вперед для приветствия ладонь, прошла мимо нее и, приняв форму кулака, попыталась удариться об мои зубы. Параллельно с обдумыванием: что бы это значило — я успел чуть отклониться влево и первый красный шлем пролетел по инерции за меня, слегка задев кулаком мою правую щеку. Второй бил правой сбоку. Быстро сообразив, что этот тоже не наш, я в нужный момент нагнулся, после чего понял, что разгибаться мне уже не стоит: все трое с разных сторон упирались мне в бока. Закрыв голову обоими руками, я, не разгибаясь, начал брыкаться корпусом во все стороны, рассчитывая, что так им будет труднее наносить по мне прицеленные удары. Так оно и случилось — в течение последующих пяти секунд ничего серьезного на меня сверху не обрушилось, хотя несерьезного было предостаточно.

Эти пять секунд я ждал, что сейчас благодарные за наш спектакль зрители со второй попытки все же придут на помощь, нужно было ведь совсем немного — нас двое, а их всего трое с половиной, если считать того, что лежал на земле. Но так уж получилось, что при достаточном в селе количестве нормальных парней рядом с нами таковых не оказалось. Ждать дольше было бы глупо и, разумеется, вредно для здоровья, поэтому я, не меняя положения, резко устремился вперед и вырвался из кольца, после чего разогнулся и побежал. За Володьку я не беспокоился: увидев, что мне его помощь не нужна, он мог теперь уже со спокойной совестью повторить мою тактику в диаметрально противоположном направлении, тем более у него был запас в расстоянии и во времени — два красных шлема поначалу дернулись было за мной, а третий стоял и раздумывал — где он больше нужен.

Отстали они от меня довольно быстро, и я, посидев минут десять на лавке в темном проулке, пошел делать дугу, чтобы вернуться к клубу с другого направления незаметным и прежде, чем подвергнуть себя опасности быть неласково встреченным еще раз, разузнать хотя бы что к чему и решить, как с этим бороться. А чтобы разузнать, нужно было чуть потянуть время — тогда информация о случившемся и о том, что это за чудо-парни, уже разлетится по селу, а кроме того друзья уже будут ждать у клуба моего и Володькиного возвращения, чтобы подсобить, если что.

На выбранной мною дуге находилось еще одно место ночной концентрации молодежи — так называемая контора, точнее «у конторы». Это была небольшая заасфальтированная площадка с тремя

скамейками под кронами высоких старых тополей, и название такое прилипло по причине нахождения рядом главного сельского административного здания — конторы. Моему появлению все искренне обрадовались — я как-никак был основным участником самого интересного пока события ночи. Там было две компании: первая помоложе — человек десять пятнадцати-семнадцатилетних парней и девчонок, в том числе и только что подошедший Вовка, вторая — чисто мужская и совсем уже старая по нашим понятиям, но от этого только более авторитетная. Я остановился в первой.

Две девчонки были свидетельницами случившегося и сейчас наперебой рассказывали в который раз все в мельчайших подробностях. Я перебил их.

— Где они?

— Уехали. Сразу же. Все четверо.

— Куда?

— В Елховку, видимо. Они все оттуда.

— И этот длинный?

— Да, тоже оттуда, но не местный. Приехал к кому-то на лето.

— А что ему от Володьки-то надо было?

— А ты что, не знаешь?

— Откуда? Некогда мне узнавать было. Вышел, смотрю — уже не до расспросов. Подбежал, помог. Дальше сами знаете.

Мне подробно объяснили, с чего все началось, после чего Вовка с умным видом заявил:

— Короче, Серег. Мы, члены Политбюро ЦК КПСС, видим ситуацию так. Ты, злостно избитый Володькой сапогом по морде, призвал в помощь наемников Пиночета из Елховки, и они за тебя Володьку отделади.

— Не понял. Он разве не убежал?

— Какое там, — ответила одна из свидетельниц. — Это чучело, что в траве лежало, схватило его за ногу и, пока ты там с теми троими здоровался, не отпускал ни в какую. Он его, значит, за одну ногу держит, а Володя его второй по мордельнику лупит. Смешно, конечно, было, пока эти не подбежали. Ну, они его хорошо разукрасили. А наши — суки — стояли и смотрели.

— Суки — это точно. Где он сейчас?

— Домой ушел. С такой репой, как у него, еще теперь неделю не вылезет.

— Это мы еще посмотрим.

В общем, дальше все пошло весело и по плану. Народ подходил, отходил. Все разговоры крутились вокруг меня — шутили, прикалывались. А я сидел на скамейке, держа за талию намеченную но-

вую золотоволосую жертву шестнадцати лет, и потихоньку подготавливал ее к мысли, что жить с разорванным свитером совершенно невозможно, а кроме нее зашить его, если разобраться, и некому, с чем она через пару часов согласилась.

Подкрасили мне этот вечер и наши «старики» — лет по двадцать пять — из второй компании, по деловому пригласив меня на пару слов к себе. Разговор там начался и закончился принятием мной внутрь из дежурного стопарика мутной жидкости, умело налитой из трехлитровой банки, а в перерывах между этими двумя предложенными мне порциями самогона я выслушал, что, в общем-то, я молодец, что так держать и что не бойся, будут еще разборки по этому поводу, но ты чист, Володька тоже, правда на нашей стороне, а следовательно, все будет нормально.

Когда я вернулся назад, место на скамейке рядом с моей избранницей не было занято никем из перетаптывающейся вокруг с ноги на ногу молодежи...

В сторону фазенды часа через два мы пошли впятером: я, моя блондинка, Вовка и еще две девчонки из нашего конца, которым, в виду их малолетства, уже свистел горшок, то есть пора было спать. Мы же трое планировали присоединиться к нашей постоянной компании, о которой нам теперь уже доподлинно все было известно, причем из нескольких источников. Трое-четверо ребят из тех, что с мотоциклами, заскакивали на пару минут на мою фазенду, а потом разговаривали с нами у конторы. Действительно, у меня сидели два Лехи, Санча, три местных девчонки с горы, которые первый раз вышли в ночь, и одна девчонка неизвестная. Все семеро, со слов очевидцев, чувствовали себя там превосходно. В общем, праздничная ночь продолжалась, и до утра могло сотвориться еще много чего хорошего и интересного.

Мне кажется не надо объяснять, каким событием является для деревенской девчонки первый в жизни выход в ночную жизнь села. Даже просто дойти до центра с подружками и просидеть там пару часов на лавочке в самой невзрачной компании, даже это вызывает бурю эмоций и новых ощущений в детском еще сознании и дает вчерашнему ребенку право считать теперь себя взрослой и потому, конечно, небезосновательно гордиться собой. Как же — ведь вот она я, я сегодня гуляю допоздна и далеко от дома, я сама распоряжаюсь собой, я могу ругаться матом, могу, делая важный вид, выкурить полсигареты, могу и портвейна выпить, но самогон, спасибо, сейчас пока не буду; пусть сегодня я уйду домой раньше вас, пусть у меня еще нет сегодня мальчишки, но сейчас я здесь, с вами, на лавочке, а это означает, что я заявляю себя как взрослую женщину; конечно,

пока только свою дружбу, но если мне будет угодно, я могу не хуже вас пойти и на большее, потому что решаю теперь все я сама. А уж что тут говорить, если с первого раза попадаешь в самую интересную и известную в селе компанию, в комфорт и уют, да и мальчишка тебе достается с первого раза, да еще такой, какой нужен — на гитаре играет, загорелый, худощавый, но мускулистый, язык без костей, пьет не пьянея и под юбку сразу не лезет, только в глаза тебе смотрит часто и внимательно. В общем, друзья у меня умом отличались и знали, как все это будет — действовали целенаправленно. Ни о каких сиюминутных успехах не могло быть и речи, но просто так отдохнуть в своем кругу с трехлитровой банкой бормотухи, поездить по ушам девчонкам, сидящим с открытыми ртами, и посмотреть на все это интереснейшее представление глазами не только участника, но и зрителя — одним словом, все это было приятно. Заодно можно сразу разобраться — вдруг кто-то из девочек стоит более пристального к себе внимания.

Исключение в женской компании составляла Света — та самая, четвертая, никому не известная девочка с темными, почти черными волосами и большими внимательными глазами. Она была в селе впервые: приехала на несколько дней с родителями к какой-то своей родственнице. Ей было шестнадцать — больше, чем ее новым подружкам — и в своем городе она давно уже сидела с мальчишками на лавочках и целовалась в подъездах. Однако даже на нее все происходящее производило сильное впечатление. И все же, как ребята не старались, гораздо больше всего того, что вокруг было, ее интересовало нечто, чего там не было. Этим нечто был я.

Все очень просто. Подумайте сами. Вначале приходят веселые парни и трогают за душу своей неподдельной, доброй и умной веселостью. Потом они зовут тебя и подружек к Сереге на фазенду. Конечно, вначале вы все тактично отказываетесь, но потом выясняется, что ведь вас зовут не просто там к какому-то Сереге на непонятно какую фазенду, а к тому самому Сереге, на ту самую фазенду. Тебе это все ни о чем еще не говорит, но ты видишь, что твои подружки в этом случае уже соглашаются, и тогда у тебя появляется первый, пока еще маленький, интерес — а что же это за фазенда и что за Серега такой. Первое ты узнаешь достаточно быстро — когда приходишь туда — и это еще больше пробуждает интерес ко второму: кто же хозяин всей этой красоты. А хозяина пока нет. Если бы он был с вами сразу, может и не было бы к нему такого интереса, но чем дольше его нет, тем больше он выигрывает перед остальными своей загадочностью и тем больше ты хочешь его увидеть. Это потому еще, что веселые ребята расска-

зывают много веселых историй из фазендной жизни за последние два лета и имя Серега упоминается в каждой; потому, что некоторые заказанные вами песни не могут пока сыгратся на гитаре и спеться, но обещано — когда придет Серега, он споет. И сыграет. А еще потому, что, когда вы не успели еще выпить по стакану вина (а ребята по два), уже по очереди подъехали на мотоциклах двое парней, зашли, поздоровались, спросили, где Серега, и уехали. Они спросили, потому что что-то надо было спросить, а уехали потому что видели — им, как конкурентам, здесь сейчас не рады, но ты думаешь, что без Сереги ни у кого ничего не клеится, что он всем позарез нужен и все село только тем и занимается, что ищет всю ночь Серегу. А когда вдруг заявляются еще двое ребят и весьма экспрессивно сообщают, что не только когда-то в былые годы где-то на крайнем севере, а сейчас, всего час назад, здесь, совсем рядом, этот самый так заинтриговавший тебя Серега снова отличился и оказался главным виновником более-менее нескучных событий — вот тогда ты понимаешь, что это у тебя уже не просто интерес, это неудержимое влечение, болезненная мания, это то, что если ты не увидишь его сегодня хотя бы краешком глаза, уснуть ты точно не сможешь.

Конечно, можно было думать и чувствовать по-другому, но можно было и так. Потом она мне созналась, что именно так все и было. Но это было потом, а в ту ночь Света сидела на фазенде и очень-очень ждала моего прихода, надеясь, что внимание и забота моих друзей еще долго будут отвлекать ее подружек от мыслей о строгих родителях, ждущих их дома.

В общем-то, достаточно долго так и получалось, но всему и всегда приходит конец, и в какой-то момент девушки вспомнили, что им уже давно пора. Конечно, им тоже было жаль, что я не пришел, но не так, как Свете: чем-то загадочным я для них не был, потому как они уже пересекались со мной немного в дневное время — на пляже, на футболе или еще где-нибудь.

Ребята быстро допили оставшееся в банке вино и пошли вместе с девчонками — проводить их до дома, а потом наведаться в центр. Мы встретились на полпути между клубом и фазендой, и это была очень хорошая встреча.

— Ага, ага, — еще издали начал Санча. — Мужики, уж не тот ли это Серега идет, про которого теперь мамы детям страшные сказки рассказывают.

— Сказки? Какие сказки? О чем это вы, ребята? — смеха ради прикинулся я веником, одновременно обмениваясь с друзьями рукопожатиями и кивками головы с девушками.

— Да говорят, кто-то сегодня с Володенькой организовал в центре села концерт по заявкам радиослушателей, — конкретизировал Леха Новиков.

— Да неужто?.. Врут. Определенно врут.

— Да, а еще говорят про какую-то инициативную группу из Елховки, — вмещался Леха Ромашкин, — без содействия которой концерт бы не удался.

— Значит, они молодцы. Надо им грамоту дать.

— Ладно, Серег. Кончай дурака валять. Давай рассказывай.

— А нальете?

— Воды из-под колонки. Сколько хошь.

— Злые вы, уйду я от вас.

— Сам ты злой. Мы тебя с банкой ждали, ждали. Мелкими глотками эту гадость цедили, чтобы только до тебя дотянуть. Девчонок вон тебе навели — выбирай любую, а ты вон как. Да?

— Ну ладно, ладно. Расскажу. Мертвого уболтаете.

Под непрекращающийся смех: и мужской, и женский — я в который раз за ночь с шутками и комментариями рассказывал и показывал, что же с нами сегодня случилось. И чем дольше я рассказывал, тем больше понимал, как я сегодня поторопился с выбором. Она не смеялась и не подзуживала меня, как другие. Она стояла чуть дальше других, временами слегка приоткрывая рот, не двигалась и смотрела на меня не мигая своими прекрасными большими глазами. А я продолжал говорить и делать вид, что обращаю на нее внимание не больше, чем на других. Но это было не так — кроме нее я уже никого не видел. Я чувствовал, что она уже моя, верил, что с ней мне будет интересно, и покрывался мурашками от мысли, что мог бы обнимать и целовать эту девочку, не говоря уж и о большем, но еще я знал, что поступи я сейчас не по-человечески, обманув доверие висевшей на мне золотоволосой пассивной и перекинувшись на новое увлечение — все рухнет. Как моментально я поднялся в ее глазах, так моментально и упал бы. На самое дно. Да и блондинку ни терять, ни обижать не хотелось. Поэтому я продолжал делать то, что делал, уповая на то, что завтра все будет по-другому.

Малолетки — и те, и другие — торопились, поэтому долго мы не застоялись. Вовка присоединился к их компании, а я с тремя девочками собрался идти дальше.

Уже расходясь, Леха Ромашкин, давно присекший, отчего такая рассеянная в этот вечер Света, добил ее окончательно, сказав тихонько и со стороны как будто бы только для меня, но на самом деле так, чтобы и она расслышала:

- Серег, тебе всегда дух хватало. Не перегрузишься?
- Война план покажет, — с такой же громкостью ответил я, улыбнувшись.

Дальше все пошло двояко: внешне неудачно, но внутри меня — вовсе неплохо, я бы даже сказал хорошо. У дома моего деда мы разделились: малолетки пошли дальше, а мы свернули на фазенду. Свитер она зашила, конечно, ловко, но потом начались неувязки. Еще сидя у конторы, я понял, что интересного, кроме внешности, в ней мало, но там это сглаживалось тем, что мы были не одни. Я разговаривал со всеми, поэтому неудобств в общении не испытывал. Здесь же этот мой недосмотр дал о себе знать более явственно. После нескольких неудачных попыток, я даже не знал о чем с ней еще заговорить — не то, что бы у нас не совпадали жизненные интересы — у нее они просто, вообще, отсутствовали. Безгрешной, по моим надежным источникам, она уже не была, и о том, что ей нужно, я догадался еще у конторы. Она давала мне недвусмысленную надежду на благополучное осуществление моих незатейливых планов в обмен на стандартное для многих женщин более-менее длительное ухаживание. Явление распространенное и, в общем-то, не постыдное, хотя я уже тогда считал, что неглупая и уважающая себя девушка не должна придерживаться каких-либо придуманных другими людьми стандартов и правил, а должна все решать сама по ситуации, которые всякий раз разные.

В общем, я прикинул, что ей нужны от меня одна-две недели — не меньше. При ее только что открывшемся мне «архибогатом» внутреннем мире я бы столько не выдержал. Тем более, я никак не мог забыть очаровательных глаз, смотревших на меня полчаса назад. Короче, я решил определиться со всем в эту же ночь, сейчас же, поэтому уверенно встал, закрылся изнутри на крючок и повалил ошеломленную гостью в постель. Что бы ни случилось — оба варианта меня устраивали.

Через минуту я остался один, чего с большей вероятностью и следовало ожидать. Начинало светать. Поиграв чуть-чуть на гитаре и прочитав страниц десять Брэдбери, я, довольный проведенной ночью, выключил свет и включил магнитофон. Кассета была перемотана на нужное место заранее. Изредка пощелкивая кнутом, пастух Коля неспешно гнал по проулку мимо фазенды вяло подмыкивающих Роджеру Уотерсу коров — под эти волшебные звуки я и уснул.

Назавтра, уже в половине десятого вечера, я, трезвый и ухоженный, вместе с Ромашкиным Лехой оккупировал бильярдный стол в фойе клуба между выходом на улицу и входом в танцевальный зал. Днем я уже успел навестить «прикованного к постели» Володьку,

тоже, не смотря на заплывшее лицо, достаточно весело смотревшего на события вчерашнего вечера, и выпить с ним чисто символически по рюмке водки за процесс регенерации, в смысле, чтобы его раны быстрее заживали. У меня, кроме нывшей слегка от Володькиного сапога нижней челюсти, заживать было нечему.

Кроме того, в этот день я часа четыре пробыл на речке, на местном пляже, и успел повидаться со всеми своими друзьями. Там, не торопясь, обстоятельно и без лишних, то есть женских, ушей мне подробно описали, что же было вчера на фазенде и какие из этого каждый сделал выводы. По единогласному мнению друзей, на Свету у меня были быстрые, легкие и многообещающие перспективы, с чем я и был поздравлен. Там же на речке Ромашкин исхитрился пленить разум еще одной приезжей девушки и договориться с ней о встрече в клубе на дискотеке. Света и ее подружки собирались появиться сегодня там же. Так что, посоветовавшись, мы с Лехой решили, дабы не прослыть невоспитанными, прийти в клуб раньше девушек, а дабы не показаться нетерпеливыми, замаскировать наш ранний приход безудержной якобы страстью к игре на бильярде.

Ждать пришлось недолго. Без четверти десять в фойе вошла Света, одна, без подружек, и прямо таки застыла на месте, неожиданно увидев меня, к тому же не отягощенного как вчера женским присутствием. То есть доступного. Леха, не прерывая игры, приветливо кивнул ей и хитро подмигнул одним глазом, что в сумме должно было означать, что он рад ее видеть и не обидится, если она подойдет поближе. Но из-за меня она как-то ступевалась, неловко кивнула в ответ и осталась стоять на месте. Я даже не задержался на ней взглядом — мы не знакомились, и по моему сценарию я как будто бы не обратил вчера на нее внимания.

Еще минут пять мы с Лехой сосредоточенно гоняли по зеленому сукну желтые шары, мимоходом здороваясь с входящими парнями и девчонками, а она продолжала стоять на том же месте и смотреть на нас. Мне казалось, что я слышу, как хрустят у нее за спиной костяшки пальцев, сжимаемых в кулаки.

Дольше она не выдержала. Леха то и дело из чувства деликатности поглядывал на нее, как бы давая этим понять, что она не одна в этом незнакомом мире, что он тут и помнит о ней, но ему просто надо доиграть партию. Поймав очередной его взгляд, Света незаметно от меня знаком попросила его подойти.

— Началось, Серега, — тихо, с азартом сказал он мне, ставя кий к стене. — Как по нотам.

Они вышли на улицу. Назад через две минуты Леха вошел один. Направляясь к столу, он глядел на меня и беззвучно смеялся.

— Иди, — коротко проинформировал он меня. — Просила позвать.

— Смелая прямая натура, — без эмоций констатировал я.

— Иди, иди. Выводы будешь делать после. А я тут уж как-нибудь один доиграю.

— Желаю не задержаться.

Леха ухмыльнулся, давая понять, что за него по этому поводу можно быть спокойным.

Я пошел. Света стояла на улице сразу у выхода.

— Привет, — смотря мне в глаза, робко сказала она и сделала шаг навстречу.

— Привет, — так же немногосложно ответил я, тоже смотря ей в глаза.

— Меня зовут Света. Я вчера была у тебя на фазенде и потом, когда вы с нами встретились ночью на улице, тоже была. Помнишь?

Я сделал задумчивое лицо, имитируя процесс вспоминания.

— Ты стояла слева от меня? — спросил я, наконец, не совсем уверенный якобы в своей правоте.

— Да.

— И так же, как сейчас, не мигая, смотрела на меня своими большими красивыми глазами?

Она как-то съежилась и опустила глаза, но тут же опять подняла их на меня и смущенно улыбнулась.

— А они красивые?

— Безмерно.

— Тогда, думаю, это была я.

— И опять же ты, наверное, сжимала до хруста кулаки у себя за спиной.

— Не помню, но может быть.

— И, наконец, попробую предположить, что это ты живешь в Саратове и через неделю уезжаешь туда с родителями.

Какое-то время она не отвечала. Просто молча смотрела мне в лицо. Потом очень серьезно произнесла:

— Видимо, мои глаза на самом деле красивые.

Я улыбнулся, поняв, что не ошибся — мне с ней действительно будет интересно.

— Пойдем? — полуспросил-полупредложил я.

— Пойдем, — не задумываясь ответила она, беря меня за руку.

Нам было все равно куда идти. Наверное поэтому мы побывали везде: в уютной беседке в сквере детского сада, на пустынном ночью речном пляже, даже на кладбище в лесу близ села. Сейчас уже не помню, кому из нас пришла в голову эта неординарная идея,

но зато хорошо помню, как необычно было целоваться, стоя в ночной тиши среди могил под кровлей древних дубов, и чувствовать, как подрагивают и от страха, и от страсти ее губы и тело. Оба мы знали, что, в конце концов, наша ночная прогулка закончится на фазенде. Она не сомневалась, что я предложу ей туда пойти, я не сомневался, что она согласится. Так оно все и вышло.

Было три утра и на фазенде уже никого не было, однако следы пребывания моих друзей остались. На столе спичками было выложено:

«Сереза + Света = Любовь» — и ниже : «Света, верь — Сергей хороший».

Мы оба улыбнулись.

— Хорошие у тебя друзья, — с искринкой доброй зависти сказала она.

— Очень.

Я включил «бегушки», погасил верхний свет и лег на кровать.

— Ложись рядом, — предложил я бесхитростно.

— Я лучше пока посижу — подумаю.

— Не думай так.

— Почему?

— Потому что так ты будешь думать только одной головой и можешь надумать неправильно.

— По-твоему, лучше думать другим местом?

— Нет. По-моему, лучше думать всем сразу: головой и двумя другими местами. Кроме головы и того, что ты имела в виду, еще есть и сердце. Или душа, если хочешь.

Она посмотрела на меня, потом наклонилась, обняла и поцеловала.

— Хорошо. Только ты не торопись: мне теперь в три раза дольше думать надо.

Не буду подробно описывать, как все происходило дальше. Скажу только, что я на самом деле не торопился. Наоборот, я даже старался, как мог, растянуть это удовольствие — лежать с ней рядом, смотреть в ее прекрасные глаза и говорить с ней о чем-то, как мне казалось, важном для нас обоих. Вместе с тем я потихоньку, шаг за шагом, не навязчиво и не грубо, подвигался к достижению понятной нам обоим цели, а она безболезненно для себя сдавала мне позицию за позицией. Но в самый последний момент, когда все предварительное, что можно сделать, уже было сделано, когда я, замолчав на полуслове и посмотрев выразительно ей в глаза, уже подумал и дал ей понять: сейчас, девочка, пора — и уже почувствовал, как все это будет и как все это будет хорошо — в этот самый момент я вдруг встретил ее сопротивление и понял, что все рухнуло. Я даже не

предпринял и малейшей, самой аккуратной попытки это сопротивление сломить. В тот момент мне казалось, что рядом со мной лежит прекраснейшая обнаженная богиня — разве мог я что-то сделать против ее воли.

— Скажи мне, Сереженька, что-то, чтобы у меня не было сомнений, что я должна на это решиться.

Я печально улыбнулся.

— Ты ничего не должна. Да и слов таких быть не может. А будь они — не было бы ни беседки, ни кладбища, ни моего бильярда, ни твоих сжатых кулаков — ни у нас с тобой, ни у кого другого. И таких вот раздумий не было бы. Все всегда заканчивалось бы у всех одинаково: быстро и с первого раза. Достаточно было бы только этих слов...

Какое-то время мы молчали.

— Почему ты не живешь в Саратове... Или я в Москве.

— Это много меняло бы?

— Очень. После этого ты бы остался со мной.

— Я и так останусь. Целую неделю.

— Это не то.

— Нет, Света — то. А кроме того я здесь каждое лето. Приезжай.

— Я очень многого хочу.

— И обязательно все сразу?

— Нет.

— Ну, так начни с малого. А там видно будет.

— С тобой многого не получится.

— Как знать. Если не пытаться, то не получится точно.

Минуты две мы молчали.

— Расскажи мне что-нибудь о себе, — наконец сказала она...

В шесть утра под лучами уже давно вставшего солнца я пошел провожать ее домой.

— Я просижу всю неделю дома, — сказала она, прощаясь. — Не могу дразнить тебя понапрасну. Но все же если вдруг я приду — знай: все будет по-твоему.

— Приходи просто так.

Она не ответила, только покачала головой. Потом поцеловала меня и зашла в дом.

Больше в это лето мы с ней не виделись. Всю неделю она не выходила на улицу. Как и обещала. Но она приехала к нам в село снова — через три года. Все повторилось. Мне было двадцать, ей — девятнадцать. В общем-то, еще не возраст, но в больших глазах ее, смотревших на меня, как и раньше, безотрывно, уже не было чего-то того, что так мне нравилось прежде.

Теперь в них поселился страх. Полтора года она провела замужем. Знакомство ее с мужем началось с изнасилования, продолжилось свадьбой и регулярными побоями, закончилось же долгожданным разводом. Ко мне она пришла в первый день своего приезда и сказала, что все три года только и ждала этой встречи. Но даже не смотря на столь глубокое чувство ко мне страх все так и оставался в ее глазах: я ведь тоже был мужчиной, как и ее муж.

То, что произошло между нами, уже никак не могло возместить никому из нас того, что не случилось три года назад. В эту ночь, лежа у меня на груди, она сказала, что отдала бы все на свете, чтобы вернуться в нашу первую ночь и все изменить.

Уже засыпая, она прошептала мне горькую правду:

— Сереженька, я просто стеснялась показать, что я очень этого хочу. Тем более сказать это. На словах я казалась тебе умной, а на деле... Жаль, что ты не смог поверить в такую мою глупость и отступил так быстро.

Ничего не ответив, я стал играть ее красивыми волосами.

Сергей смотрел на исписанный и исчерканный лист бумаги и думал: оставить все, как оно есть, убрать последнее предложение или добавить к нему еще одно. После пяти минут размышления он остановился на первом варианте, решительно подвел под текстом черту, после чего взглянул на часы и со вздохом облегчения откинулся на спинку стула, закинув руки за голову.

Глава была закончена. Начинать сразу новую, перескакивая так быстро мыслями с пятого на десятое, не хотелось. Жена с сыном собирались вернуться сегодня из гостей поздно, так что создавалась довольно хорошая предпосылка для проведения вечера одним из любимых способов.

Пробило семь. Еще раз оценив обстановку, Сергей потянулся за телефоном.

— Андрюха, привет... Как ты насчет чего-нибудь игрального... Пока никто, но сейчас обзвоню... Да ладно, что ты. Еще восьми не будет — все соберемся... Ну ладно. В любом случае перезвоню.

Действительно, уже без пяти восемь Андрей распечатал и начал тасовать новую пятидесятидвухлистовую колоду, предварительно выкинув из нее джокеров и пустышку. Пока еще было не поздно, Алексей, недолюбливавший бридж за отсутствие в нем (по причине наличия партнерства) полной независимости в выборе тактики, а кроме того всегда считавший виноватым в проигрыше не себя, а партнера, сделал последнюю попытку сломить волю большинства:

— А может, все-таки, «ленинградочку» распишем?

Это не было вопросом или просьбой. Это была вошедшая в привычку нота протеста, а кроме того хороший повод покапать после игры на мозги проигравшим с нравоучительной интонацией, что, мол, говорил же вам про преферанс, а вы, дурни, не послушались, вот теперь и жалейте.

Вместо ответа Андрей, сидевший от Алексея слева, положил перед ним колоду под снятие. Алексей, продолжая выражать протест, крайне выразительно изобразил на лице состояние раздумья: снимать — не снимать.

— Давай-давай, «чапаевец», — подзадорил Сергей.

— Я вас, сударь, не понимаю. Извольте объясниться.

— Когда я в далеком счастливом детстве занимался в шахматно-шашечном клубе, то, судя по названию, ты уже должен догадаться, что кроме нас — нормальных людей — шахматистов, там время от времени объявлялись некие побитые жизнью бедолаги, между собой гордо называвшие себя шашистами. Мы же иначе как «чапаевцами» их не называли. Самым страшным ругательством у нас считалась фраза: «Фу-у! У тебя друзья — «чапаевцы». Знаешь, наверное, эту чудо-игру в «чапаева».

— А как же. Замечательная игра. Развивает глазомер и мышцы пальцев.

— А я читал, — живо вставил Иван, — что, играя в «чапаева» и щелкая по шашкам, обезьяна научилась противопоставлять большой палец руки четырем остальным и поэтому смогла потом взять в руки дубину и, как следствие, стала человеком.

— Вот, — Алексей поднял вверх большой палец и многозначительно посмотрел на Сергея. — Видишь. Это еще один довод в пользу «ленинградки». Ведь это ее, я так понял, ты с «чапаевым» сравниваешь?

— Как ты догадался? А вообще, я начинаю подозревать, что ты у нас родился обезьяной, а уж потом, играя в свою «ленинградку», стал человеком. Кстати, ты со мной играешь, — переменял тему Сергей, указывая Алексею глазами на двух выпавших им жеребьевочных тузов, — так что давай с приматов на бридж переключайся: я проигрывать из-за тебя не намерен.

— Уж не знаю, кто из-за кого проигрывает, — незамедлительно отреагировал Алексей, собирая и начиная тасовать колоду, поскольку его туз выпал первым.

Собравшуюся дома у Андрея компанию можно было бы справедливо назвать одновозрастной: всем четверым было по тридцать с небольшим или очень небольшим.

Знакомы же все были лет с семнадцати-восемнадцати — с первых курсов своих ВУЗов, то есть уже почти пятнадцать лет. Надо ли после этого объяснять, что подобного рода разговоры носили чисто дружеский характер и вовсе не имели целью нанесение кому-либо обиды.

Не смотря на сильное совпадение векторной направленности восприятия мира и на уже достаточно долгий совместный жизненный путь — хлеб насущный зарабатывал каждый по-своему.

Сергей был биохимиком согласно диплому, но по жизни являлся скорее фармакологом, возглавляя свою собственную научно-исследовательскую фармакологическую лабораторию. Деньги на ее организацию он приобрел за счет одного своего довольно значимого химико-технологического открытия, в результате которого крупнейшие в мире фирмы-производители лекарств получили возможность синтезировать одно популярное лекарственное средство гораздо более простым, чем раньше, и потому более экономически выгодным способом.

Алексей в свое время получил диплом врача, но врачом, в полном смысле этого слова, себя не считал. Совершенно не интересуясь вопросами лечения, он полностью посвятил себя диагностике болезней. Себя он так и называл — диагност. А работал он заместителем главного врача в очень престижном частном диагностическом центре.

Из Ивана должен был, как будто, получиться учитель истории. Но, учась на истфаке, он страстно увлекся археологией, все каникулы проводил на интересующих его раскопках и сразу после получения диплома умудрился попасть в соответствующую аспирантуру. В свои тридцать два он уже успел защитить кандидатскую и докторскую, возглавить несколько некрупных археологических экспедиций, поучаствовать в нескольких более крупных и написать штук сорок научных работ. Преподавательскую деятельность он не вел, предпочитая рыть землю в самых разных уголках мира и находить это куда более интересным.

Чем конкретно занимался Андрей — хозяин собравшей всех в этот раз квартиры — не знал никто, но некоторое общее представление о роде его занятий у всех имелось. Он был чем-то вроде главного координатора деятельности многочисленных подчиненных своего отца на территории России. Кем был его отец, оставалось загадкой, поскольку сам Андрей этого не рассказывал, а остальные тактично не интересовались, но все знали, что дома отец бывает от силы раза два в год, а остальное время общается с сыном из различных индустриально развитых капиталистических стран посредством телефона и факса. Большую часть времени Андрей проводил дома в

Москве, но зачастую на несколько дней срывался по делам своего родителя в какой-нибудь российский областной центр. В свое время он закончил заочно политех, но даже десять лет назад, когда он в нем еще учился, никто не видел у него дома ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего учебник по сопромату или какой-нибудь чертеж. В общем, диплом он имел чисто для проформы.

Карты были сданы, и в руках появились фужеры с напитками. Не сговариваясь, по привычке, все замерли, чтобы разыграть ставшую обязательным атрибутом каждой игры сцену из кинофильма «Подвиг разведчика».

— Ну, — первый выдохнул Сергей.

— За победу, — подхватил Андрей.

— За нашу победу, — закончили в один голос все четверо, воодушевленно чокнулись, выпили, закурили — кто курил — и только потом взялись за карты.

Пили всегда. Даже будучи студентами и не всегда имея в кармане желаемую сумму, умудрялись где-то перезанять, скинуться и, в итоге, наскрести на нужное для игры количество дешевенького «Агдама» или «Анапы». Пили потому, что игра была для каждого праздником. А кроме того она была своеобразной формой общения: за несколько часов успевали вдоволь насоревноваться в остроумии, поделиться последними новостями, порешать общие вопросы или выдвинуть на обсуждение вопросы личные. Так или иначе, а алкоголь здесь был в тему. Но, в то же время, пили немного, потому что игра для каждого была еще честолюбивым соревнованием и все хотели в нем победить. Поэтому обдумывался каждый ход, просчитывались все варианты, а уровень спирта в крови сознательно подерживался на таком уровне, чтобы душа и язык грелись, а мозг оставался холодным.

Напиток каждый покупал себе сам, по настроению: коньяк, сухое или полусладкое вино, пиво, водку или джин, разбавленные тоником. Чистую водку за картами пили редко, хотя в других ситуациях, за обедом, скажем, под холодец или маринованные рыжики, все, конечно, предпочтение отдавали ей. А вот крепленые вина не пили совсем. «Агдам» и «Анапа» много лет назад сделали свое дело, и теперь даже на высококачественные крепленые вина каждый смотрел с упадническим настроением.

Первые три-четыре раздачи все как всегда были сосредоточены только на игре, кратко перекидываясь необходимыми игровыми фразами или с жаром обсуждая после каждого розыгрыша упущенные, более выгодные для каждой руки варианты розыгрыша. Минут через тридцать уровень алкоголя в крови плавно установился на

желаемом уровне и игра вошла в свое привычное русло — стала живой, интересной и наполнилась между раздачами необременяющей разум, но, в то же время, содержательной беседой.

Через два часа случилось то, чего все ждали и любили — Ивана переклинило. Это происходило почти в каждой игре, а иногда даже и два раза за вечер и всегда приносило массу положительных эмоций не только двум его противникам, но даже и партнеру, хотя последний зачастую в результате такого «клина» оставался в проигрыше. Суть подобных ситуаций заключалась в том, что Иван, игравший несколько не хуже других, вдруг, ни с того ни с сего, ближе к концу какого-нибудь розыгрыша, уже зная ориентировочно, что у кого на руках и как с этим бороться, брал незапланированную взятку и от неожиданности запутывался в своих многочисленных мыслях по этому поводу, напрочь забывая с чего же теперь надо ходить. Вот и сейчас он взял неожиданную взятку на гиблую, казалось, десятку и сидел в полной растерянности, непонимающе смотря поочередно то в свои карты, то на открыто лежащие на столе карты «болвана», то на неперевернутую еще последнюю взятку. Вся четкая цепочка последовательности намеченных действий от этого нонсенса с десяткой разлеталась на куски.

Андрей сидел на игре, Сергей на «болване», Алексей, соответственно, был партнером Ивана. Игра была заказана геймовая, и от одного хода Ивана решалось — будет ли она сыграна или ему с Алексеем удастся подсадить разыгрывающего.

Андрей сложил свои карты, положил на стол и, отвернув голову в сторону от Ивана, начал беззвучно смеяться, временами бросая короткие недвусмысленные взгляды на закотившего глаза в потолок Сергея.

Алексей жалобно запричитал:

— Ваня, Ванечка, не надо. Вспомни, родной мой. Это очень важно. Ты только сосредоточься. Ведь не подсадим — больше в жизнь с вами в бридж играть не сяду.

— Не знаешь с чего ходить — ходи с бубей, — пытаюсь сделать серьезный вид, отчеканил Сергей.

— Буби козыри, — почему-то не очень уверенно сказал Иван.

— Точно, — констатировал Андрей, на секунду подавив смех.

— Не мешайте мне. Я думаю.

— Слышите. Думает человек. Чего ржете тут, остолопы? — замахал руками на обе стороны Алексей.

— Слушай, Иван. Ты, как специалист, нам, темным людям, поведай — чем череп думающего кроманьйонца отличается от черепа неандертальца.

— Да! Что по сему поводу гутарят археологи. Мы дюже хотим это знать.

Иван со всей силы пытался не обращать внимания на сбивающих его с остатков мыслей противников, но его попытки были малорезультативны. Напрочь дискоординирующая информация сыпалась на него справа и слева прямо-таки дуrom.

— Однозначно, надо ходить с червей.

— Да, Иван. Это такие красные сердечки.

— Лучше с туза.

— Или в мелкую тrefу.

— Не-е. В тrefу он на позапрошлой неделе ходил — помнишь, как плохо все кончилось. Нельзя в тrefу.

— Можно, но в мелкую. А тогда он с короля зашел. Правда, Иван?

— Да замолчите вы, наконец. А то вообще ходить не буду.

— Все, Иван, молчим, — уже спокойным голосом сказал Андрей в наступившей вдруг тишине. — Только последнее. Самое важное. Это тебе надо обязательно знать. Послушай. Ты можешь ходить с чего угодно, с любой масти и с любого номинала — я все вынесу и все стерплю, но только, пожалуйста, не ходи в пику — не бросай меня в терновый куст.

Фраза возымела на Ивана очень сильное действие. Теперь он точно забыл все и, вглядываясь в напряженной тишине в лицо Андрея, уже не пытался что-либо вспомнить, а думал только об одном — врал ли Андрей, делая вид, что говорит правду, или наоборот говорил правду, делая вид, что врет. Наконец он решительно выдернул карту и характерным звонким щелчком отогнутого угла припечатал ее к столу. Это была пика. Единственная масть, ход в которую вел его пару к проигрышу.

Андрей склонился над столом и судорожно застучал по его краю кулаком. Восторгу его не было предела.

— Дурень ты, Ваня, — печально выдохнул Алексей.

Сергей, как только карта открылась, быстро встал из-за стола и вышел из комнаты. Вернулся он через полминуты, когда страсти немного улеглись. В руках его была большая-пребольшая детская книжка с рассказами о Братце Кролике.

— Это я сегодня краем глаза в зале на диване увидел. Думал совсем Андрюха деградировал — скоро «Курочку Рябу» читать начнет. Ан нет: он, оказывается, нам всем праздник готовил.

— Эту книжку, — вставил Андрей, обращаясь к Ивану, — я тебе на международный день археолога подарю.

Не поднимая головы, Иван исподлобья посмотрел на Андрея. Потом перевел взгляд на Сергея.

— Слушайте, я одного не пойму. Почему у вас у всех прямо-таки мания какая-то — выиграть, выиграть, выиграть.

— А у тебя нет? — вопросом на вопрос ответил Сергей.

Иван открыл уже было рот, чтобы машинально ответить назло спрашивающему, что, мол, нет, но в самый последний момент остановился, задумался и уже объективно ответил:

— Тоже есть.

— То-то.

— Но я не из-за денег.

— И мы не из-за денег.

— Я даже как-то раньше не задумывался, почему я так сильно хочу выигрывать.

— Попробую предложить свою точку зрения, — Сергей отложил книжку в сторону. — Это потому, что ты хочешь доказать нам и себе, что ты играешь лучше нас. Ты ведь считаешь себя очень умным вообще по жизни человеком, и нас считаешь не менее умными, иначе бы не был с нами все эти годы. И поэтому ты будешь очень горд, сознавая, что такие умные люди, как мы, считают тебя в бридже сильнее самих себя. И так во всем — ты стремишься быть первым или, по крайней мере, в числе первых. И я тоже. И Андрей, и Леха. И Саня Крымов, и Вовки оба, и Костя, и татары наши. Все. Все наши друзья. Кто-то лучше других играет в карты, кто-то в шахматы, кто-то на бильярде, кто-то в волейбол, футбол, еще во что-то. У кого-то рельефнее мышцы, а другой, хоть с виду и не так здоров, но зато качественнее может набить морду. Кто-то лучше сечет в рыбалке, кто-то в охоте. Кто-то лучше знает Достоевского, кто-то Булгакова. Про женщин я вообще молчу — тут все первые. Главное, что тот, кто делает что-нибудь хуже других, очень хочет это в себе исправить, равняясь в уме на высший подпрофессиональный уровень, очень хочет и тут быть если не первым, то хотя бы на высоте, потому что, если он перестанет этого хотеть, он станет для остальных неинтересным, а потом неприятным, как это случилось с Марковым, например. Помнишь, Лех, такого.

— Конечно.

— Он с Лехой два первых года в медицинском проучился. Я там тогда чаще вас зависал, но вы, наверное, тоже его видели, просто по фамилии не знали. Недавно его в Питере встретил — все такой же. Вроде неглупый парень, деньги немного водятся, что-то делать даже умеет по медицине — но искры в нем нет, никуда он не рвется, ничего ему не надо, потому и скучно ему. И с ним скучно. Мы на

Неве полчаса пиво попили — я еле выдержал. Думал, целая вечность. Ну ладно. Хватит об этом. Ходи. Андрюха вон уже ждать замучался.

— Какое тонкое наблюдение, — отреагировал Андрей. — Кстати, ты с кем это сейчас, Серег, разговаривал?

— Я молчал. Тебе показалось.

— Ну-ну...

Через два часа, в двенадцать ночи, подвели итоги и выяснили, что почти все остались при своих, что, в общем-то, никого не расстроило.

— Надо будет как-нибудь покер организовать. Давно не играли.

— Покер мне велел вам передать, что ему четырех часов не хватит.

— В этом я с ним согласен.

— И я.

— Принято единогласно.

— На выходные звоните. Может на дачу ко мне съездим — рыбу половим.

— Девяносто-шестьдесят-девяносто?

— Нет, настоящую.

— Там видно будет.

— Ладно, давай, Андрюх.

— Счастливо.

— Не будь лапшой.

— Сами не кашляйте.

Вначале поймали машину Ивану: одному ловить скучно. Сергею и Алексею удобнее было на метро — по пути, можно сказать почти в одно место.

— Знаешь, Лех, — первым заговорил Сергей, когда они вошли в почти пустой вагон. — Что-то я последние месяца два часто хреново себя чувствую.

— Что именно?

— Просто хреново. Никаких конкретных проявлений. Ну, там, слабость, головная боль, может подташнивать иногда. А так больше ничего.

— С чем-то связываешь?

— Все в целом или каждый отдельный случай?

— И то, и то.

— Ни с чем. Ни то, ни то.

— Заедь завтра ко мне. Я тебя прокручу.

- Долго?
- Для начала нет. Сдашь анализы, а там уж видно будет.
- Заметано.
- Рад стараться, ваше высокоблагородие.

Когда Сергей пришел домой, жена еще не спала — читала, лежа в постели, какой-то любовный роман. Оставаясь лежать, она встретила мужа приветливым и хитрым взглядом.

— Как обещал — не поздно. Можно мне на кухне разведочку устроить?

- Можно.
- Какая ты добрая.
- Ну-так.
- Еще бы перестала всякую порнографию читать — вообще бы цены тебе не было.

- Это не порнография. Это база для хорошего женского сна.
- Со сновидениями?
- С ними.
- С эротическими?
- Непременно.

- А я думал — это я такая база.
- Не-е. Ты база для еще лучшего сна.
- Это какой же сон может быть лучше?
- Крепкий и здоровый сон без эротических сновидений, но после эротической действительности. И рядом с ее организатором.

— Вон оно как. Ну, тогда организатор, пожалуйста, поспешит чего-нибудь откусать.

- Ну, тогда поспеши. Там водичка на столе и хлебушка кусочек.
- С плесенью?
- Конечно.
- Мое любимое блюдо. Спасибо.
- Пожалуйста. Тебе будильник не заводить?
- Начальники, особенно независимые, приходят на работу, когда выспятся. Тогда они добрее с подчиненными.
- Но тогда они на пару часов меньше работают.
- Выспаный начальник в два раза производительнее невыспанного. Ладно, я скоро.

Штат лаборатории Сергея был не очень велик, но очень качественно укомплектован. Живость мысли, не обремененной рамками стандартов, и вместе с тем высокая компетентность в своей специальности — это были два главных критерия, по которым Сергей

находил себе ведущих специалистов: химиков, провизоров, биологов, врачей. Для лаборантского состава компетентность играла меньшую роль — здесь главным была коммуникабельность. Под этим термином Сергей подразумевал умение так вести себя в коллективе, чтобы все коллеги по работе всегда были рады видеть тебя рядом. При наличии указанных достоинств Сергей смотрел на все остальные недостатки сквозь пальцы, не переживая, что кто-то в быту излишне налегает на стакан, кто-то любит после обеда незаметно поспать на рабочем месте, а кто-то в служебной обстановке иногда компенсирует нерадивость своего мужа (или холодность жены) в вопросах секса. Как бы то ни было, но на работу в лабораторию все ходили как на праздник. Это раз. А два — это то, что открытия как в области технологии изготовления, так и в области новых лекарственных средств следовали одно за другим и приносили всем моральное и материальное удовлетворение.

Вообще, Сергей планировал со временем полностью переключиться только на работу по изысканию новых лекарств, но пока что приходилось работать и над технологическими изобретениями, поскольку за них платили сразу, а все новые лекарства еще годами проходили клинические испытания и доход от продажи прав на их производство был пока что процентов на восемьдесят потенциальным.

Уже заканчивался рабочий день, когда зазвонил телефон.

— Слушаю вас внимательно.

— Слушай — как хочешь, главное — услышь.

— Постараюсь.

— Мне не понравилась твоя кровь. Дай своим девочкам и старперам знать, что завтра надолго задержишься. Запущу тебя по полной программе.

— Моим старперам в среднем по сорок и они тебе еще во многом фору дадут. Так что ты с ними поласковее. И потом — я в твоей науке смыслю заметно больше, чем в китайской грамоте. Если помнишь, я для вас таблетки изобретаю...

— Это к моей науке не относится. Я диагност.

— Неважно. Ты меня понял, так что можешь и поконкретизировать чуть-чуть. Что там тебе не понравилось?

— Врачебная тайна.

— Это ты какой-нибудь бабушке рассказывай. Говори что.

— Слушай, Серег. Есть основания предполагать, что анализ взят неправильно. Чего тебя раньше времени тревожить. Завтра повторим, ну и расширим диагностический поиск заодно. А потом уж буду говорить, если что не понравится.

— Что ж у тебя за контора такая, если анализы берут неправильно.

- Бывает и швабра стреляет.
- Хорошо. Во сколько?
- До десяти подъезжай.
- Рекомендации на утро будут?
- Да. На красный свет не езд и не ешь печень колибри.
- Нет. Ты серьезно скажи: мне жрать можно?
- А говоришь, что в моей науке понимаешь. Да ешь, что хочешь, только до десяти приедь.
- Ладно. Жди.
- Ладно. Жду.

- Вова-Вова-Вова-Вова! Ты папу любишь?
- Та!
- А маму?
- Та!
- А кого больше — папу или маму?
- Папа-мама.
- Хитрый ты, Вова.
- Хочу конфетку.
- Нет, Вова. Вначале съешь мясо с рисом, а потом конфетку.
- Хочу конфетку.
- Вова! А ты хочешь быть большим как папа.
- Хочу.
- Очень хочешь?
- Та!
- Тогда надо есть мясо и рис. И тогда вырастешь большой-пребольшой — как папа.
- Хочу мяса-лиса.
- Да на. Пожалуйста. Видал, Лех: реклама — двигатель прогресса. Запоминай. Дай бог, и у тебя когда-нибудь такой будет.
- Может быть, может быть.
- Я не пойму, чего вы почти все ждете. На мой взгляд, это немаловажный воспитательный фактор — успеть показать детям, каковы их родители молодые. Чтобы хотели тоже стать красивыми, сильными, здоровыми. Чтобы подсознательно чувствовали, что впереди целая жизнь счастья, а не хождение с тросточкой и кашель ночами в подушку. И чтоб росли от этого чувствования добрыми.
- Тебе, Серег, только проповеди читать.
- Так мне кто-то и нагадал по книжке, что я в прошлой жизни был проповедником.
- А ты что — во всю эту дурь веришь?

— Посмотри на меня внимательно. В фас. В профиль. Я что — похож на олигофрена? Может, конечно, и есть истинные прорицатели — не знаю. Я не сталкивался. Но определять по методике в книжке исходя из даты и года рождения, кем ты был в прошлой жизни — бред сивой кобылы. Это что же? Все, кто родился со мной в один день, а таких дюже много — все проповедники, да еще, как в той книжке написано, жившие в девятом веке на территории современной Испании. Кушай, кушай, Вова.

— А дюже много — это сколько?

— Ну, давай посчитаем. Народонаселение планеты округленно возьмем шесть миллиардов.

— По-моему, пока еще пять.

— Почти шесть, но черт с тобой — пять. Раздели на триста шестьдесят пять дней в году — получается, что людей с одинаковой датой рождения, — Сергей на секунду задумался, подсчитывая, — что-то около пятнадцати миллионов. Теперь с годами. Все они родились в разные годы. Средняя продолжительность жизни в цивилизованных странах, скажем, семьдесят лет. Делим еще на семьдесят — двести тысяч. Нет. Ты прикинь. Там, тогда и народу-то столько жить не могло. Но даже если допустить, что жило именно столько — выходит, проповедовали всей Испанией.

— Раздели еще на два. Одни жили в начале века, другие в конце.

— Умножь обратно на два. Все, кто родился со мной, были в девятом веке мужчинами, значит, с ними жило еще столько же женщин.

— Не буду умножать — проповедникам было не до женщин.

— Как же, как же. Еще скажи, татары сало не едят.

— Да, вроде, не о татарах говорим.

— Да и не о проповедниках тоже. Я просто волнуюсь, Леха. Ведь не будешь же ты просто так заезжать ко мне домой. Было бы все нормально — сообщил бы по телефону, а если б и заехал, то давно бы сказал, а не сидел — глаза в пол. Да и начитан я: знаю — просто так, кому попало, пункцию костного мозга не делают... Говори.

Алексей, как ни старался, не мог подобрать нужных слов.

— Плохо, Серег, — наконец выдал он.

— Вижу, что плохо. Говори все.

— Очень плохо.

— Лейкоз?

— Да.

— Надеюсь, хронический? — голос Сергея сорвался.

— Острый... Миелобластный.

Сергей прижал к себе сына, закрыл глаза и тяжело вздохнул.

— Ну что ж, бывает, — тихо подытожил он. — Насколько я помню — больше года не протяну?

— Ну почему. Бывают случаи и подольше.

— Это у тех, видимо, кто медленно живет. А я так не умею, я жизнь люблю, поэтому гоню ее и пришпориваю. И сейчас гнать буду. Но ты не знаешь кое-чего интересного, — Сергей, довольный, улыбнулся. — Ты думаешь, почему это я, как будто, чему-то рад. Да. Рад. Потому что я угадал. Очень угадал. Я словно знал. Кушай-кушай, Вова. Твой папа ясновидящий. Я, Леха, понимаешь ли, пишу книгу своему сыну. О жизни вообще и о своей в частности. А знаешь, зачем я это начал?

— На всякий случай.

— Точно. Пиво будешь?

— Лучше водку.

— Тоже волнуешься?

— Да.

— Почему-то я тебе верю. Ну...

— За Нострадамусов.

— За них, гадов...

Пустые стопки опустили на стол.

— У кого лечиться?

— Вот визитка. Он о тебе наслышан.

— Хорошо. И пока никому ни слова... Разливай давай.

— Готовы! — Сергей бросил в лодку последний мешок с прикормом и повернулся к другой лодке, покачивающейся рядом на воде. — Только давай, Сань, на честность. Как договорились. Только кольцо, спиннинг и удочка.

— Так у нас больше и нет ничего. Разве что динамита немного... Шучу.

— Бабушке своей рассказывай, что у тебя нет ничего.

— Да правда нет. Ну, загляни в лодку. Можем карманы показать.

— У тебя, я знаю, по всей Волге косынки, балберки да морды стоят. А то и сети. Вам и ловить ничего не надо, только проскочить по всем твоим заначкам и собрать, что попало.

— А что ж мне все это — выкидывать?

— Отдельно складывайте. И смотрите не перепутайте.

— Ладно. Уговорил. На честность, так на честность.

Все сели в лодки — трое в одну, трое в другую.

— Условия старые?

— Ну да. Самая большая, улов в килограммах и улов в штуках. С проигравших банкет.

— Договорились. Встречаемся в десять.

Одновременно взрели оба мотора и лодки полетели на середину реки, уносясь одна вверх, другая вниз по течению. В первой вооруженные до зубов рыболовными снастями сидели Иван, Андрей и тот самый Саня, что питал слабость к динамиту. Когда-то он был одноклассником Сергея, после ПТУ ушел в армию на срочную службу, а вернувшись через два года, неожиданно осознал, что всю свою жизнь хотел стать не газосварщиком, а ювелиром, что и осуществил незамедлительно, обучившись всем тонкостям мастерства всего лишь за три месяца у своего дяди — ювелира, живущего в Самаре. Там он и сам остался жить, со временем купив себе неплохой домик недалеко от города на берегу Волги, где теперь и собралась вся компания.

Во второй лодке, вооруженной снастями не меньше первой, разместились Сергей и два героя его книги: Лехи Ромашкин и Новиков — которые присоединились к трем москвичам в Пензе. За прошедшие полтора десятка лет они ничуть не растеряли своей веселости и жизнелюбия. Ромашкин работал охранником в частной фирме, Новиков держал в центре Пензы свой ресторан.

Такие вот пяти-семидневные чисто мужские мероприятия по преодолению рабочей и домашней озабоченности делами проводились в гостях у Александра дважды в лето уже лет семь (с тех пор как он купил дом) и давали их устроителям отдохновения куда больше, чем посещение Кипров, Египтов и прочего туристического ширпотреба.

Ровно в десять вечера обе лодки одновременно уткнулись носами в песчаный берег, от которого они семнадцать часов назад отчалили. Каждая тройка смотрела на другую со снисходительными улыбками, давая понять, что соперникам в этот раз даже и думать о победе не стоит.

— Послушайте старого археолога, — начал первый Иван, соскочив с лодки на берег, — сдавайтесь добровольно — вам скидка выйдет.

— Идите вы, ребята, кал трамбуйте, — не обращая внимания на самоуверенность Ивана, недвусмысленно дал понять об улове своей тройки Сергей.

— Мы-то пойдем, — незамедлительно вставил Андрей, — но только после того, как вы уедете за покупками к банкету.

— Ладно, смотрите, — миролюбиво подвел черту под распрями Ромашкин, поднимая со дна лодки судака килограммов на пять весом. — Это вам для начала.

Ожидаемого впечатления судака не произвел — снисходительные улыбки не сошли с лиц соперников. Андрей, прикурив сигарету, не торопясь подошел к чужой лодке, обстоятельно и как-то театрально осмотрел продолжавшую висеть в руке Ромашкина рыбу, после чего не то спросил, не то сказал, обращаясь к Сергею:

— Я так понял — это пескарь.

— Покажи щуку.

— Пожалуйста... Саня! — Андрей сделал изящную паузу — Щуку!

Александр как того и ждал. Нагнувшись, он двумя руками поднял за жабры лежавшую на дне щуку, как минимум вдвое превосходящую судака по размерам. Ее голову он держал на уровне своего подбородка, а хвост касался дна лодки.

Ромашкин тихонько бросил судака туда, откуда взял. Будучи охранником, он весьма выделялся своими размерами, но сейчас по его взгляду и телодвижениям все поняли, что он захотел хоть на минуту стать очень маленьким и очень незаметным Ромашкиным. Новикову и Сергею тоже сказать было нечего, поэтому они просто удрученно, но вместе с тем и восхищенно молчали. Саня, устав держать тяжелую тушу на весу, опустил ее назад в лодку.

— Что? В Пензе такие не водятся?

— Если б водились, я бы в жизни в Суре не купался. Это не щука — акула какая-то. Как она вас не съела всех троих.

— А мы акульным репеллентом намазались.

— Ладно. Один-ноль в вашу пользу. Но две остальные номинации наши без вопросов. Давайте выгружаться.

— Минутку. Может аперитивчику с устатку?

— Не видим препятствий.

Из лодки появились бутылка коньяка и одноразовые стаканчики.

— Ну...

— Чтобы кость в горле не застряла.

Сергей с Алексеями действительно имели все основания быть уверенными в конечном победном результате. Даже тяжелая щука не спасла взявшую первое очко тройку от весового проигрыша.

— Я же говорил — не потянете.

— Первый раз в жизни столько выловил.

— И я.

— Да и я тоже.

— Подождите — концерт большой. Давайте по штукам.

— Аперитив?

— Не видим препятствий.

— Ну...

- За победу.
- За нашу победу.

При поштучном подсчете в меньшем по весу улове оказалось на десять рыбин больше.

— Злые вы, — констатировал Новиков, — уйдем мы от вас.

— Не говори, — поддержал Ромашкин. — Натаскали мелочи пузатой, рыбок аквариумных.

Сергей не сказал ничего. Он по очереди задержал на каждом из соперников долгий взгляд, полный бутафорной укоризны, а лицо его при этом как бы говорило, что у него на самом-то деле много есть чего сказать, но он, так и быть, всех пожалеет и промолчит.

— Ладно-ладно. Лучше записывайте заказы. Я, например, хочу жареного месопотамского пеленгаса.

— А мне простенького дронта под тромбом.

— А я булку с маком хочу. Но только вы нехорошие люди: аперитивов наглотались и теперь в город через пост ГАИ, я понял, не поедете. А в селе булок с маком не будет. Я знаю.

— Мы тебе батон с гашишем привезем. А вам, господа гурманы, яиц с курятников натаскаем и редьки с огорода какого-нибудь надергаем.

— Да, я слышал, пеленгасы под самогон не катят. Неважное сочетание.

— Так вы нас что — самогоном поить будете?

— Ясен пень. Мы же на природе, в селе почти что. Проще надо быть, ребята. Скромнее.

— Короче, давайте дуйте за редькой. А мы тут пока с рыбой разберемся — умную налево, красивую направо...

Джип с проигравшей тройкой вернулся из близлежащего села в половине двенадцатого. Солнце давно зашло, но небо на западе было еще светлое. В саду, позади дома, грелась на костре вода в большом котелке, стояли простенькие шезлонги и еще более простые небольшие самодельные столики, сколоченные из чего попало. В трех шезлонгах, умытые, причесанные и переодетые, сидели победители, смотрели на огонь, курили и пили кофе все с тем же коньяком.

— Банкуйте, — сказал Сергей, опуская на землю между столиками четыре полиэтиленовых пакета, доверху набитых содержимым. — Мы, пожалуй, скупнемся.

Все трое направились через сад к берегу.

Через десять минут они вернулись, переоделись в сухое, погрузились в шезлонги и тоже принялись за кофе. Содержимое пакетов уже перекочевало на столы. Вода в котелке начала кипеть.

— Я полагаю, вы не будете сильно возражать, — сказал Андрей, закидывая очищенную луковицу в кипящую воду, — если жарить щуку мы предоставим вам. Уха, соответственно, наша.

— Я вражью рыбу есть не стану, — ответил Сергей. — Я с детства судаков люблю. Надеюсь, вы его соседу на удобрения не догадались отдать.

— Не догадались. Но мы тут подумали втроем и решили: в посадках за селом грибов полно растет, так, может, завтра с утра пробежимся и пескаря этого вашего запечем в духовке с картошечкой и под сметанным соусом с подберезовиками. А сегодня уж щуку на костре пожарим. Ребра — натурально, остальное — котлетами.

После небольшого совещания Сергею и Алексеям пришлось согласиться, что головы их соперников иногда посещают умные мысли. Затем наступило окончательное примирение, то есть, в общем-то, и до этого никто не ссорился, но просто с того момента, когда уха разлилась по тарелкам, все шестеро стали ощущать себя не двумя командами, а одним целым.

Гости приехали к Александру накануне вечером, но времени поговорить по душам у них еще не было, потому как, готовясь к рыбалке, все были заняты делами, а кроме того, чтобы выспаться, легли пораньше. На самой рыбалке почти трезвое состояние организмов, неполный набор собеседников, а также прущая дуrom рыба тоже не давали возможности для излития души. Зато теперь все помехи были устранены, и ничто никому не мешало говорить то, что он считает нужным.

Пили все, но никто особо не пьянел, то ли потому, что хорошо ели, время от времени пили кофе, чай и ходили купаться в Волге, а то ли потому, что давным-давно завязали с привычкой пить только для того, чтобы напиться. Было около трех часов ночи, когда, вернувшись очередной раз с реки и выпив очередную порцию холодной водки под очередной только что пожаренный кусок щуки, друзья упали в шезлонги и потягивали обжигающий кофе, чередуя, кто хотел, глотки с затяжками сигаретным дымом. Все молчали, наслаждаясь приятными ощущениями.

Тишину мягко надорвал Сергей.

— Хорошая ночь сегодня. А завтра будет хороший день. И вся неделя будет хорошая... и разнообразная. Как всегда... Я хочу сказать вам, ребята, что-то очень важное и очень серьезное. Только вначале у меня будет к вам всем несколько необычная просьба. Я бы очень хотел, чтобы вы все ее выполнили, но если кто пожелает, может, конечно, и отказаться. Я не обижусь. Я обижусь, если только кто-то не поверит мне, что моя просьба на самом деле серьезная, как и то, что я хочу вам потом сказать.

Все молчали. Сергей продолжил.

— Я очень хорошо знаю, что вы за люди, потому что вы такие же, как я. Нет, конечно, каждый из нас неповторим, как и вообще любой человек, и у нас очень много различий, но самое главное у нас общее. Так вот. У меня есть мечта. Вообще, у меня их много, самых разных калибров. Но самая большая одна... Первая... Она реальна, потому что мечтают о нереальном только те, кто ничего в жизни не умеет, но в то же время возможность ее осуществления невероятно мала, потому что это мечта не проходная, а на всю жизнь. И не важно, сбудется она или не сбудется, важно, что она у меня есть, что я стремлюсь ее осуществить и верю, что она мне по силам. Важно, что я живу с этой мечтой... Я уверен, что у каждого из вас тоже есть мечта. По себе знаю, что не каждый захочет поделиться своей мечтой даже с самым лучшим другом. Это потому, что каждый любит свою мечту и не хочет, чтобы над ней смеялись из-за того, что она слишком призрачная или, наоборот, слишком обыденная, на чужой, разумеется, вкус. А еще каждый прячет свою мечту, потому что боится, что посмеются не только над ней, но и над ним самим. Не сразу, а потом — когда он, друг, не сможет почему-либо свою мечту осуществить.

У Сергея сорвался голос. Было видно, как трудно ему говорить. Бросив быстрый взгляд на столик, он взял открытую бутылку коньяка и сделал хороший глоток прямо из горлышка.

— Так вот, — голос снова зазвучал нормально. — Я обещаю вам, что то, о чем я вам сегодня скажу, настолько серьезно, что дает мне эксклюзивное право попросить у вас того, что в другой ситуации просить некорректно. Я хочу, чтобы вы поделились — либо со мной, либо со всеми — своей мечтой. Мне это очень надо.

Какое-то время тишину нарушал только легкий плеск волн на реке. Первый заговорил Иван.

— Позвольте, ребята мне. Я вижу, Сергей — тебе это, действительно, надо. А мне, наверное, проще всего, потому что моя мечта деловая. Она профессиональная. Археологическая. Я не боюсь ее открыть никому, потому что знаю, что даже дурак над ней смеяться не будет. Просто раньше не было повода, вот я и молчал... Я хочу найти город Аккад. Найти сам, а не под чьим-то началом. Это самый богатый и самый великий город-государство древнего Междуречья. Его ищут и не могут найти с тех пор, как появилась наука археология. Многие величайшие археологи искали его всю жизнь и так и не нашли. Но он есть. Точно есть. Чтобы найти его, нужно три вещи: хорошая голова — она у меня есть, время — мне всего лишь тридцать два, — здесь Иван сделал паузу, проглотив рюмку водки, — ну и деньги. Много денег, которые в случае удачи многократно окупятся.

Но столько у меня вряд ли когда будет. Так что вся надежда на спонсора.

Иван улыбнулся и хитро посмотрел на Андрея.

— Чем смогу, помогу, — непринужденно отозвался тот. — Когда сам богат буду.

Опять наступила тишина. Все выжидающе смотрели друг на друга.

— Что-то мы все без молока и без молока, — разрядил обстановку Андрей. — Так и умереть можно.

Только что пившие Сергей и Иван отклонили предложение. Остальные поддержали.

— Ну...

— За мечты.

— За наши мечты.

Андрей выпил первым, быстро закусил и прокашлялся.

— Хорошо. Я следующий. Моя мечта не столь глобальна, как у Ивана, и, кроме того, учитывая мое семейное положение — я имею ввиду отца и его капиталы — она более реальна. Но она и не обыденна. Поэтому я не боюсь рассказать о ней, если это так Сергею надо. К тому же, я всегда волен, когда выполню первую, полюбить новую мечту — да хоть тот же Аккад отыскать с Иваном. Чем я не археолог. Землю копать умею — вон сколько червей сегодня накопал... Ладно. Я отвлекся. В общем, я хочу здесь, на Волге, построить элитный санаторий для очень богатых и очень больных людей. Разумеется, тут будут все навороты и прибабасы: площадки для гольфа, теннисные корты, бассейны и тому подобное. Разумеется, в санатории будут самые лучшие врачи и самое лучшее медицинское оборудование. А главврачом будет наш Леха-диагност. Жалко он в этот раз не приехал. Но это еще не все. Еще я хочу, чтобы в лечебную программу входила спортивная рыбалка. И самый пик моей мечты, — Андрей зажмурился и сделал паузу, — самый пик он проще всего и всех легче достигимее. Он возможен и без санатория, но тут вся соль в сочетании. Я хочу, чтобы в санатории была волейбольная площадка, со всех сторон окруженная водой. То есть стандартный прямоугольник девять на восемнадцать и сразу же за его пределами глубокая, прозрачная, приятной температуры вода. Прикиньте: мяч уходит за поле от вашего блока, и, чтобы спасти команду, ты, не задумываясь, прыгаешь за пределы площадки, в полете возвращаешь мяч, потом падаешь в воду, а потом стараешься быстро вылезти из воды на площадку, чтобы успеть снова помочь команде, если мяч еще в игре. Красота!

— Спасибо, Андрюха. Очень красиво. Мы так обязательно сыграем. И гораздо скорее, чем ты думаешь. Ты позволь, я сворую у тебя последнюю часть твоей мечты и сделаю ее и моей тоже.

— Бери. Я себе еще придумаю.

— Ладно. Теперь я попробую, — подхватил эстафету Новиков. — Только сразу скажу — я вам открою мечту номер два. Поэтому, если она кому-либо покажется неказистой, помните — она не первая. Что, Сергей? Возьмешь вторую?

— Возьму. Я же понимаю.

— Все просто. Я хочу довести до ума свой ресторан. Для этого мне нужен хотя бы один чудо-повар, лучше, конечно, два или три. Чудо-повар — это такой повар, который все делает хорошо, но что-то одно — всего одно и не больше — он делает лучше всех в мире. Причем не просто лучше всех, а так, что другим и пытаться сделать, как он, не стоит. Он, этот повар, может даже и образования соответственного не иметь. Плевать мне на образование. Главное — это дар. Такой дар, чтобы люди из Москвы специально в Пензу приезжали — лишь бы раз в жизни попробовать такой вот бекстроганов или рябчика там какого-нибудь. Ну, то есть его коронное блюдо. Вот, собственно, и все.

Оставшиеся двое посмотрели друг на друга.

— Будешь? — спросил Александр.

— Буду, — ответил Ромашкин. — Но тоже вторую.

— По-джентельменски уступаю.

Ромашкин усмехнулся.

— Нравитесь вы мне ребята. С вами не соскучишься. Вы, надо сказать, даже лучше баб. Их полюбишь — и спать. А с вами разве уснешь. Кстати, о бабах и мечта. Напоминаю — номер два. За простоту не обессудьте... Я, Серега, жену хочу такую, как у тебя.

Сергей вопросительно вскинул брови.

— Нет, ты не думай, что я об Ольге сохну. И мысли, разумеется, нет. Да что я говорю. И у тебя такой мысли быть не может. Чтобы быть уверенным в жене, надо в себе быть уверенным. А ты уверен. Она тебя никому не предпочтет. Я о другом. Я хочу найти такую девочку, чтобы она стала мне женой — такой же, как тебе твоя Ольга. Во всем такой же. И самое главное — чтобы вас всех, моих друзей, любила и всегда была рада вам, как рада Ольга. Ну, в общем, словами это трудно выразить, но вы меня поняли.

— А личико? — подмигнул Новиков.

— Нет. С вами точно не соскучишься, — без всякой обиды отреагировал Ромашкин. — Всегда найдете, где докопаться... Понятно, что не крокодил.

— Спасибо, Леха. Она вас на самом деле любит.

— Да мы и не сомневались, — уверил все тот же Ромашкин. — Кстати, информация по этому поводу. Я что заметил. Если, вдруг, у

меня дело упирается в тушик, а это бывает, как правило, с благовоспитанными девочками из второсортных ВУЗов, которые знают, что они, в общем-то, девочки неплохие, но судьба почему-то их обделяет — ничего не складывается — так вот, в таких случаях я тащу ее на вечеринку к нашим, пензенским — Сергей с Лехой их всех знают, да и вы многих — или к вам, если дело здесь происходит, и потом, когда мы после остаемся наедине, она искренне плачет от белой зависти, говорит, какие хорошие у тебя друзья и почему у меня нет таких подруг, ну а потом понимает, что обладателю таких хороших друзей позволительно больше, чем кому-либо другому. Ну, короче, все у нас получается.

— Кто бы мог подумать, — тут же отозвался Александр. — А мы, наверное, на другой планете живем.

— Что, тоже так?

— Ну, не всегда, но как правило. Сергей же сказал, что мы все похожи. Правильно сказал. А потом сам прикинь — во второсортных ВУЗах и мальчики, как правило, второсортные. Они поступают туда не потому, что хотят стать лучшими в том, чему там учат, а потому, что поступить туда легче, а диплом с виду такой же. Вот и подумай — много ли она там интересных людей видела. Хорошо, если одного, и, увидев его, дальше уже не искала, а тихонько год за годом молилась на него, но из-за своей дурной благовоспитанности виду ему о том не подавала — ждала, когда он сам ее заметит, оценит и полюбит. А он, по случаю отсутствия достойных конкурентов, мог выбирать все, что захочется, и потому ее не заметил, а выбрал то, что легче лежало. И до слез горько ей, когда вдруг понимает она в нашей или в вашей компании, что парней, достойных ее любви, оказывается много больше, чем она думала. Поезд еще не ушел, но несколько лет потеряно зря. Вот и плачет она по этим годам, и клянет свою благовоспитанность дурную. И получается у тебя потом с ней все так легко не потому даже, что ты орел, а потому, что она быстро делает выводы и с ходу в карьер берет за свое перевоспитание. А заодно и мстит этой своей благовоспитанности, вколотенной в голову глупыми родителями.

— Ты, Сань, как будто готовился. Дивно гладко ведаешь.

— Я ж сказал — не ты один такой. Просто как-то задумался над этой ситуацией — почему так. И решил, что вот поэтому... Ну ладно. Я так понял, осталось только меня послушать. Без проблем. У меня будет первая. Простая, но хорошая. Я хочу, чтобы вы не приезжали сюда два раза в год или я к вам столько же. Я хочу, чтобы рядом с моим домиком выстроились цепочкой ваши. А там бы кроме вас жили ваши жены, дети, потом внуки, дай бог и правну-

ки. И твоя, Леха, жена тоже. Такая же, как Ольга у Сереги. Тут же мы и площадочку волейбольную Андрюхину замастырим. Это не сложно. Ты, Леха, перенесешь сюда свой ресторан с чудо-поваром. А Иван пойдет в сад копать яму под яблоню и откопает нечаянно свой Вавилон или Атлантиду какую-нибудь.

На лицах заиграли улыбки.

— Ну, шучу, шучу. Последнюю часть я, конечно, только что приплел. Но первая — чистая правда. Клянусь — всегда мечтал, чтобы мы все здесь на Волге жили: ловили бы рыбу, катались на гидроциклах и водных лыжах, летали на гидроплане, играли бы в карты, пили вместе пиво, болели за сборную России по футболу. Всего никогда не перечислить. Но самое главное — все бы это мы делали не так, как сейчас, когда есть лимит времени и мы вколачиваем в него мероприятие за мероприятием, боясь не успеть всего, торопясь и подсознательно томясь тем, что через неделю все это закончится. Нет. Тогда бы все было по-другому. Время бы остановилось навсегда, и в душе у каждого было бы незыблемое спокойствие, безграничное умиротворение.

— У нас все это есть, Саня. Мы-то живем вместе.

— Ничего вы не поняли. У вас нет Волги... и тишины. У вас мерзкий город. Если бы у вас все это было, зачем бы вы тогда ко мне ездили.

— Прости, Сань — поторопился. Ты, конечно, прав. Но уж такая у нас работа — надо пока что жить в Москве. А у тебя здесь на самом деле лучше. Так, как здесь, я нигде не отдыхаю.

Снова воцарилась тишина. Все смотрели на Сергея. Прежде, чем заговорить, он предусмотрительно взял в руку бутылку.

— Я хочу, во-первых, сказать вам спасибо. Через минуту вы поймете, как много вы для меня сделали, откликнувшись на мою просьбу. Еще я хочу сказать, что мне очень понравилось все то, о чем вы мечтаете. Да в общем-то, другого я и не ожидал. Вы, наверное, тоже хотите узнать мою мечту... Узнаете. Чуть позже. Я пишу книгу. О себе, о своей жизни, о своей мечте. И о вас тоже. Скоро я ее закончу — там все и прочитаете. Но это не то, о чем я хотел вам сказать... Я долго думал: говорить или нет. А сегодня я понял, что думать было не надо. Сегодня я просто почувствовал, что я обязан вам это сказать, иначе мне будет плохо сейчас, а вам потом. Я не могу жить с этим один и мне больно видеть, что вы — любящие меня люди — живете в неведении о моем горе.

Сергей запрокинул бутылку.

— У меня рак крови. Этой зимой я умру.

Он запрокинул ее еще раз. Все молчали.

— Я сказал это вам для вас самих же. Чтобы за эти оставшиеся полгода вы запомнили меня надолго — на всю свою жизнь. Человек умирает два раза: первый раз, когда умирает он сам, второй — когда умирает последний, кто помнил его. Помнил не по рассказам кого-то, а сам, непосредственно. Надеюсь, я буду вашим хорошим воспоминанием и с этим воспоминанием вы проживете долго-долго.

Сергей снова запрокинул бутылку.

— И еще я надеюсь, что не буду видеть эти полгода печального сочувствия в ваших глазах и слышать жалость в ваших головах. Не надо этого. У меня была хорошая жизнь, и я ею доволен. И потом — я еще жив.

Сергей покосился на экран загудевшего на столе мобильного и, подумав, взял его.

— Да... Нет, не сплю... Говори... Когда?.. Будем сегодня... Пока.

Сергей опустил руку с телефоном.

— Леха погиб в автокатастрофе.

— Какой Леха?

— Наш. Диагност... Буди, Сань соседа — пусть нас в аэропорт добросит.

Через час, сидя в микроавтобусе, несущемся по дороге к аэропорту, Новиков толкнул в бок засыпающего Сергея.

— Знаешь, Сергей.

— Ну.

— Когда мы вернемся сюда после похорон, я расскажу тебе мою первую мечту.

— И я, — прибавил Ромашкин.

— Хорошо. Спасибо... Только вот Лехины родители ждут друзей своего сына, а не наши пьяные и сонные рыла. Давайте спать... И трезветь.

Пролетели похороны. После них пролетела и без малого неделя в Самаре. Назавтра все собирались вернуться в Москву на «девять дней», а сегодня решили отгулять одну ночь под Пензой, в том селе, где старый дед Сергея все еще собирал каждое лето своих детей, внуков и правнуков, а старая фазенда — свою верную компанию.

Перед закатом, когда все уже было почти готово к встрече давних друзей, Сергей выкроил полчаса времени и по старой, неизменной привычке поехал на дикий луг между селом и речкой: полежать немного в одиночестве среди лиловых вьюнков, растущих там в большом количестве, посмотреть на заходящее солнце,

вспомнить что-нибудь из прошлого, подумать о будущем. О коротком будущем.

Выйдя из машины, он, чтобы не видеть ее, прошел шагов тридцать в направлении заката, после чего сел на траву и откинулся назад, опершись на руки.

Он сидел, смотрел и помнил. Помнил этот лабиринт неглубоких балок, в которых семилетними мальчишками вооруженные самостоятельно выпиленными из досок пистолетами он и его друзья играли в войну. Помнил этот одинокий холм с которого они, будучи уже чуть взрослее, запускали самодельных воздушных змеев — каждый своего. Помнил и этот деревянный столб, давно оставшийся без проводов, на который они лазили в монтерских «кошках» на время — кто быстрее туда и обратно. Помнил еще много чего.

Все они тут. Все остались жить в селе, кроме Новикова и Ромашкина, но и эти сегодня тут. И все сегодня придут. Жаль, что увидит он их этой ночью, наверное, последний раз.

Солнце село. Сергей лег на спину и закрыл глаза. Раньше на этом лугу он так думал о будущем. Теперь будущего осталось мало, но один вопрос ему нужно было решить именно сейчас и именно здесь.

Прошло минут пять. Внезапно Сергей почувствовал, что он на лугу не один. Не было никакого постороннего звука, или запаха, или еще чего-либо, чтобы заподозрить это — он просто почувствовал, и такое с ним было впервые.

Сергей открыл глаза и приподнял голову. Перед ним сидели на траве трое незнакомых мужчин лет сорока в одинаковых черных костюмах. Все трое смотрели на него и ждали.

— Слушаю вас внимательно, — сказал Сергей, принимая сидячее положение. — У меня такое предчувствие, что вы по делу.

Двое крайних незнакомцев повернули головы к среднему. Тот легонько кивнул.

— Мы пришли к тебе с предложением, — начал он, обращаясь к Сергею. — Оно несколько необычно. Точнее, оно настолько необычно, что может показаться неподготовленному человеку полным абсурдом.

— Одно вашего появления, — перебил Сергей, — достаточно, чтобы стать подготовленным к чему угодно. Говорите.

— Тем не менее... Чтобы разговор у нас вышел серьезный, тебе придется поверить в невозможные, казалось бы, вещи. А это трудно. Поэтому нам хотелось бы подвести тебя к невозможности полной, через невозможность относительную. Ты веришь, например, что я могу читать мысли других людей?

— Уже почти верю.

— Ты лежал и думал, где больше хочешь быть развешанным после кремации — здесь ли, среди этих необычных лиловых вьюнков, на лугу, через который всегда будут ходить и ездить на реку твои друзья и подруги, их дети и внуки, или в березовой роще на горе за селом, где молодежь отмечает свои самые большие в жизни события: выпускной, проводы в армию, возвращение оттуда.

— Ты их не только читаешь, ты облакаешь мои мысли в самые правильные слова. Если вы мне сейчас заявите, что Земля на самом деле плоская и держится на трех китах — я не только вам поверю, но и буду уверять в этом всех окружающих.

— Хорошо... Как ты уже понял, мы знаем о твоей болезни. И мы пришли тебе помочь. Некто, чьими посланниками мы являемся, благодаря своим крайне неординарным умственным способностям решил проблему продления жизни людей, больных, подобно тебе, неизлечимыми, казалось бы, болезнями, но... Но по ряду причин, знать которые тебе вовсе не обязательно, попасть под это лечение может очень и очень ограниченное количество больных. Не думай, что ты самый достойный. Сущность его критериев отбора кандидатов не понять никому, кроме него самого. Даже мы их не знаем. Легче всего считать, что так выпал жребий. Теперь дальше. При поддержке определенных высокопоставленных людей на берегу одного теплого моря построен роскошный санаторий. Официально он считается абсолютно закрытой военно-морской базой, разумеется, соответственно охраняемой. Поэтому никто из тех, кто снаружи, не может узнать, что там на самом деле внутри.

— А тот, кто внутри, я так понял, не может уже никогда выйти наружу.

— Почти правильно. Исключение — мы и один любой человек из больных. Не больше. Потому что одному, если что, не поверят. А потом, он и не знает, где этот самый санаторий находится. Как только он умирает, появляется возможность выпустить другого. Но очень часто никто не хочет уходить, как, например, это есть сейчас.

— То есть продление жизни возможно лишь внутри санатория.

— Да.

— Но может вы мне, все-таки, расскажете, чем это достигается.

— Болезнь течет, как она течет — без изменений. В санатории тормозится время.

— То есть?

— Время относительно. Это простая истина, открытая еще Эйнштейном. Время на Земле течет везде одинаково, потому что все движения на нашей планете, включая движение электронов вокруг

атомных ядер, происходят с частотами, производными от частоты вращения Земли вокруг Солнца. Исключение — санаторий. Над ним создан мощнейший электромагнитный купол со своими неповторимыми и, скажем так, неземными частотой и длиной волн. Время под куполом, можно сказать, стоит на месте, и твои полгода короткими тебе не покажутся.

— Наверно, вы хотите позвать меня туда?

— Нет. Не хотим. Нам велено позвать тебя туда.

— И думаете, я сразу соглашусь?

— Да. Если ты внимательно меня слушал.

— Ага... Ты, наверное, намекаешь на тот нюанс, что сейчас из вашего санатория на свободе никого нет, и я могу выйти оттуда в любой момент.

— Именно. А кроме того, выйдя оттуда, ты будешь доставлен нами обратно сюда, в этот же вечер, что стоит сейчас, и в это же время — максимум с десятиминутной задержкой. Тебя и хватиться никто не успеет — вернешься к своим, как положено.

— А как же дорога до санатория? На нее ведь уйдет много времени.

— Мы раскроем мини-купол над тобой прямо сейчас.

— Хорошо. Но последний вопрос. Что, если кто-то попросится выйти вперед меня?

— Он спросит разрешения у тебя. И выбрать, кому выходить, будешь ты. Как новичок. Таков порядок.

— Да, но если после меня появится другой новичок? Тогда я должен буду спрашивать разрешения у него?

— Логично. Но прежде, чем он появится, мы дадим тебе об этом знать, как дали сегодня знать тому, кто пришел перед тобой. Он решил остаться там. Ты, если захочешь, можешь решить обратное.

Сергей взглянул на часы.

— Половина десятого... Значит, максимум без двадцати десять я буду здесь?

— Если захочешь.

Сергей усмехнулся.

— Ладно. Надевайте на меня вашу шапку. Согласен.

Это действительно было на берегу теплого моря — такого же моря, как тысячи других морей — бескрайнего, свежего и вечного. Слева и справа по берегу — слева совсем рядом, справа чуть дальше — в воду врезались покрытые южным лесом пологие горы. Сзади — за санаторием — тоже была гора.

Сергей сразу узнал это место — это было море из его снов. Оно снилось ему не часто, всего пять раз, но он отчетливо помнил каждый такой сон, потому что просыпался каждый раз после него с одним и тем же неповторимым и не совсем понятным ему самому чувством. Чувство было так сильно, что весь последующий день Сергей проводил как контуженый, полностью погрузившись в себя и мало реагируя на окружающую действительность. Он с самого первого сна осознал природу этого чувства, он дал ему подходящее название, но он до сих пор так и не смог определиться в одном — приятное это чувство или, наоборот, тяжелое. Это было чувство вечности.

Сергей смотрел и понимал, что горы эти будут стоять здесь вечно, так же вечно будут бежать к берегу волны, и ветер с моря буде дуть в лицо тоже вечно. А самое главное — он сам. Он сам теперь будет вечен и навсегда останется здесь. Навсегда...

Сергей поднял глаза вверх и сам себе усмехнулся. В другой ситуации он бы удивился, но не сейчас — неба над ним не было, как не было и солнца, хотя и море, и горы смотрелись как в позднее солнечное утро. Вместо неба было что-то, что нельзя было описать словами. Это что-то не имело ни цвета, ни глубины, ни прозрачности, ни предела — ничего. Оно просто было.

Сергей вернулся мыслями ко снам, пытаясь вспомнить эту новую деталь. Тогда он не обратил на нее внимания, но теперь понял, что во снах это что-то над головой было тоже. Наверное, оно-то, в основном, и рождало чувство вечности. А еще в его снах всегда была девушка. Точнее сказать она и была, и не была одновременно. Он не помнил ни ее фигуры, ни цвета ее волос, ни черт лица. Он не касался ее и даже не разговаривал с ней, но он всегда чувствовал ее присутствие во снах и несколько раз видел ее издали.

Сергей обернулся. Девушка была тут.

В легком летнем платье она сидела на деревянном лежаке, одиноко брошенном на пустынном пляже. Ее босые ступни были зарыты в прохладный сырой песок, и на этом самом песке она неторопливо выводила что-то острой щепкой, небрежно зажатой в правой руке.

Не задумываясь, что он, собственно, скажет, Сергей просто пошел к ней. Девушка продолжала рисовать на песке и подняла голову, только когда Сергей перед ней остановился. Несколько секунд они молча смотрели в глаза друг другу.

- Можешь не сомневаться — я такая же вечная, как всё вокруг.
- У вас здесь все читают мысли?
- Нет. Только те трое. А я угадываю.
- Наверно, ты в свое время думала о том же.

- Видишь. Уже и ты научился угадывать. Меня зовут Аней... Анютой... Анной — словом, как хочешь.
- Тебе все равно?
- Здесь всем все равно... со временем.
- Меня Сергеем.
- Я знаю. Они мне сказали.
- Эти трое?
- Да.
- Они это всем говорят?
- Нет. Только мне.
- Так значит...
- Да... Ты хорошо угадываешь. Я твой ближайший предшественник, и я отказалась уйти отсюда, когда эти черти собрались идти за тобой.
- Так они черти?
- Это я так, образно. Кто его знает, кто они. Это тоже, в общем-то, все равно.
- А здесь, у моря, ты зачем?
- Поговорить с человеком из другой жизни, пока он не стал человеком из жизни нашей.
- Какие мрачные у тебя краски.
- Не принимай за норму. Дело вкуса и минутного настроения. Многим здесь нравится. Иногда нравится и мне. А потом, можно сказать, что выбирать особо не приходится.
- Рак крови?
- Рак... Какая разница чего.
- Тоже верно.
- Знаешь, Сергей, ты так стоишь надо мной, как будто куда-то торопишься. Можешь начинать отвыкать от этой привычки. Здесь невозможно куда-то опоздать, даже если очень будешь стараться. Так что лучше сходи за лежаком, — она махнула рукой за спину, — и обосновывайся рядом.
- Сергей так и сделал. Он положил свой лежак бок о бок с Аниным, разулся, закатал штанины брюк и, удобно усевшись, тоже закопал босые ступни в приятно прохладный песок. Они говорили долго-долго. Сергей больше спрашивал, Аня отвечала.
- А почему ты у меня ни о чем не спрашиваешь? Ты же хотела поговорить с человеком из другой жизни.
- Спрошу. И не один раз. Ты забыл, что впереди у нас вечность.
- Все никак не могу к этому привыкнуть. Сколько ты уже здесь?

— Когда я попала сюда, мне было двадцать три. Дальше время потеряло счет. Потерялось само понятие времени. Здесь нет зим и лет. Здесь нет дня или ночи. Нет никаких часов и календарей. Здесь всегда так, как сейчас — похоже на позднее летнее утро. Каждый ложится спать, когда захочет, и встает, когда посчитает, что выспался. Откуда я знаю, сколько я уже здесь. Знаю одно: люди здесь не стареют. Они остаются в том возрасте, в каком сюда попали, и так живут вечно.

— Интересно, какое соотношение. Здесь год — там минута?

— Тебе перестанет это быть интересным, когда ты почувствуешь, что здесь нет ни года, ни минуты, ни тысячелетия. Есть это море, эти горы, этот санаторий и эти люди в нем. Все.

— Я хочу есть, Аня. Как тут это делается?

— Пойдем. Поедим вместе. Потом я покажу тебе твой дом.

— Сейчас, наверное, все будут хотеть со мной познакомиться.

Аня усмехнулась:

— Пойдем. Там сам увидишь.

Прошел «месяц». Вначале Сергей считал «сутки» как интервалы между двумя снами. Но очень скоро он стал спать как и все в санатории — когда угодно и сколько угодно, другими словами, часто и понемногу. Продолжая упорствовать, Сергей начал обзывать качественно и количественно одинаковые приемы пищи «завтраками», «обедами» и «ужинами», что с большой иронией воспринималось его новой подругой. Тем не менее, благодаря таким обзывательствам понятие времени для Сергея все еще продолжало сохраняться.

Большую часть этого времени он проводил с Аней. То, что обычно случается между мужчиной и женщиной, случилось у них тоже и продолжало случаться довольно часто, однако этим их общение не ограничивалось. Больше всего они любили подолгу полулежать, откинувшись на борт просторной деревянной лодки, качающейся на легких волнах недалеко от берега, смотреть вокруг и, никуда не спеша, разговаривать...

— Чем ты занимался, пока я спала?

— Пытался расширить круг своих знакомств.

— А именно.

— Играл в бридж с твоими соседями.

— Ну и как?

— Хуже может быть только в кошмарном сне.

— Может быть это все, как раз, и есть кошмарный сон.

— Возможно.

— Так что тебя не устроило? Слабо играют?
— Да нет. Не слабо. За то время, что они здесь, всему можно научиться.

— И опостылеть тоже все может.

— Я к тому и клоню. Зачем они играют — не понимаю. Мы с друзьями за каждую взятку как на Курской дуге бьемся, а у них к игре никакого интереса. А поэтому и мне неинтересно. Какая мне радость в том, что я выиграю, если они ничего против этого не имеют.

— Побудешь здесь с ихней и сам такой станешь. Здесь так во всем: и с играми, и с книгами, и с разговорами, и даже с интимной близостью. Но ведь что-то же надо делать, когда надоедает спать и есть. Вот все и имитируют жизнь: якобы играют, как будто бы читают, о чем-то вроде разговаривают, кого-то словно бы любят.

— Почему имитируют? Живут.

— Нет. Жили они там. Раньше. Само понятие жизни вытекает из того, что есть еще и смерть. А здесь ее нет. Нет и жизни... И еще нет свободы. Мы добровольные пленники.

— А еще нет водки, сигарет...

— Нет семей, нет детей...

Сергей улыбнулся:

— Значит, есть к чему стремиться.

— И стремлений нет. Стремятся, извини меня, к возможному.

— Что же тогда никто не уходит отсюда?

— Не знаю. Сам-то ты тоже пока еще здесь.

Сергей бросил быстрый взгляд на Аню:

— Мне здесь пока что нравится.

— Посмотрим, что ты придумаешь позже.

— Позже я просто уйду отсюда.

Аня, несколько обескураженная таким неожиданным ответом, приподняла голову и оценивающе осмотрела Сергея.

— Ты так твердо об этом заявляешь, что даже хочется тебе верить. Но чтобы ты уходил, не хочется.

Сергей слегка улыбнулся:

— Есть такое существительное в русском языке — «надо».

Аня на несколько секунд задумалась.

— Это наречие, — серьезным тоном поправила она.

Сергей повернул к ней голову. Во взгляде его было сочувствие.

— А жаль, — тихо сказал он.

Какое-то время лежали молча.

— Сергей, — наконец позвала девушка.

— Да, — неторопливо отозвался он.

— Расскажи мне, что ты там такое важное оставил, что так хочешь туда вернуться.

— Сына.

— И все?

— Нет. Еще много чего. Но и этого одного немало.

— Думаешь?

Сергей не ответил.

— Многие из наших оставили там детей. Одного, двух и больше.

— У меня совсем маленький сын.

— И что?

— Я должен многое ему рассказать.

— Ты не успеешь. У тебя всего полгода. А сейчас он не поймет.

— Я успею... И он поймет... Я пишу ему книгу. Мне надо ее закончить.

— Наверное, хорошая книга, раз тебе так надо ее закончить.

— Наверное, хорошая.

— Рассказ, повесть, роман?

— Не знаю. Просто книга.

Снова помолчали. Аня поняла, что Сергей сам продолжать не будет.

— Ну, давай, рассказывай, — попросила она.

— Ты хочешь?

— Очень.

Сергей поворочался, устраниваясь поудобнее.

— Сейчас бы закурить, — мечтательно вздохнул он.

Аня молча развела руками.

— Ладно. Слушай. Я никому еще не показывал ее и не рассказывал, о чем она. Надеюсь, ты сможешь понять то, что я сейчас попытаюсь тебе объяснить. В общем, так. Там, в нашем обычном мире, живут почти шесть миллиардов человек. Каждый человек — это не просто существо с двумя руками и ногами. Это личность. Личность со своим собственным видением мира, со своим отношением к нему, со своими чувствами, желаниями, мечтами, суждениями. Всего не перечислить.

Сергей сделал паузу, собираясь с мыслями.

— Еще каждого человека окружает пространство. Это не просто поля, леса и горы. Нет. Я говорю о пространстве в более широком смысле слова. Это семья, это работа, друзья, подруги, соседи по гаражу, дача за городом, отпуск в Крыму, в общем, все. Все, что его окружает. Все, с чем он сталкивается и с чем живет. Ты меня понимаешь?

— Да.

— Хорошо. Теперь дальше. Каждый человек, каждая личность окружена не только пространством, но и временем. И деление этого времени на прошлое, настоящее и будущее — фикция. Время одно. Это расстояние от рождения до смерти. То, что было в прошлом, сохраняется в настоящем и останется в будущем. Оно всегда с тобой, ты с этим живешь, со своим прошлым в голове, и если бы у тебя этого прошлого не было, то и настоящее, и будущее были бы другими. Часто то, что было в прошлом, как хорошее, так и плохое, переживается ретроспективно в воспоминаниях и сновидениях куда более эмоционально и реально, чем когда оно происходило на самом деле. С другой стороны, будущее так же безотрывно связано с настоящим и прошлым. Человек всегда думает о будущем и в соответствии со своими думами меняет свое настоящее, которое затем становится прошлым. В общем, время — одно целое. Не одно на всех, а одно для каждого. И у каждого свое, неповторимое. То есть каждый человек ощущает сам себя личностью, живущей в собственном неповторимом пространстве, которое течет сквозь собственное неповторимое время. Я назвал это жизненным миром человека. Не загрузилась?

— Нет. Даже очень интересно. Продолжай.

— Как скажешь. Слушай дальше. Я считаю, что большинство людей по той или иной причине живут внутри безынтересных жизненных миров. У каждого из другой, меньшей, части народонаселения нашей планеты жизненный мир весьма интересен своей роскошной внешностью. И, наконец, третья, самая маленькая, но вовсе не крохотная часть. Их жизненный мир интересен и богат своей внутренней сутью.

— Вот тут не совсем улавливаю.

— Объясню. В первом случае ничто жизненный мир не красит. Во втором его красят окружающие обстоятельства: богатая и интересная с виду жизнь, но в душе безрадостно, и сам человек не в состоянии это изменить. А в третьем случае — красит сам человек, его сила воздействия на этот собственный мир, его стремление и умение строить этот мир по-своему и быть в нем королем. Мой отец был таким человеком. Его жизненный мир был прекрасен. Ему завидовали все, ему нельзя было не завидовать. Я понимал это даже тогда, будучи ребенком. И одним из результатов умения отца строить жизненный мир по-своему стало то, что у него вырос такой же, как он, сын, то есть я. Этого он и добивался. Его убили, когда мне было четырнадцать. Он прожил немного, но не это главное. Я был один с ним, когда он умирал. Я прибежал на звук выстрелов. Лужа

крови под отцом расплзлась на глазах, но две-три минуты у нас было. Он смотрел на меня и улыбался. Он был счастлив, потому что умирал со знанием того, что успел показать мне, кем он был, со знанием того, что я его понял, со знанием того, что я, его сын, буду таким же, как он. Он был счастлив, потому что гордился своей жизнью и своим сыном. А я всю жизнь горжусь своим отцом и тем, что я его сын.

— Ты тоже улыбался, когда он умирал?

— Да. И плакал тоже. По очереди... Теперь дальше. В жизни у меня все было не хуже, чем у отца, но вот со смертью... я его обогнал. Моему сыну нет еще и двух. Поэтому я пишу ему книгу: о себе, о своей жизни, о своем жизненном мире и о его красоте. Я не могу не написать ее.

— Жизненный мир вокруг человека во времени и пространстве, — как бы пробуя на вкус, сама себе проговорила Аня. — Красиво звучит.

— И выглядит красиво.

— Ну, — протянула девушка, — суть я поняла. А сюжет. Композицию. Канву. Хотя бы вкратце.

— Это не сложно. Но только вкратце.

— Давай.

— Я просто описываю некоторые события из своей жизни в хронологической последовательности. Как у Толстого: детство, отрочество, юность... ну, сейчас, вроде, молодость. События разные. Некоторые, в масштабе моей жизни и становления, скажем так, личности, эпохальные, некоторые — куда менее значимые. Но все они интересны и не только сами собой, но и моим отношением к ним, моим переживанием их внутри себя, моим поведением внутри этих событий... И еще одна особенность: в каждом описываемом сюжете есть с моей стороны один маленький-маленький огрех, не будь которого — события могли бы развиваться по другому, в несколько лучшую для меня сторону.

— Это зачем? Огрехи, в смысле.

— Это для заключительной главы. Там я напишу о моей мечте. У меня их было много. Почти все сбылись. Но эта была самая большая. Сбыться она не успеет — так пусть хоть передастся по наследству. Через книгу.

Аня не отрываясь смотрела на Сергея. Он, подумав, усмехнулся.

— Ну, хорошо, хорошо. Уговорила... Она почти нереальна, но все же... Я тебе говорил — я фармаколог. И биохимик тоже. Последние десять лет я мечтал создать лекарственный препарат, воздействующий на человеческий сон, а точнее на сновидения. Препарат,

индуцирующий нужную тематику снов и до максимума приближающий их к реальности. Мне снятся сны каждую ночь и всегда хорошие. Но мне этого мало. Они не зависят от моей воли, и с этим ничего нельзя поделать. А представь на минутку, что можно было бы просто выпить на ночь таблетку, настроиться, засыпая, на нужные мысли и во сне перенестись в любую желаемую точку своего жизненного мира. И испытать все заново. Заново прожить. Заново почувствовать. Как наяву. Выпускной бал, первый поцелуй, Новый год в общежитии педагогического училища...

— Здорово, — думая о чем-то своем, прошептала Аня.

— И это не все. Повторить одно. Другое дело — там, где надо, изменить. Улучшить. Пустить по лучшему пути и испытать все то, что так когда-то хотелось, но не получилось. Вот за этим и огрехи в моих сюжетах.

— Чтобы сын нашел их и подумал, как думаешь сейчас ты — каким образом лучше их исправить.

— Да. Чтобы он попытался влезть в мою шкуру и принять в ней свое решение. Может тогда он станет таким как я, а если даже и нет, то хотя бы поймет, чем я жил.

Теперь молчали долго. Аня думала, Сергей просто смотрел вокруг и запоминал то, что ему когда-то надо будет оставить.

— А расскажи, — наконец попросила девушка, — что-нибудь из книги. И что бы ты хотел в этом изменить.

— Ну-у, если коротко...

— Как сможешь. Куда нам торопиться.

— Все равно коротко. Подробно не смогу — лучше читать.

Аня промолчала.

— Например, об отце. Точнее, что было после его смерти. Он был влиятельным в Москве человеком. Поэтому, в общем-то, его и убили. Это было заказное убийство, но тогда мы еще не знали такого термина. Друзья отца тоже были людьми нерядовыми. Им несложно оказалось узнать, кто заказал убийство и кто его исполнил. Трое богатых дураков решили, что самый простой выход из немного проблемной ситуации, в которой они оказались — нанять киллера. Они были настолько самонадеянны и беспечны, что расплатиться с ними можно было почти безнаказанно. Почти. То есть какой-то риск был. Я пришел к друзьям отца и сказал, что рисковать хочу я. У меня так горели глаза, что никто не стал возражать. Не смотря на мой юный возраст восприняли меня серьезно. Через год я убил всех троих. Сразу. В один день, в одном месте. Только заказчиков. Я зарезал их охотничьим ножом, спокойно и без эмоций. И неожиданно для каждого. Исполнителя я не трогал.

— Ты говоришь мне правду?

— Абсолютную.

— Хорошенькая книжка. О чем же ты жалеешь?

— Никто из них не понял, за что он умер. Один, я думаю, и понять, что умирает, не успел. Теперь я об этом жалею. Теперь я хотел бы, чтобы на мне в тот день большими буквами было написано, чей я сын, и чтоб помирали они долго и мучительно, проклиная свою самонадеянность и уверенность в безнаказанности. Или вот еще, — без паузы перекинулся Сергей на другую тему. — Через полгода после этого я играл в международном юношеском шахматном турнире. Это было во Франции. Перед последним туром я шел на пятом месте. Победа, в лучшем случае, давала мне третье, в худшем — так и оставляла на пятом. Но на победу трудно было рассчитывать: последнюю игру я должен был играть с лидером. А как он играл! Это нечто. Я видел некоторые его партии — даже на ничью у меня было мало шансов. А ему для железного первого места нужна была только победа. Ты играешь в шахматы?

— Нет. Но ситуацию я понимаю.

— У него, у лидера, была старшая сестра лет шестнадцати-семнадцати. Но выглядела она на все двадцать. В том возрасте ведь все считают, что, чем старше выглядишь, тем круче. Это сейчас наоборот. Так вот. Круче, чем она, выглядеть было нельзя. Молодая, стройная, длинноногая француженка с красивым гордым лицом. Для нас, четырнадцати-пятнадцатилетних сопляков, это был верх недоступности. Она была на всех играх — болела за брата. У меня через ночь поллюции на том турнире были. Это когда она меня в сновидениях посещала. А теперь прикинь ситуацию. Я довольно быстро закончил свою предпоследнюю партию и тусуюсь по игровому залу, весь на нервах от мыслей о завтрашней игре и почти неминуемом поражении. И тут подходит ко мне эта дива и робким голосом просит разрешения наедине со мной поговорить.

— Ты, конечно, разрешил.

— Еще бы. Нашли мы с ней место поединеннее. Гляжу — у нее слезы на глазах. «Проиграй, — умоляет меня, — брату. Не будет счастья ему в жизни без первого места. А мне нет жизни без его счастья». Ну, взамен, разумеется, сама понимаешь, что предлагает. С предоплатой. Я и думать не стал — сразу уехал с ней к себе в гостиницу. Это была моя первая женщина, я так много от нее ждал. А получилось все очень отвратно. Ее интересовал только факт того, что я получу свое причитаемое за сданную игру. Не буду описывать, но скажу честно: как только она ушла, я понял,

что знай я о том, как все это будет, заранее — все равно сделал бы это. Слишком она была красива. И слишком казалась недостижимой... А слово словом. На следующий день ее братец одержал красивейшую победу. Даже бывалые судьи за головы хватались, как глубоко он продумывал комбинации. А он не продумывал, он знал партию наизусть, как знал ее я. Его сестренка оставила мне листочек с нужным шахматным сценарием. По нему мы и играли. Тем не менее, я был доволен своим выбором. Партию я бы все равно проиграл, а кроме того я чувствовал хоть небольшую, но гордость, что стал, наконец-то мужчиной в известном смысле этого слова. Правда обида на ее хамское поведение была не меньше, чем эта гордость, но да бог с ней. Я уже почти забыл про все это, когда через год в шахматном мире пронеслась весть, что этого самого чудо-брatца подловили где-то в Штатах на такой же афере. И выяснилось, что играть-то он толком и не умеет, а все победы — не только мою — брал посредством своей сестренки, которая, при ближайшем рассмотрении, оказалась вовсе не сестренкой, а просто малообеспеченной французской девушкой, которую богатый папа мальчика таким вот неординарным способом приобщил к высокому шахматному искусству... А я так купился.

— Можно я не буду спрашивать, что ты хотел бы изменить в этой ситуации.

— Нельзя. Могут быть разночтения.

— Неужели? По-моему, со знанием подоплеки выход был один — отказать.

— Ты говоришь о прошлом. О действительности. А я — о моей мечте. О снах.

— И...

— Я бы сделал вначале ее, а затем ее брата. Брата в шахматы, разумеется. И посмотрел бы потом на их счастливые лица. Чудесный был бы сон. Заряд бодрости и хорошего настроения на весь следующий день...

— Еще расскажешь? — спросила Аня, когда пауза затянулась слишком долго.

— Нет, — Сергей улыбнулся в ответ на удивленный взгляд девушки. — Может быть в другой раз. Что-то в сон клонит. Давай поспим маленько.

Оба устроились поудобнее на дне лодки. Теперь им было видно только то, что заменяло небо. Сон к Ане почему-то не шел. Она тихонько толкнула Сергея в бок.

— Сергей. А, Сергей.

— У-у, — отозвался он сквозь полудрему.

— А ты допиши свою книгу здесь.

Сергей медленно открыл один глаз.

— Ты чем раньше занималась, Аня?

— Я? — девушка на секунду задумалась. — Я писала красивые пейзажи маслом.

— А почему здесь не пишешь?

Девушка молчала.

— Потому что никому они здесь не нужны, — сам себе ответил Сергей и снова закрыл глаз.

Скоро заснула и Аня.

Сергей продержался еще «месяц». На его исходе он, зайдя как-то после «завтрака» к Ане, застал ее в постели с одним из местных долгожителей, смотревшимся, впрочем, весьма юно.

Услышав, что кто-то зашел, они, конечно, отвлеклись от своего занятия, но ни в том, ни в другом из устремленных на него с кровати взглядов Сергей не увидел ни тени растерянности, беспокойства или вины — только укор, как глуповатому гостю, необдуманно зашедшему рано утром в спальню хозяев за спичками. Ничего не сказав, Сергей вышел.

Оказавшись на улице, он сел на крыльцо и машинально начал хлопать себя по карманам, ища сигареты. Обыскав все карманы дважды, он вспомнил, что сигарет у него быть не может. Лаконично выругавшись по этому поводу, Сергей откинулся назад, уперся спиной в стену и стал ждать.

Первым вышел юноша. Он остановился и хотел что-то сказать, но, оценив равнодушное к нему выражение лица Сергея, предпочел просто уйти.

Потом вышла Аня. Сергей не повернул к ней головы, оставаясь сидеть как сидел. Девушка опустилась рядом.

— Это поэтому ты всегда отсылала меня «ночевать» одного?

— Да.

— И много у тебя таких друзей?

— Ну-у... я же здесь уже долго.

— То есть весь санаторий.

— Почти.

— Уверен, времени это исправить у тебя будет достаточно.

— Подумай хорошо, прежде чем иронизировать. Тут другая мораль. Тут все другое. Вечность притупляет все чувства, оставляя место лишь голому прагматизму — мне хорошо, да и ладно. А какая разница с кем... Первое время я тоже боролась, а потом надоело

быть белой вороной, да еще и глупой к тому же. Когда время бесконечно, рано или поздно это у меня случится с каждым. Зачем же откладывать.

Аня повернула голову к Сергею. Он, казалось, не слушал ее, напряженно о чем-то размышляя. Она слегка толкнула его в бок.

— Сергей! Ты меня слышишь?

— Да-да, конечно. Белая ворона. Рано или поздно. Я тебя понял, — отговорился Сергей, но Аня видела, что все равно он продолжал думать о своем.

— Ты обиделся, что я об этом молчала?

— Нет. Правильно делала. Не хвалиться же тебе этим.

— Тогда что? Не нравится, что кроме тебя были и другие?

— Да нет. Я не собственник.

— А что тогда? Скажи.

Сергей молчал.

— Хорошо. Я скажу сама, раз ты так хочешь. Я знаю, что угадаю. Ты так расстроен, потому что мне все равно, с тобой ли я это делаю или с кем другим. А ты хотел бы, чтобы ты был один или, по крайней мере, вас было немного. Избранных. И чтобы ты четко представлял себе, почему я вас выбрала. Чтобы, ложась спать или, наоборот, просыпаясь, играя в карты, идя по улице, катаясь в лодке — в любой момент, ты мог сказать себе: я — молодец, я — д'Артаньян, я — Гагарин, в конце концов, и именно за это она меня любит. И пусть есть еще пара-тройка других д'Артаньянов — ничего, мир большой, места всем хватит, и ты не жадный. Ты их знаешь, знаешь с хорошей стороны, и это лишний повод восхищаться моим вкусом и выбором и лишний повод гордиться собой. А гордиться, Сережа, как оказалось, нечем. Ты такой же, как все тут. Точнее, скоро будешь таким... Прости...

Сергей резко повернулся и впился в Аню глазами.

— Я лучше, — четко произнес он.

Аня удивленно подняла брови:

— Чем?

— Я лучше потому, что я не тут. Эй, вы, черти! — громко крикнул он в никуда.

Из-за угла дома, как будто того и ждали, вышли трое мужчин в черном.

— Мы хотели сказать тебе, — начал один.

— Я знаю, что вы хотели сказать, — беспардонно перебил Сергей. — Я вам сам скажу. Идите-ка вы, ребята, кал трамбуйте. А меня верните назад, в Пензу, на мой луг. И сейчас же.

— Но...

— И не надо но. Мне еще с Андрюхой в волейбол поиграть надо. На нашей площадке, что в воде стоять будет. Мне и сына второго родить надо. И за шуку у Сани отыгаться. Мне много еще чего надо. Надо! Есть такое существительное в русском языке. А у вас его наречием обзывают. Потому, наверное, и не надо... никому... ничего.

Аня спрыгнула на две ступеньки вниз, развернулась и встала перед Сергеем на колени, сжав его руки в своих.

— Сережа! Сереженька! Я пошутила. Ты, правда, лучше. Останься.

Сергей улыбнулся.

— Не плачь, Анечка. Теперь ты снова номер один в очереди. А потом, знаешь — такое ощущение, что я сюда еще вернусь. Своевременно. Уж больно не похоже здесь все на санаторий. Так что до встречи, шутница моя.

Он еще раз улыбнулся, после чего поцеловал ее руки, встал и ушел за теми троими к берегу моря. Аня поняла, что останавливать его бесполезно.

Сергей открыл глаза и резко поднял голову. Он лежал на своем любимом лугу среди лиловых вьюнков, а над ним было вечернее синее небо. Настоящее. Сергей смотрел на него и не мог насмотреться. Солнце только что село.

— Не обманули, — довольный, улыбнулся он, вставая и направляясь к машине.

Дома его ждал сюрприз. Мало того, что пришли все друзья — во главе стола, окруженная гостями, сидела Ольга, его жена.

Они встретились глазами. Сергей удивленно поднял брови.

— А то я не знаю, где тебя найти, — улыбаясь, ответила Ольга на немой вопрос, после чего по-деловому добавила: — Вову я оставила на выходные родителям.

— Тогда пора начинать.

— Не видим препятствий, — в один голос отозвались Андрей и Иван.

Ночь удалась на славу. Обменявшись за столом накопившимися новостями, все затем отправились в клуб на дискотеку, где были весело встречены новым поколением молодежи. В разгар праздника Новиков и Ромашкин с десятком молодых ребят долетели до совхозной конюшни, напоили старого сторожа и пригнали к клубу десять лошадей.

А потом, среди ночи, в центре села была конная демонстрация. Два часа подряд по четырехугольной траектории вокруг сквера между клубом и конторой ездил шагом конная колонна по две лошади в ряд. После каждого круга седоки менялись. Во главе колонны развевалось позанимствованное из школьного музея красное знамя, а со следующих двух лошадей раздавались стук барабана и хрипение горна, заглушаемые нестройными, но громкими песнями пьяных демонстрантов.

После конское поголовье и знамя вернули на место, молодежь занялась своими делами, а Сергей со сверстниками еще долго сидели на берегу реки вокруг двух мангалов и двух костров под картошку.

Заснули после восхода солнца. Кто где: в гостях, по домам, в машинах. Сергей с Ольгой остались на фазенде. Он лежал на спине и смотрел в глаза жены, тесно прижавшейся к нему и положившей подбородок на кулак, а кулак на его грудь. В матовом красном свете застопоренной спичкой пожарной мигалки Ольга казалась сказочной русалкой.

— Я все знаю, Сережа.

— Про эту зиму?

— Да.

— Что ж. Тем лучше. Мне было бы трудно самому сказать тебе об этом.

— И теперь я хочу второго ребенка.

— Правда?

— Правда.

— Я тоже хочу. Хотя вряд ли его увижу.

— Это неважно. Главное — ты будешь знать, что он у тебя родился. Я назову его Сережей.

Сергей слегка вскинул брови:

— А если родится девочка?

— Все равно Сережей, — грустно ответила Ольга.

Чуда не произошло. Зимой Сергей умер.

В клубах серого тумана стояли и разговаривали двое.

— Сейчас он придет сюда, брат, — сказал один.

— Знаю.

— У меня к тебе будет просьба. Не торопись пускать его дальше — удержи у себя сколько сможешь. Представляешь, он думал, что вернется ко мне, потому что считал санаторий раем. Плохим,

конечно, но раем. Покажи ему настоящий рай. Пусть сбудется его мечта. Пусть каждый раз, ложась спать, он будет видеть себя со своими друзьями, говорить с отцом, воспитывать сына. Пусть рассчитается с француженкой, вернет ту свою ночь со Светой, да мало ли чего еще ему надо исправить. Пусть просыпается после этих снов со счастливым чувством и выходит в мир жить с людьми, которые, как и он, очень многого хотят и очень многое любят. Пусть он останется там подольше.

— Знаешь, брат, — улыбнувшись, ответил другой. — Иди-ка ты кал трамбуй. А я уж как-нибудь сам сумею о нем позаботиться.

Ранним летом следующего года Ольга с недавно родившимся Сережей, Андрей и Иван приехали в Пензу выполнить последнюю просьбу Сергея — развеять пепел. Лиловый вьюнок уже цвел. На лугу, между селом и речкой, стояла милая девушка лет двадцати трех и рисовала маслом лиловый пейзаж. Она сказала, что зовут ее Аней. Не Анютой, не Анной, не Анечкой, а именно Аней, уточнила она. И еще сказала, что теперь она счастлива.

Сахалин — Тольятти, 06.08.1999

СОДЕРЖАНИЕ

Этап.....	3
Легенда о зове.....	40
Здравствуй, мама.....	66
Соната.....	83
В сердце Леонского королевства.....	95
Константа относительности.....	106
Игра.....	119
Письмо.....	131
Ты мне ничем не сможешь помочь.....	139
Случай в Галактике 36-80.....	184
Каждый из пяти миллиардов.....	213

Литературное агентство В. Смирнова. Тольятти 2014
ИД № 00092 от 27.08.99.

Редактор В. МИСЮК
Художник М. ШЛЯПИНА

ЕГОРОВ ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ
КОНСТАНТА ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

повести и рассказы

Рисунок ***М. Шляпиной***
Дизайн, верстка, макет ***В. Мисюк***
Отпечатано в Димитровградской
типографии, ул. Юнг Северного флота, 107.
Заказ №
Подписано в печать 16.10.2014.
Формат 60x84 / 16.
Бумага типографская.
Гарнитура "Peterburg".
Печать офсетная. Объем печ. л. – 17.0
Тираж 500 экз.